

**Министерство науки и высшего образования Российской Федерации
Гуманитарно-педагогическая академия (филиал)
ФГАОУ ВО КФУ им. В. И. Вернадского в г. Ялта
Кафедра истории и философии**

МАТЕРИАЛЫ

XI Всероссийской научно-практической конференции

**«ЯЛТИНСКИЕ НАУЧНЫЕ ЧТЕНИЯ. КУЛЬТУРА И ОБЩЕСТВО В
УСЛОВИЯХ ГЛОБАЛЬНЫХ ВЫЗОВОВ: ИСТОРИЧЕСКИЙ И
СОВРЕМЕННЫЙ КОНТЕКСТЫ»**

23-24 апреля 2026 г.

Ялта, 2026

УДК 316.7:316.42

ББК 71+60.5

К62

Сборник научных статей по материалам Всероссийской научно-практической конференции «**XI Ялтинские научные чтения. «Культура и общество в условиях глобальных вызовов: исторический и современный контексты»** (23-24 апреля 2026 г., г. Ялта) / Ответственный редактор А. А. Атик. – Ялта: РИО ГПА, 2026. – 255 с.

**Рекомендовано к печати решением
Учёного совета Гуманитарно-педагогической академии (филиал) ФГАОУ ВО КФУ
имени В. И. Вернадского в г. Ялта
Протокол № 5 от 27.05.2026 г.**

Настоящий сборник составлен по итогам Всероссийской научно-практической конференции «**XI Ялтинские научные чтения. «Культура и общество в условиях глобальных вызовов: исторический и современный контексты»**, состоявшейся 23-24 апреля 2026 г. в г. Ялта). В статьях, включенных в сборник, рассматриваются современные вопросы науки, образования и практики применения результатов научных исследований. Сборник предназначен для научных и педагогических работников, преподавателей, аспирантов, магистрантов и студентов с целью использования материалов в научной и учебной деятельности. Ответственность за оригинальность и точность цитат, имен, названий и иных сведений, а также за соблюдение законов об интеллектуальной собственности несут авторы публикуемых материалов. Статьи печатаются в авторской редакции.

РЕЦЕНЗЕНТЫ

ШЕВЧЕНКО О. К. Доктор философских наук, заведующий кафедрой философии ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет им. В. И. Вернадского» (г. Симферополь)

КОЗЛОВ М. Н. Доктор исторических наук, доцент, профессор кафедры всеобщей истории и мировой культуры ФГАОУ ВО «Севастопольский государственный университет» (г. Севастополь)

Содержание

Баранецкий А. Н. Обоснование гипотезы о нулевой, первой и второй генерации культуры программирования интеллекта, искусственно оснащённого (ИИО) в их влиянии на содержание и качество педагогической культуры	6
Башкирева Н. В. Историческое просвещение в педагогическом вузе как фактор сохранения и трансляции исторической памяти в новых субъектах российской федерации	11
Беспалая В. Н., науч. рук. Акишева М. С. Формирование исторического иммунитета: критическое мышление как педагогическая стратегия сохранения традиционных ценностей на уроках истории	17
Билаонова М. Ю., Пурынычева Г. М. Об актуальности метафизики всеединства В.С. Соловьева	23
Ваньков И. А., науч. рук. Чудина-Шмидт Н. В. К вопросу о возможности профилирования по типам культурной идентичности	28
Глузман А. В. Отечественное образование в контексте системно-исторического процесса	33
Глухов И. Ю., науч. рук. Бекиров С. Н. Религия как фактор сохранения моральных и этических норм в многонациональном обществе	38
Гмыря А. А., науч. рук. Чудина-Шмидт Н. В. Сохранение культурной идентичности как фактор противодействия преступлениям	43
Гришин Ю. В., Атик А. А. Корпус бронзовых монет Фанагории позднего спартокидского периода (ок. 130-125 гг. до н.э.)	48
Данакари Л. Р., Ивентьев С. И. Понятие «богоизбранный народ» в культуре народов России	55
Дедова И. А. Преодоление сущностного разрыва философии и интеллекта (из опыта преподавания)	61
Демура А. В., науч. рук. Чудина-Шмидт Н. В. Сохранение культурной идентичности как фактор недопущения перехода на экстремистские взгляды	69
Диденко А. Д. Развитие художественного образования в рамках взаимодействия различных народов Крыма	74
Загайнова В. И., Егорова О. Г. Идея полета в истории человеческой мысли: от мечты к воплощению	82
Изосимова С. А., Пигуз В. Н., Ивашко К. С., Ковалева К. В. Вклад разработки теоретических основ и компьютерных интеллектуальных технологий диагностирования и безмедикаментозной саморегуляции психоэмоциональных состояний личности в процесс гиперперсонализации обучения	87

Камарали А. В. Исторические этапы взаимодействия культур народов России	93
Качан Ю. Е. Факультет довузовской подготовки иностранных граждан как место сохранения лучших традиций отечественного образования	98
Кирпилёв К. С. Изучение храма св. Ильи на г. Ильяс-кая: первый этап	101
Кирпилёв К. С. Изучение средневекового замка Кокия-Исар: первый этап	106
Корнеева К. В. , науч. рук. Чудина-Шмидт Н. В. Культурная идентичность как фактор недопущения вхождения в молодежное деструктивное сообщество	111
Корчагин Н. Ю. , науч. рук. Бекирова Э. Ш. Использование элементов микроистории в процессе изучения истории школьниками 5–9 классов	117
Лузанов Е. П. , науч. рук. Бекирова Э. Ш. Художественная литература как средство формирования исторического мышления и воображения на уроках истории в средней школе	120
Максимович В. А. Национальная культура в условиях новой цифровой реальности	124
Мезенцева А. И. Формирование поликультурных гражданских качеств будущих педагогов: теоретическая модель и результаты опытно-экспериментальной работы	130
Оганезова Ц. А. , науч. рук. Акишева М. С. Работа с историческим источником и конструирование смыслов: от факта к картине мира	139
Останина О. А. Методологические аспекты коммунитаризма Н.А. Бердяева	145
Первушина Е. И. , науч. рук. Чудина-Шмидт Н. В. Вхождение в субкультурное образование как свидетельство потери культурной идентичности	151
Разбеглова Т. П. Роль субъектности в социальной динамике	155
Ромашкин Н. Д. , науч. рук. Чудина-Шмидт Н. В. Влияние сети интернет на потерю культурной идентичности	164
Самойлова Ю. С. , науч. рук. Бекирова Э. Ш. Роль наглядных средств обучения при изучении истории	170
Свечникова Е. В. Искусство цифровой эпохи	177
Солдатов А. Е. , науч. рук. Чудина-Шмидт Н. В. Рост молодежных субкультур как результат потери культурной идентичности	182
Сосновская В. Р. , науч. рук. Есип И. М. Развитие женского образования в России в начале XX века	186

Сухина И. Г., Шлетгавер Д. В., Модернизация как движущая сила и механизм развития цивилизации инновационного типа	195
Теряев В. М., науч. рук. Атик А. А. Цифровые технологии в формировании исторической культуры обучающихся: современное состояние и перспективы развития	204
Тинякова Е. А. Крымские татары и татарский этнос	212
Тихонов М. В., науч. рук. Чудина-Шмидт Н. В. Экзистенциальный вакуум как результат потери культурной идентичности	217
Хоменко Д. М., науч. рук. Есип И. М. Сущность и содержание понятия «гражданско-патриотическое воспитание» в современной педагогической науке	222
Чаганов Н. Н., науч. рук. Есип И. М. Педагогические идеи К. Д. Ушинского: трудовое обучение от XIX века в будущее, самовыражение в труде	230
Чудина-Шмидт Н. В. Влияние распада СССР на проблемы идентичности современной молодежи	236
Шабалин Д. Г. Социально-философские аспекты идентичности языкового пространства современной России	240
Яковенко М. Г., науч. рук. Акишева М. С. От нейросети-шпаргалки к инструменту анализа: развитие критического мышления на уроках истории в эпоху искусственного интеллекта	248

УДК 001.18

**ОБОСНОВАНИЕ ГИПОТЕЗЫ О НУЛЕВОЙ, ПЕРВОЙ И ВТОРОЙ
ГЕНЕРАЦИИ КУЛЬТУРЫ ПРОГРАММИРОВАНИЯ ИНТЕЛЛЕКТА,
ИСКУССТВЕННО ОСНАЩЁННОГО (ИИО) В ИХ ВЛИЯНИИ НА
СОДЕРЖАНИЕ И КАЧЕСТВО ПЕДАГОГИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЫ**

**SUBSTANTIATION OF THE HYPOTHESIS ABOUT THE INFLUENCE
OF THE CULTURE OF PROGRAMMING INTELLIGENCE WITH
ARTIFICIAL TOOLS OF THE ZERO, FIRST AND SECOND GENERATIONS
ON THE CONTENT AND QUALITY OF PEDAGOGICAL CULTURE**

Баранецкий Андрей Наумович

Кандидат философских наук, доцент

*Государственное автономное образовательное учреждение
профессионального образования города Севастополя «Институт развития
образования»*

Baranetsky Andrey Naumovich

PhD in Philosophical Sciences, Associate Professor

*The State Autonomous educational institution of professional education of the
city of Sevastopol "Institute of Educational Development"*

Аннотация. Предлагается переосмыслить использование так называемого "искусственного" интеллекта для воспитания качеств программирующих субъектов мировой истории ("монополистов нормотворчества"). Они программируют не только производство товаров, но стремятся запрограммировать и производство самого человека. А это напрямую задевает сущность педагогической работы. Опираясь на истолкование архетипов эволюции вульгарной манипуляции и переход к манипуляции рационализированной можно прогнозировать этапы прогресса.

Abstract. It is proposed to rethink the use of so-called "artificial" intelligence to foster the qualities of programming subjects of world history ("monopolists of rulemaking"). They program not only the production of goods, but also seek to program the production of the person himself. And this directly affects the essence of pedagogical work. Based on the interpretation of the archetypes of the evolution of vulgar manipulation and the transition to rationalized manipulation, it is possible to predict the stages of progress.

Ключевые слова: название "ИИ" как научный термин; программирующий разум; качество интеллекта; педагогика, социальный прогресс.

Keywords: the name "AI" as a scientific term; programming mind; quality of intelligence; pedagogy, social progress.

Вниманию читателя предлагается рассмотреть влияние ИИО (интеллекта искусственно оснащённого) первой и второй генерации на все формы духовной жизни любого социума. Но аспект рассмотрения таков, что сначала развёрнуто влияние первой генерации и выбран аспект использования психоделических технологий (НЛП и не только) в таком срезе, где очевидны усилия в задействовании эстетических ценностей.

Автор считает, что формирование эстетических вкусов будет подчинено устаревшим и часто асоциальным социальным требованиям. В истории этики есть понятие про безусловно регулирующий характер этических категорий. Но в истории культуры было огромное количество сюжетов, в которых вкусы эстетические идут вразрез с нравственной культурой и игнорируют культуру нравственную ради своих желаний, капризов, вплоть до эстетизации аморализма. Распространяется эстетизация зла. Наиболее широко известны претензии эстетизации зла в эпоху Возрождения, к примеру в «Эстетике возрождения» в разделе про обратную сторону титанизма А. Ф. Лосев пишет «Возрождение прославилось ... типами коварства, вероломства, убийства из-за угла, невероятной мстительности и жестокости, авантюризма и всякого разгула страстей ... до какого-то самолюбования и до какой-то дикой звериной эстетики». [1; 2, с. 120–121]. Это поведение всё тех же элит Запада. Это эпоха костров инквизиции. Впрочем, своё родство с обратной стороной титанизма III Рейх показывал кострами из книг и в XX в. И это не только самолюбование, ведь основателем расизма был французский автор: «... Гобино отзывается о германцах как цвете человечества... актуализирует собственную концепцию расового вырождения человечества ...» [4, с. 175].

Понимание сущности этих процессов позволяет глубже заглянуть в детерминанты деградации культуры и тогда ужасы 1-й и 2-й мировой войн будет осмыслено как очередной виток всё той же обратной стороне титанизма. Это силовое внедрение всяких претензий на новую «эстетику». Но, в сущности, это не эстетика, а особо дикое эстетство, капризы вульгарных самодуров и беспредельные амбиции злодеев на мировое господство. В эпоху Возрождения ещё не умели системно поставить университетский интеллект на службу этим вульгарным самодурам, а в III Рейхе интеллектуалы исправно служили социальному злу. Псевдо-искусственный псевдо-интеллект ждёт аналогичная судьба и великое достижение человечества – не менее великое чем университетский интеллект увы, тоже переживёт полосу служения социальному

злу. Инструментом оправдания такого служения всю историю были и будут претензии эстетической культуры на роль более важную, чем роль этики, нравственной культуры. Якобы эстетическое совершенство – это достаточное основание для построения социального идеала и для насилия тоже. Использование ИИО в войнах – это особая грань его использования. Любая война есть защита одних ценностей и уничтожение иных. «Самоутверждение путём насилия над человеком есть ... ипостась морального зла» [3, с. 45]. В использованной на этой странице цитате из Лосева А. Ф. он не случайно называет эту в кавычках эстетику «дикой, звериной эстетикой».

Претензии на то, что – де – якобы – эстетические категории могут иметь безусловно регулирующий характер приводят общество к такой социально-политической организации отчуждённого насилия, которая опирается на эстетические вкусы правящей верхушки.

Условимся, что нулевым уровнем зрелости мироотношения мы здесь называем этап как бы новорождённой интеллектуализации, кроме восхищения, надежд, идеалов и симпатий к новой интеллектуальной культуре почти ничего не наблюдается. И сами носители новорождённой интеллектуальной культуры наивно стараются стремиться к возвышенному и прекрасному, разумному, доброму и благородному.

Сама зрелость мироотношения сопровождается переходом от интеллекта стихийного к университетскому около 500-400 лет тому назад и – аналогично – переходом к использованию такого интеллекта, который искусственно оснащён всеми типами информационных технологий. Это ИИО. Хотя шире распространилась вульгарное обозначение этого уровня как явление псевдо-искусственного псевдо-интеллекта. Это вульгарное название «ИИ» или в международной практике «AI» суть явное и довольно инфантильное завышение статуса, преувеличение сущности. Это скорее консоль той части интеллекта, что сотни лет называли сообразительностью, рассудком. Рассудок решает задачи. Это не мышление в собственном смысле слова. Мы мыслим после того, как выходим на путь понимания сущности процесса. А любое решение любых задач только помогает или мешает этому. Тот, кто мешает пониманию сущности происходящего – как правило – опирается на чьи-то личные симпатии или антипатии. Это даже вкусами называть не стоит.

Некоторые приметы этого – в сущности зловещего – процесса могут казаться безобидными. Вот эти сравнительно «безобидные» приметы: 1. Огромное количество детей в бедных странах планеты преподносят как безобразное явление. Хотя эстетическая оценка этих проблем недопустима. 2. Культивируется восхищение маленькими животными – и не только щенками и

котятми – при этом уровень воспитанности детей человека катастрофически снижается, что преподносится как повод для роста симпатии к животным, но не к людям. И опять тут опора на эстетику, игнорирование святынь нравственного порядка. 3. Идёт сакрализация красоты дикой природы без людей и из СМИ вытесняется восхищение благородством человека. 4. Дегуманизация всех видов искусств – про которую писал ещё Ортега -и-Гассет – продолжена и усилена. 5. В СМИ и Интернете миллионы восхитительных отзывов про новую технику, ценность комфорта, всех развлечений, шикарного потребления ... и в тысячи раз реже встречается достоверная информация о благороднейших достижениях педагогов человечества. Гении педагогики вообще тотально замалчиваются или их достижения принижаются даже в специальных изданиях. Тогда как способы превратить человеческую жизнь в ярмарку тщеславия превозносятся как смысл бытия. В частности, об этом автор данной работы писал в исследовании меры ценности актуальности и меры актуальности ценности. [См. 1]. И это далеко не все опасности и даже не главные опасности, которые несёт с собой первый уровень зрелости. Не случайно говорится, что «первый блин – комом». Неопытности и неискущённость в опоре на ИИО обернётся катастрофами.

Надо скорее переходить ко второму уровню зрелости мироотношения. То есть надо обновлять и облагораживать все процессы обучения и воспитания будущих программистов.

Особенности второго уровня зрелости мироотношения: категорическое отторжение волонтаризма и нарциссизма вульгарных лидеров (1); очень интенсивное самообразование и всемерное наращивание учебных усилий, систем образования и обучения (2); жёстко нетерпимое отношение к тому, что признаётся социальным злом (3); всемерная эскалация ценностного отношения к массам простых тружеников – прежде всего рабочих и крестьян сочетается с нарастающей требовательностью к любому лицу, которое претендует на власть, очень высокий статус и престиж самопожертвования (4); создание в обществе многоуровневой и тотальной системы социализации, культивирование самообразования, самовоспитания, морально-нравственных акций и демонстраций готовности заменить собой тех самоотверженных лидеров, которые выполняют своё предназначение героически и беззаветно служа общей цели (5); все сферы социального и духовного бытия социума модернизируются так, чтобы любое искусство и любая культура учили чувствовать ценность человека труда и творчества. Эстетические ценности как самоценность и самоцель категорически отторгаются и рассматриваются только сквозь призму требований возвышения чувства собственного достоинства и воспитания у каждого гражданина готовности ценить всех (6).

Таким образом – вторая генерация ИИО – это такая система, которая будет:

1) модернизировать технологии кадровой политики для того, чтобы обеспечить отторжение волонтаризма и нарциссизма вульгарных лидеров, которые сегодня оседлали ИИО первой генерации и реализуют свои асоциальные программы со зловещей бесцеремонностью. Диагностика асоциальных параметров любых практик для социологии проблемы не представляет, но социология сама давно используется для внедрения асоциальных практик, как инструмент социального зла – то есть антинаучно.

2) Если ИИО вчера и сегодня отвлекает подростков от учёбы и официальной воспитательной педагогической системы (воспитывая отвращение к познанию, наукам, учёбе, учёным и учителям...), то ИИО второй генерации напротив позволит ежеминутно и довольно ревниво следить за процессами обучения и за тем, чтобы отвращение к познанию с учёбой сменялось защитой любознательности, будет возрождать влюблённость в увлекательность познания, возрождать мечту о росте способностей. Менее чем за 10 лет возродится интенсивное самообразование и всемерное наращивание учебных.

3) если ИИО первой генерации служит в конечном счёте физическому устранению миллиардов людей с планеты Земля, то ИИО второй генерации поможет человечеству хорошо осознать эту опасность, и информационная война обострится.

Возрастёт жёстко нетерпимое отношение к тому, что признаётся социальным злом. Тот, кто строит планы по распространению войн, эпидемий и голода будут разыскиваться. И особенно остро встанет проблема распространения психических эпидемий. Диагностика распространения психических эпидемий наконец-то начнёт применяться именно благодаря ИИО второй генерации. И это поможет искоренению социального зла, поиску источников социального раздражения.

4) Благодаря ИИО второго поколения восстановится атмосфера взаимного уважения и будет внедрён жёсткий мониторинг публичного и служебного общения. Качество социальной коммуникации будет взято под контроль многоуровневый и многоаспектный. Уважение к труду и к личности потребует сменить фокусировку социального внимания с социальных прав на социальные обязанности. ИИО второго поколения позволит возродить всемерную эскалацию ценностного отношения к массам простых тружеников – прежде всего рабочих и крестьян. ИИО второй генерации поможет организовать нарастающую требовательность к любому лицу, которое претендует на власть, высокий статус. Конечно, «престиж самопожертвования» чаще будет уместен в музеях об

историческом прошлом, но культ преданности и служения классическим благородным идеалам можно будет восстанавливать.

5) ИИО второй генерации позволит так трансформировать культуру социальной коммуникации, что это снова создаст в обществе многоуровневую и тотальную систему социализации, культивирование самообразования, самовоспитания, морально-нравственных акций и демонстраций готовности заменить собой тех самоотверженных лидеров, которые выполняют своё предназначение героически и беззаветно служа общественно значимой цели.

6) Мифы о самоценности искусства будут элиминированы из общественного сознания и духовной жизни, будет стёрт культ всяческих развлекателей (деятелей и организаторов шоу-бизнеса). Все сферы социального и духовного бытия социума снова начнут модернизировать так, чтобы любое искусство и любая культура учили чувствовать ценность человека труда и творчества. Эстетические ценности как самоценность и самоцель станут известны только как часть истории.

Каким именно будет использование ИИО в таком обществе – это сюжет дальнейших исследований.

Литература

1. Баранецкий А. Н. Мера актуальности ценности и мера ценности актуальности // Архонт, 2018. № 1(4). С. 10-17. Код доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/mera-aktualnosti-tsennosti-i-mera-tsennosti-aktualnosti/viewer>

2. Лосев А. Ф. Эстетика Возрождения. М., «Мысль», 1978. 623 с.

3. Скрипник А. П. Моральное зло в истории этики и культуры. (Над чем работают, о чём спорят философы.) – М.: Политиздат, 1992. – 351 с.

4. Философия истории: Учеб. Пособие / Под ред. проф. А. С. Панарина. М.: Гардарики, 1999. - 432 с.

УДК 378.1

**ИСТОРИЧЕСКОЕ ПРОСВЕЩЕНИЕ В ПЕДАГОГИЧЕСКОМ ВУЗЕ КАК
ФАКТОР СОХРАНЕНИЯ И ТРАНСЛЯЦИИ ИСТОРИЧЕСКОЙ ПАМЯТИ
В НОВЫХ СУБЪЕКТАХ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
HISTORICAL EDUCATION AT A PEDAGOGICAL UNIVERSITY AS A
FACTOR IN THE PRESERVATION AND TRANSMISSION OF HISTORICAL
MEMORY IN NEW REGIONS OF THE RUSSIAN FEDERATION**

Башикирева Н. В.

кандидат исторических наук, доцент,

*заведующий кафедрой истории России
ФГБОУ ВО «Воронежский государственный педагогический университет»,
г. Воронеж*

Bashkireva N. V.

*PhD in Historical Sciences, Docent, Head of Department of history of Russia,
Voronezh State Pedagogical University, Voronezh, Russia*

Работа выполнена при финансовой поддержке Министерства просвещения Российской Федерации в рамках выполнения государственного задания в сфере науки (номер темы ОТГЕ-2026-0015)

Аннотация. В статье анализируется роль исторического просвещения в сохранении и трансляции исторической памяти. Автор характеризует вклад исторического просвещения в формирование мировоззренческих представлений и профессиональных компетенций студентов педагогических вузов воссоединенных регионов. Выделяются ключевые направления исторического просвещения, способствующие сохранению исторической памяти об историческом единстве Новороссии и Донбасса с Россией, а также подготовке будущих педагогов к трансляции исторической правды.

Abstract. The article analyzes the role of historical enlightenment in the preservation and transmission of historical memory. The author characterizes the contribution of historical enlightenment to the formation of worldviews and professional competencies of students of pedagogical universities of the reunited regions. The key areas of historical education are highlighted, contributing to the preservation of the historical memory of the historical unity of Novorossiya and Donbass with Russia, as well as the preparation of future teachers for the transmission of historical truth.

Ключевые слова: историческое просвещение, педагогический вуз, новые субъекты, историческая память, историческая правда

Keywords: historical education, pedagogical university, new subjects, historical memory, historical truth

«Историческая память и преемственность поколений» определяется Указом Президента Российской Федерации № 809 от 9.11.2022 в качестве одной из традиционных российских духовно-нравственных ценностей – нравственного ориентира, лежащего в основе общероссийской гражданской идентичности [3]. Сохранение и трансляция исторической памяти, в основе которой должны лежать достоверные знания об истории нашего государства, приобретает особое звучание в воссоединенных регионах, у населения которых на протяжении

десятилетий целенаправленно формировалось искаженное представление о России и ее прошлом. Думается, что первостепенную роль в этом процессе должно играть историческое просвещение. При этом в педагогическом вузе историко-просветительская деятельность приобретает особое значение, не только способствуя формированию исторической памяти у обучающихся, но и внося вклад в подготовку к её трансляции будущими педагогами в процессе их профессиональной деятельности. В данной связи, характеристика направлений и форм исторического просвещения в педагогическом вузе как фактора сохранения и трансляции исторической памяти в новых субъектах Российской Федерации, видится актуальным и востребованным.

В современном научном дискурсе нет единого подхода к определению понятия «историческая память» [7]. В обобщенном виде, историческая память понимается как символическая репрезентация исторического прошлого [6, с. 10]. При этом основу исторической памяти, бесспорно, должна составлять историческая правда – объективные знания о прошлом, в основе которых лежат исторические факты. Историческая память позволяет сохранить и передать эти знания будущим поколениям. Именно на распространение в обществе достоверных и научно обоснованных исторических знаний и направлено историческое просвещение [4], являющееся, таким образом, важнейшим средством сохранения и трансляции исторической памяти.

Представляется, что историческое просвещение в педагогическом вузе должно осуществляться с учётом его вклада в формирование профессиональных компетенций будущего педагога в части организации воспитательной работы с обучающимися. Вне зависимости от профиля подготовки студент, осваивающий образовательные программы педагогической направленности, должен быть готов к реализации воспитания - деятельности по формированию у обучающихся чувства патриотизма, гражданственности, уважения к памяти защитников Отечества и подвигам Героев Отечества; бережного отношения к культурному наследию и традициям многонационального народа Российской Федерации [2]. Фактически будущему педагогу в той или иной степени предстоит транслировать историческую память, а, значит, у него самого должен быть сформирован комплекс объективных и научно обоснованных представлений о прошлом, в том числе посредством организации исторического просвещения в вузе.

Разработанные Министерством науки и высшего образования Российской Федерации во исполнение Плана мероприятий по реализации в 2024-2026 гг. Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей «Методические рекомендации по реализации мероприятий, направленных на защиту исторической правды,

сохранение исторической памяти и противодействие попыткам фальсификации истории, сохранение и укрепление традиционных духовно-нравственных ценностей, профилактику деструктивных идеологий для образовательных, просветительских учреждений и организаций культуры» [1] включают широкий спектр образовательных, просветительских, культурных мероприятий различного формата, которые могут быть успешно и эффективно использованы в процессе реализации историко-просветительской деятельности в педагогических вузах новых субъектов Российской Федерации. При этом представляется, что в качестве ключевых направлений исторического просвещения будущих педагогов как фактора сохранения и трансляции исторической памяти в новых регионах следует выделить следующие.

В первую очередь, эффективным средством распространения в студенческой среде достоверных сведений о ключевых этапах истории многонационального российского народа и вкладе Российского государства в развитие мировой цивилизации, противодействия фальсификации истории и искажению исторических фактов является, на наш взгляд, организация на базе вузов научно-практических конференций, посвященных событиям, явлениям и процессам, в наибольшей степени отражающим историческое единство Русского мира. Участие обучающихся в такого рода научных мероприятиях, где историки, краеведы, музейные и архивные работники вводят в научный оборот новые исторические источники, документальные свидетельства, доказывают исторические факты и опровергают ложные сведения, дает возможность сформировать исторические знания и расширить мировоззренческие представления о единстве исторического прошлого Новороссии и Донбасса с Россией. В качестве примера приведем организацию всероссийской научно-практической конференции «Воронежский край в истории России: люди, события, достижения (к 300-летию образования Воронежской губернии)», состоявшейся 26 мая 2025 г. на базе Воронежского государственного педагогического университета. Научное мероприятие реализовывалось в рамках плана мероприятий по науке и образованию Содружества «Донбасс». В рамках работы конференции исследователи из ряда регионов обсудили широкий круг вопросов, касающихся политического, экономического, социального, культурного, духовного развития Воронежского края, начиная с рубежа XVII-XVIII вв. до современности; учёные Азовского государственного педагогического университета (Запорожская область) и Донецкого государственного педагогического университета им. В. Шаталова» (Донецкая Народная Республика) раскрыли многолетние тесные связи своих регионов с

Воронежским краем. Конференция проводилась при широком участии студентов педагогических вузов.

Еще одним важным направлением исторического просвещения, вносящим существенный вклад в сохранение и трансляцию исторической памяти, безусловно, является историко-познавательный туризм. Представляется, что посещение музеев, военно-исторических объектов, памятников и мемориальных комплексов, памятных мест, связанных с историей России, городов-героев не только позволяет расширить исторические знания о прошлом своего края и страны в целом, но и вносит существенный вклад в формирование чувства гордости за своё Отечество, его героическое прошлое и настоящее, благодарности к памяти предков, воспитание патриотизма и гражданственности. Так, многолетней традицией в Воронежском государственном педагогическом университете стала реализация выездных образовательных семинаров «История России в памятниках архитектуры», в рамках которых вуз систематически организует не просто посещение студентами Москвы, Санкт-Петербурга, Волгограда и других городов, но и реализацию краткосрочных образовательных программ просветительской направленности. Подобная практика видится вполне перспективной для тиражирования в педагогических вузах новых субъектов Российской Федерации.

Особую значимость для будущей профессиональной деятельности педагога имеет посещение объектов историко-культурного наследия региона. Любовь к Отечеству начинается с любви к малой Родине. В данной связи, использование краеведческого материала в процессе организации работы с обучающимися в общеобразовательной организации выступает неотъемлемой составляющей воспитательной деятельности любого педагога. При этом, очевидно, что учитель сам должен иметь совокупность представлений об истории региона, в том числе его потенциале в контексте познавательного туризма. Действенным средством формирования исторической памяти, на наш взгляд, является реализация тематических экскурсий в родном селе, городе, регионе (напр., «"Защитники неба": Их именами названы улицы Бердянска», Запорожская область [5, с. 95-108]).

Подводя итог, следует констатировать, что историческое просвещение вносит существенный вклад в сохранение исторической памяти, фундамент которой составляет историческая правда. При этом особую значимость организация историко-просветительской деятельности имеет в педагогических вузах новых субъектов Российской Федерации, способствуя формированию мировоззренческих представлений об общности Русского мира и подготовке

будущих педагогов к дальнейшей трансляции достоверных сведений о прошлом в рамках реализации воспитательной деятельности с обучающимися.

Литература

1. Методические рекомендации по реализации мероприятий, направленных на защиту исторической правды, сохранение исторической памяти и противодействие попыткам фальсификации истории, сохранение и укрепление традиционных духовно-нравственных ценностей, профилактику деструктивных идеологий для образовательных, просветительских учреждений и организаций культуры [утв. заместителем министра науки и высшего образования]. – URL: https://cfuv.ru/wp-content/uploads/2025/12/Метод-рекомендации_защита-исторической-правды.pdf (дата обращения: 27.04.2026).

2. Об образовании в Российской Федерации: Федеральный закон от 29 декабря 2012 г. № 273-ФЗ. – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_140174/ (дата обращения 27.04.2026).

3. Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей: Указ Президента РФ от 09.11.2022 № 809. – URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/48502> (дата обращения: 27.04.2026).

4. Об утверждении Основ государственной политики Российской Федерации в области исторического просвещения: Указ Президента Российской Федерации от 08.05.2024 № 314. – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_476013/ (дата обращения 27.04.2026).

5. Организация воспитательного процесса в школе на основе сохранения и популяризации памяти о Защитниках Отечества: инвариантные модули рабочей программы воспитания: учебно-методическое пособие / А. С. Фетисов, Ю. В. Кудинова, Н. В. Башкирева, О. Б. Червенко. – Воронеж: Воронежский государственный педагогический университет, 2025. – 248 с.

6. Репина, Л. П. Культурная память и проблемы историописания: (историогр. заметки) / Л. П. Репина. - Москва: ГУ ВШЭ, 2003. - 43 с.

7. Шендрикова, С. П. Понятие исторической памяти в отечественной историографии / С. П. Шендрикова, М. А. Царина // Учёные записки. Электронный научный журнал Курского государственного университета. – 2020. – № 4(56). – С. 147-153.

УДК 37.091.3

**ФОРМИРОВАНИЕ ИСТОРИЧЕСКОГО ИММУНИТЕТА:
КРИТИЧЕСКОЕ МЫШЛЕНИЕ КАК ПЕДАГОГИЧЕСКАЯ СТРАТЕГИЯ
СОХРАНЕНИЯ ТРАДИЦИОННЫХ ЦЕННОСТЕЙ НА УРОКАХ
ИСТОРИИ**

**FORMATION OF HISTORICAL IMMUNITY: CRITICAL THINKING
AS A PEDAGOGICAL STRATEGY FOR PRESERVING TRADITIONAL
VALUES IN HISTORY LESSONS**

Беспалая Виктория Николаевна

Студентка 4 курса, кафедра истории и философии, Гуманитарно-педагогическая академия (филиал) Крымского федерального университет имени В. И. Вернадского в г. Ялта

Victoria Nikolaevna Bespalaya

4rd year student Department of History and Philosophy, Humanitarian and Pedagogical Academy (branch) of the Vernadsky KFU in Yalta

Научный руководитель: Акишева Мария Сергеевна, кандидат педагогических наук, доцент, доцент кафедры истории и философии Гуманитарно-педагогической академии (филиал) Крымского федерального университет имени В. И. Вернадского в г. Ялта

Supervisor: Maria Sergeevna Akisheva, PhD in Pedagogical Sciences, Associate Professor, Institute of Pedagogy, Humanitarian and Pedagogical Academy (branch) of the Vernadsky KFU in Yalta

Аннотация. В статье обосновывается педагогическая стратегия формирования «исторического иммунитета» как способности школьников распознавать, критически оценивать и противостоять попыткам фальсификации прошлого и навязыванию деструктивных нарративов. Автор показывает, что традиционные духовно-нравственные ценности (патриотизм, историческая преемственность, гражданственность) не могут быть эффективно переданы через декларативные лозунги или запреты – в условиях информационных войн это провоцирует отторжение. Ключевой тезис статьи: критическое мышление выступает не альтернативой традиционным ценностям, а инструментом их осознанного присвоения через рефлексию, анализ источников и решение проблемно-ценностных ситуаций. Делается вывод, что системное применение описанных приёмов превращает урок истории в пространство ценностного самоопределения и мировоззренческой защиты, разрешая ключевое

противоречие между необходимостью передачи традиционных ценностей и недопущением догматизма.

Abstract. This article substantiates a pedagogical strategy for developing "historical immunity" as the ability of schoolchildren to recognize, critically evaluate, and resist attempts to falsify the past and the imposition of destructive narratives. The author demonstrates that traditional spiritual and moral values (patriotism, historical continuity, civic responsibility) cannot be effectively conveyed through declarative slogans or prohibitions – in the context of information warfare, this provokes rejection. The article's key thesis is that critical thinking is not an alternative to traditional values, but a tool for their conscious appropriation through reflection, source analysis, and the resolution of problematic value-based situations. It is concluded that the systematic application of the described techniques transforms history lessons into a space for value self-determination and ideological defense, resolving the key contradiction between the need to transmit traditional values and the prevention of dogmatism.

Ключевые слова: исторический иммунитет, критическое мышление, традиционные ценности, информационные войны, фальсификация истории, педагогическая стратегия

Keywords: historical immunity, critical thinking, traditional values, information wars, falsification of history, pedagogical strategy

В условиях беспрецедентной информационной войны, развернувшейся против России, вопросы сохранения исторической правды и традиционных духовно-нравственных ценностей приобретают характер стратегических национальных приоритетов. Современные вызовы – от попыток пересмотра итогов Второй мировой войны до насаждения через цифровые платформы чуждых российскому обществу идеологических конструктов – требуют от системы образования не просто трансляции знаний, но и формирования устойчивого «иммунитета» к деструктивным нарративам. На переднем крае этой борьбы оказывается школьный учитель истории.

Ключевой парадокс сегодняшней педагогической ситуации заключается в следующем: традиционные ценности – патриотизм, гражданственность, уважение к подвигу предков, историческая преемственность – не могут быть механически «вложены» в сознание ученика через декларативные лозунги или авторитарное назидание.

В эпоху гипердоступности альтернативных толкований и информационного шума прямой запрет или однозначная догма перестают работать. Напротив, они провоцируют отторжение. Единственный способ сделать традиционные ценности лично значимыми – это сформировать у

школьника способность к критической рефлексии, к самостоятельному различению подлинного и фальшивого, правды и манипуляции.

Именно поэтому в данной статье предлагается и обосновывается педагогическая стратегия, метафорически обозначенная как «формирование исторического иммунитета». В отличие от вакцинации готовыми «правильными» ответами, исторический иммунитет означает выработку устойчивых когнитивных и ценностных механизмов: умение задавать вопросы источнику («Кто автор? С какой целью? Кому выгодно?»), сопоставлять полярные точки зрения, выявлять логические уловки и эмоциональные манипуляции. При этом критическое мышление не противопоставляется традиционным ценностям – оно выступает инструментом их осознанного присвоения. Через проблемно-ценностные ситуации, анализ моральных дилемм из реального прошлого и рефлексии ученик приходит к традиционным смыслам не под давлением, а через собственное убеждение.

Цель настоящей статьи – раскрыть теоретические основы и представить конкретные методические приёмы формирования исторического иммунитета на уроках истории в контексте реализации единых государственных учебников и противодействия информационным фальсификациям.

Задачами выступают: обоснование взаимосвязи критического мышления и сохранения традиционных ценностей; характеристика базовых приёмов работы с источниками, дискуссионных методов и технологий анализа исторических фейков; а также демонстрация того, как развитие когнитивного иммунитета способствует укреплению общероссийской идентичности и преемственности поколений.

Рассматривая исторический иммунитет как педагогическую категорию, под «историческим иммунитетом» мы понимаем способность личности распознавать, критически оценивать и отвергать попытки фальсификации прошлого, манипуляции исторической памятью и навязывания чуждых ценностных нарративов. Формирование такого иммунитета невозможно без развития критического мышления – не как «всеобщего сомнения», а как инструмента ценностно-обоснованного выбора. В отличие от циничного нигилизма, критическое мышление в рамках традиционной педагогики предполагает проверку информации на достоверность, выявление скрытых интенций автора и сопоставление различных версий с опорой на факты.

Технология развития критического мышления через чтение и письмо (РКМЧП) предоставляет для этого готовый методический аппарат. Её трёхфазная структура («Вызов – Осмысление – Рефлексия») позволяет не просто усвоить информацию, но и пропустить её через личностные смыслы [3]. Именно на этапе

рефлексии происходит присвоение традиционных ценностей: ученик не заучивает, что «патриотизм – это хорошо», а самостоятельно приходит к этому выводу, анализируя, например, дневники блокадного Ленинграда или письма с фронта.

Апробированные практикой методические приёмы формирования критического мышления на уроках истории можно разделить на три группы.

1. Приёмы работы с текстом и источником: «Толстые и тонкие вопросы» (простые фактологические и сложные проблемные), «Инсерт» (маркировка текста значками: «V» – знал, «+» – новое, «-» – думал иначе, «?» – не понял), «Бортовой журнал» (колонки «Известно – Ново – Вопросы»), составление кластеров и «Фишбоуна» для визуализации причинно-следственных связей. Особенно эффективно сравнение двух документов с противоположными точками зрения на одно событие – например, фрагментов из воспоминаний красного командира и белого офицера о Гражданской войне [4].

2. Дискуссионные и игровые методы: проблемно-ценностные ситуации, требующие морального выбора («Как бы ты поступил на месте этого исторического персонажа?»), метод «Шести шляп мышления» Эдварда де Боно (факты, эмоции, критика, оптимизм, творчество, управление), ролевая игра «Суд истории», историческая экспертиза художественных фильмов и книг. Такие форматы снимают страх ошибки и превращают урок в пространство совместного поиска истины [5].

3. Приёмы противодействия историческим фейкам: обучение распознаванию манипулятивных техник – вырывания из контекста, модернизации (оценка прошлого с позиций сегодняшней морали), создания бинарных оппозиций «хорошие – плохие», подмены факта интерпретацией. Ученикам предлагается алгоритм из четырёх вопросов: «Кто автор?», «С какой целью создан этот текст/изображение?», «Какие факты опущены?», «Кому выгодна такая трактовка?». Регулярное применение этого алгоритма формирует «когнитивный гигиенический навык» [1].

Безусловно, все это направлено на установление связи с традиционными духовно-нравственными ценностями.

Ключевой тезис данной стратегии: критическое мышление не противопоставляется традиционным ценностям, а является условием их осознанного присвоения.

Рассмотрим это на примере ценности «историческая память и преемственность поколений». Вместо простого рассказа о героизме советских солдат учитель организует работу с фронтовыми письмами, где бойцы описывают свой страх, усталость и при этом – готовность жертвовать собой.

Ученик через рефлексию приходит к выводу, что подвиг – это не отсутствие страха, а его преодоление. Так ценность становится личным убеждением, а не заученной формулой.

Аналогично, обсуждая реформы Петра I или отмену крепостного права, можно использовать проблемно-ценностные ситуации: «Оцените реформы с позиций крестьянина, дворянина и купца». Это не разрушает традиционное уважение к истории, а углубляет его, формируя многомерное, диалектическое видение.

Опираясь на данные педагогических исследований, а также на наблюдения, накопленные в ходе практической работы [2; 6], можно утверждать: если применять рассмотренные выше приёмы систематически, то это заметно повышает учебную мотивацию школьников, тренирует их навыки ведения аргументированной дискуссии и – что особенно важно – уменьшает подверженность деструктивным информационным воздействиям. На практике это выражается в том, что учащиеся начинают самостоятельно перепроверять сведения, почерпнутые из интернета, относятся с сомнением к явным фейкам и способны обоснованно, с опорой на исторические источники, защищать собственную позицию. Из сказанного следует, что задача воспитания так называемого «исторического иммунитета» вполне может быть превращена в реальную педагогическую тактику, направленную на сохранение традиционных ценностных ориентиров в условиях современной школы.

Из всего сказанного можно заключить следующее. В условиях, когда информационные противостояния становятся нормой, а историческая память подвергается целенаправленным попыткам пересмотра и искажения, школьный урок истории перестаёт быть просто учебной дисциплиной в ряду других. По сути, он превращается в пространство, где происходит ценностное самоопределение ученика и осуществляется своего рода мировоззренческая защита его личности. Та стратегия, которая предложена в данной статье и получила название «формирование исторического иммунитета» (через развитие способности к критическому анализу информации), позволяет разрешить одно из главных противоречий, с которым сталкивается сегодня система образования. Как совместить необходимость передачи традиционных духовно-нравственных ценностей с таким способом их предъявления, который не превращался бы в догматическое навязывание и не порождал бы у молодёжи отторжения? Предложенный подход даёт на этот вопрос рабочий ответ.

Литература

1. Арзямова, У. С. Развитие критического мышления у студентов СПО на уроках истории: приемы работы с историческими фейками и манипуляциями / У. С. Арзямова // Альманах педагога: сайт. – 2025. – 10 ноября. – URL: <https://almanahpedagoga.ru/servisy/publik/publ?id=86384&date=10.11.2025> (дата обращения: 30.04.2026).
2. Гарастюк, М. С. Опыт развития критического мышления обучающихся через анализ исторической достоверности в межпредметных проектах / М. С. Гарастюк // Исследования молодых ученых: материалы СХVII Междунар. науч. конф. (г. Казань, февраль 2026 г.). – Казань: Молодой учёный, 2026. – С. 59-62. – URL: <https://moluch.ru/conf/stud/archive/551/19279/> (дата обращения: 30.04.2026).
3. Патрушева, Ж. Г. Технология «развитие критического мышления через чтение и письмо» на уроках истории и обществознания [Электронный ресурс] / Ж. Г. Патрушева // Инновационное развитие профессионального образования. 2016. №3 (11). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/tehnologiya-razvitie-kriticheskogo-myshleniya-cherez-chtenie-i-pismo-na-urokah-istorii-i-obschestvoznaniya> (дата обращения: 30.04.2026).
4. Русских, О. В. Историческая память: как развивать критическое мышление на уроках истории [Электронный ресурс] / О. В. Русских // Солнечный свет: образовательный портал. – 2024. – URL: <https://solncesvet.ru/опубликованные-работы/историческая-память,-как-развивать-критиче/> (дата обращения: 30.04.2026).
5. Тулохонова, М. П. Возможности исторического образования в развитии информационного иммунитета школьников / М. П. Тулохонова // Вестник БГУ. – 2011. – № 15. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/vozmozhnosti-istoricheskogo-obrazovaniya-v-razvitii-informatsionnogo-immuniteta-shkolnikov> (дата обращения: 30.04.2026).
6. Шейкин, А. В. Развитие личностного потенциала через формирование критического мышления на уроках истории / А. В. Шейкин // Молодой учёный. – 2026. – № 11 (614). – URL: <https://moluch.ru/archive/614/134304/> (дата обращения: 30.04.2026).

УДК 13 (02)

**ОБ АКТУАЛЬНОСТИ МЕТАФИЗИКИ ВСЕЕДИНСТВА
В. С. СОЛОВЬЁВА
ON THE RELEVANCE OF V.S. SOLOVYOV'S METAPHYSICS OF
UNITY**

Билаонова Марина Юрьевна

кандидат философских наук, доцент кафедры философии гуманитарных факультетов философского факультета МГУ имени М. В. Ломоносова

Marina Y. Bilaonova

Lomonosov Moscow State University

Пурнычева Галина Михайловна

*доктор философских наук,
профессор, заведующая кафедрой философии ПГТУ «ВолгаТех»,
респ. Марий Эл, г. Йошкар-Ола*

Galina M. Purynycheva

Volga State University of Technology. Yoshkar-Ola, Mari El Republic

Аннотация. Представлена реконструкция метафизики всеединства В. С. Соловьёва. Выделены аспекты актуальные для современного духовного развития.

Abstract. The reconstruction of V. S. Solovyov's metaphysics of unity is presented. The aspects relevant for modern spiritual development are highlighted.

Ключевые слова: Соловьёв В. С., метафизика всеединства, многоплановость творчества, идеалы добра, целостное знание, стыд, жалость, благоговение, синтез, софийность.

Keywords: Solovyov V. S., metaphysics of unity, multidimensional creativity, ideals of goodness, holistic knowledge, shame, pity, reverence, synthesis, sophistry.

В. С. Соловьёв (1853 - 1900 гг.) считается первым русским философом, стремившимся к построению целостной философской системы. И хотя ему не удалось до конца достроить ее, философия Соловьёва звучит как «полнозвучный аккорд» - синтез разнородных идей.

Писал он много. С 1900 - 1907 гг. – 9 томов вышло в России; в Брюсселе – 14 томов его работ. Еще многочисленные статьи, выступления и доклады по разным поводам, великолепные стихотворения и пьесы. Однако, кажется, его огромное наследие еще не освоено и не осмыслено до конца в нашей духовной и научной среде. Масштаб личности В. С. Соловьёва сопоставим с Платоном и

И. Кантом (в оценке историков философии). Поэтому представляется крайне сложным процесс реконструкции его духовного пути без условного выделения отдельных периодов в его жизни, когда идейные наставники в той или иной степени многопланово на него воздействовали [1. с. 152-183]. Так, Спиноза увлек его пантеистическими идеями, немецкие философы Кант, Фихте, Шеллинг обогатили воззрениями всеединства, диалектический метод и рационализм был взят у Гегеля, Шопенгауэр поразили общими эсхатологическими установками. Многообразно было влияние мистической литературы Каббалы, практической кабалистики. Славянофилы А. С. Хомяков и И. В. Киреевский породили у него искания «цельного знания», синтеза религии, философии и науки, веры, мысли и опыта.

Философ был склонен к рационализму, логическим построениям, к обоснованию диалектической связи разнородных идей. Он мог переживать утопические идеалы вместе с П. Я. Чаадаевым, создавать свои утопии, размышлять о любви под влиянием Н. Ф. Федорова. Но Соловьёву были всегда характерны «тончайший критицизм» и самостоятельность, никакой эклектики, смешения разнородных идей, все изученное укладывалось в его собственное мировоззрение. Это демонстрируют его работы, замечательное поэтическое наследие – особый тип философской лирики. Многие русские мыслители, и религиозного и естественно-научного направлений, задумывались над тайнами мира, природой зла, вхождением греха через человека в мир, путями спасения. В. С. Соловьёв в метафизике «Всеединства» все это систематизировал.

Центр его философской системы – Всеединство, ведь в мире все взаимосвязано и это норма. А вот разделение, борьба – это аномалия. Идею всеединства В. С. Соловьёв определял следующим образом: «Я называю истинным, или положительным, Всеединство такое, в котором единое существует не за счет всех или в ущерб им, а пользу всех. Ложное, отрицательное единство подавляет или поглощает входящие в него элементы и само оказывается, таким образом, пустотою; истинное единство сохраняет и усиливает свои элементы, осуществляясь в них как полнота бытия» [2. с. 552]. Представляется, что такое определение «Всеединства» схоже с толкованием славянофилами своего специфического понятия «соборность» (ввел А. С. Хомяков, развивая самобытное православное мышление). Социализация понятия «соборность» осуществлена К. С. Аксаковым – «личность свободна как в хоре» - фактически отождествляется с общиной.

В. С. Соловьёв отмежевывается от славянофилов, вводя понятие «Всеединство». И скорее всего замысливает соборные основы общества как духовного организма и общественный идеал. В центре – человек, сердце

общественного идеала. Соловьёв характеризует человека как теократическое явление, который постиг смысл исторического процесса, как Богочеловеческого и сам активно участвует в этом динамическом движении.

Материалистический позитивистский взгляд на человека и социум казались ему и его последователям упрощением. Для обретения целостного «всеединого» знания о человеке и обществе необходим синтез опыта, разума и веры. По мысли В. С. Соловьёва, вера делает разум зрячим, придает ему абсолютное значение. Союз веры с наукой и философией дает «цельное» представление о мире.

Последователи Соловьёва видят в его концепции Всеединства большой гуманистический потенциал. Она позволяет заглянуть в тайны человеческого бытия, рассмотреть силы, правящие человеческой жизнью, по-новому трактовать качественные отличия человека от животного. Для В. С. Соловьёва было важным выделить в человеке сверхэмпирические начала, нравственные чувства и, прежде всего, стыд, жалость, благоговение. Их нет у животных особей, они имеют сверхбиологическое значение, необъяснимое с утилитарных позиций. Человеческая сущность явствует через вопросы: «Кто возвестил, что ты наг?», «Стыжусь, следовательно Я существую», существую как человек (а не животное, «не низшая природа»). Безжалостный человек, не чувствующий сострадания и солидарности с другим, подобен скоту, а то еще и ниже животного уровня [3, с. 124, 127]. В нравственном чувстве человека – благоговении, содержится корень религиозной веры, основание нравственного бытия человека [3, с. 30].

В русской философии традиционна идея мира и человека как гармоничного целого. Миссия человека состоит в духовном самосовершенствовании, но на этом пути возникают пограничные, трагические ситуации. Человек чувствует свою хрупкость, раздвоенность бытия, конечность существования. Это – духовная мука, это вечный спор смысла и бессмыслицы в человеке о человеке, по словам Е. Н. Трубецкого, друга и биографа В. С. Соловьёва. Когда индивид заикливается на идее о конечности своей жизни, то приходит к биологизации смысла человеческого существования. Духовное начало подавляется. Образ души вытесняется «разжиревшим скотским выражением», «свинообразными лицами, с масляными щеками и сладкими глазками», душа впадает, в трепет и подозревает «существование хвоста ...» [4, с. 36].

Вещество, материю, отменить нельзя, но в Христианстве (в толковании В. С. Соловьёва) происходит реабилитация материи. Она просветляется и одухотворяется, превращается в тело духовное.

В учении о Всеединства устранение главного противоречия бытия человека достигается ценой борьбы страданий, испытаний на путях духовного роста. Человек обретает одухотворенное содержание, «софийность», готовясь к

переходу вечную жизнь. Земное временное существование - только средство и орудие вечных духовных интересов [5, с. 144]. Вера в Бога и есть вера в человека. Человек и человечество - высшее божье откровение. В христианстве Бог есть любовь, милосердие и прощение.

Соловьевское откровение подвергалось критике и не только с материалистической точки зрения. Богословы, религиозные мыслители не соглашались с трактовкой святой Софии как особой (четвёртой) ипостаси Бога, как «становящегося Бога». По этой логике Соловьёва, «вся тварь неизбежно ... в конце времен будет обожена». С. Н. Булгаков, Е. Н. Трубецкой проблемно воспринимали этот «софийный детерминизм».

Отметим, что Соловьёв - «умный идеалист», признавал относительную истинность марксизма и социализма. Он подчеркивал, что практические требования социализма вытекают из ценности личности и их следует принять.

Предвещая новое толкование гуманизма как христианское подвижничество, Соловьёв и его последователи не принимали путь к добру и царству разума через гражданскую войну и завоевание земных благ. Особенно отрицали от атеистического гуманизма ницшеанства и требование «человек есть нечто, что должно быть преодолено». Философы Всеединства предвосхитили идеи современной философии, провозгласившие конец западного гуманизма и тех критериях деятельности человека, которые оценивались как положительные.

Метафизика Соловьёва построена в линиях кантианства, что богословы оценивают как искривление христианского учения о Богочеловечестве. Идея о примирении с католичеством тоже не нашли поддержки. Представляется, что ученые и философы в разные периоды обнаруживали очевидные противоречия между натуралистическими (естественно-научными) теориями и религиозными концепциями мира, однако не пытались эти разногласия преодолеть.

Философия В. С. Соловьёва стремится раскрыть тайны Вселенной, показывает, что человеческий разум обладает методом и средствами для плодотворной разработки вопроса сочетания учений. Эволюция природы создает условия для развития высшего аспекта мира - истории человечества. Кажется неожиданно, что Соловьёв защищает идеи независимости этики от религии и метафизики, принимая кантовскую мысль об автономной морали (этической автономии). Этика, по его мнению, вполне совместима с детерминизмом - добро не является предметом произвольного выбора, выбор в пользу добра бесконечно определен! По путям добра движение истории детерминировано; по путям зла, наоборот, свободно. В «Оправдании добра» Соловьёв мечтал о воссоединении христианских церквей, признавая правду за каждой конфессией, высоко оценивал реформацию [6, с. 356-403].

Христианское единение остается в XXI веке актуальной проблемой развития духовности человечества. Мыслители Всеединства предложили христианский идеал целостной личности, ориентированной на духовно-нравственные начала в строительстве общественной жизни, на «праведное хозяйство» (с разными формами собственности и социального строя), на подлинное равенство достоинства и обязанностей с определением места индивида в социальной иерархии, на социальное служение правде, на общечеловеческую синтетическую культуру, основанное на социально-исторических и национальных традициях. Безусловно, это актуально и для современного социума, озабоченного поиском проектов будущего и модернизацией систем идеалов и ценностей [7, с. 1039-1041].

В последние годы жизни Соловьёв переживал разочарование в своих утопических представлениях об идеалах добра в земной жизни. Эту переоценку ценностей он отразил в работе 1899 года «Три разговора о войне, прогрессе и конце всемирной истории». Остро чувствуя «конец истории», эсхатологически, пессимистически, пророчески предрёк гибель европейской цивилизации, трагедии XX века. До последнего дня В. С. Соловьёв верил, что Россия избежит тупика бездуховности, в который попал Запад [8, с. 635].

Можно только сожалеть, что это оригинальная философская система, опыт синтеза религии, философии и науки оказывается мало востребованными в современном обществе, в антропологии и истории Софии, для корректировки научной рациональности и когнитивных практик, для снятия напряжения между наукой и религией, для осмысления духовного многообразия мира.

Литература

1. Шишкина В. И., Пурынычева Г. М. История русской философии (XI – нач. XX вв.): Учебник. – Йошкар-Ола: МарГТУ, 1997.
2. Соловьёв В. С. Сочинения. В 2 т. М., 1989. Т. 2.
3. Соловьёв В. С. Сочинения. В 2 т. М., 1989. Т. 1.
4. Трубецкой Е. Н. Смысл жизни. М., 1994.
5. Соловьёв В. С. Сочинения. 1989. Т. 1.
6. Соловьёв В. С. Оправдание добра. Нравственная философия. - М.: Республика, 1996.
7. Билагонова М. Ю. Об экологических традициях в социальном познании. Российское Философское Общество. VIII Российский Философский Конгресс «Философия в полицентричном мире». Сборник научных статей. РФО - ИФРАН - МГУ. Издательство «Логос». - М. 2020.

8. Соловьёв В. С. Три разговора о войне, прогрессе и конце всемирной истории. Т. 2.

УДК: 141:316.5

**К ВОПРОСУ О ВОЗМОЖНОСТИ ПРОФИЛИРОВАНИЯ ПО
ТИПАМ КУЛЬТУРНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ
ON THE POSSIBILITY OF PROFILING BY TYPES OF CULTURAL
IDENTITY**

Ваньков Илья Андреевич

*Рядовой полиции, курсант, Крымский филиал Краснодарского
университета МВД России*

Vankov Ilya Andreevich

*Private police officer, cadet, Crimean branch of Krasnodar University of the
Ministry of Internal Affairs of Russia*

Научный руководитель: Чудина-Шмидт Наталья Витальевна

*к. филос. н. доцент кафедры гуманитарных и социально-экономических
дисциплин Крымского филиала Краснодарского университета МВД России,
г. Симферополь, Крымский филиал Краснодарского университета МВД России*

Supervisor: Natalia Vitalievna Chudina-Schmidt

*PhD in Philosophical Sciences, Associate Professor, Department of Humanities
and Socioeconomic Disciplines, Crimean Branch of the Krasnodar University of the
Ministry of Internal Affairs of Russia, Simferopol, Crimean Branch of the Krasnodar*

Аннотация. В статье рассматривается проблема идентификации культурной принадлежности личности в условиях современного многообразия социокультурных общностей. Подчеркивается, что несмотря на кажущуюся простоту различения культур, в ряде случаев данный процесс сопряжён со значительными трудностями, особенно при близости культурных контекстов. В качестве инструмента анализа предлагается профайлинг, рассматриваемый как совокупность методов выявления психологических, физиологических и социальных характеристик индивида.

Анализируются различные подходы к определению понятия «профайлинг», представленные в научной литературе, можно сделать вывод о его междисциплинарном характере и широком спектре применения – от социальной диагностики до обеспечения безопасности. Параллельно раскрывается содержание понятия «культурная идентичность», трактуемого как интеграция культурных норм, ценностей и самовосприятия личности в рамках определённой социокультурной среды.

Особое внимание уделяется типологиям культурной идентичности, в частности классификации, предложенной Г. Абрамсоном, включающей такие типы, как «традиционалист», «пришелец-неофит», «изгнанник» и «евнух». Обосновывается, что данная типология обладает прикладным потенциалом в контексте профайлинга, поскольку позволяет более точно интерпретировать особенности культурной самоидентификации личности.

Abstract. The article discusses the problem of identifying an individual's cultural identity in the context of modern diversity of sociocultural communities. It emphasizes that despite the apparent simplicity of distinguishing between cultures, this process can be challenging in some cases, especially when cultural contexts are similar. The article proposes profiling as a tool for analyzing individuals' psychological, physiological, and social characteristics.

The article analyzes various approaches to defining the concept of "profiling" presented in the scientific literature, which allows us to conclude that it is an interdisciplinary concept with a wide range of applications, from social diagnostics to security. In parallel, the article explores the concept of "cultural identity," which is defined as the integration of cultural norms, values, and self-perception within a specific sociocultural environment.

Special attention is paid to the typologies of cultural identity, in particular, the classification proposed by G. Abramson, which includes such types as "traditionalist", "alien-neophyte", "exile" and "eunuch". It is substantiated that this typology has an applied potential in the context of profiling, as it allows for a more accurate interpretation of the features of an individual's cultural self-identification.

Ключевые слова: культурная идентичность, профайлинг, тип личности, личность, культура, идентификация

Keywords: cultural identity, profiling, personality type, personality, culture, identification

Наш мир на протяжении всей своей истории был домом для многих народов, национальностей, этносов. Эта тенденция не исчезла в современных реалиях. Сейчас существуют множество общностей, обладающих своим культурным кодом. На первый взгляд различать людей разных культур может показаться довольно простой задачей. Однако это утверждение верно, когда мы говорим о людях с разных концов света, о людях, которые живут на противоположных точках земного шара. В других же случаях идентифицировать, определить культурную принадлежность вызывает сложности. В данной ситуации может помочь профайлинг, как эффективный способ определения как отдельных качеств личности, так и всего его психологического портрета в

целом [5]. Необходимо вначале понять, что из себя представляют понятия «профайлинг» и «тип культурной идентичности».

Профайлинг, данное понятие происходит от английского слова «profile», что переводится как профиль. По своей сути профайлинг это процесс установления профиля, то есть психологических, физиологических и социальных особенностей личности, так называемого «портрета личности» [6]. Однако в современной науке существует много вариантов интерпретации понятия «Профайлинг». Например, М. Р. Арпентьева считает, что профайлинг это прежде всего комплекс социально-психологических методик [1]. В. А. Кудин и В. М. Статный понимают под профайлингом систему предотвращения противоправных действий путем профилирования, то есть выявление потенциально опасных лиц на основе невербальной и оперативной диагностики [2]. Е. С. Черкасова разделяет понятие профайлинг на два контекста, Первый – функционирование программ задержания насильственных преступников, с целью способствования раскрытию серийных преступлений насильственного характера. Второй – профайлинг это технологии наблюдения и опроса пассажиров в ходе предполетного досмотра с целью выявления потенциально опасных лиц при авиаперелётах. Большое разнообразие понимания определения профайлинга может говорить о широком его использовании в различных сферах жизни общества [3].

Как и профайлинг культурная идентичность не имеет единого. Общепризнанного определения. Но чаще всего его определяют, соединяя две его составляющие, а именно «Культуру» и «Идентичность».

Культура в данном случае понимается как исторически сложившийся образ жизни людей, который включает в себя совокупность ценностей и норм, верований и обрядов, знаний и умений, обычаев и установлений, техники и технологий, способов мышления, деятельности, взаимодействий и коммуникаций и т. д. Стоит уточнить что речь в данном случае идёт о совокупности всего перечисленного только у одного народа, да он может не иметь своей собственной земли и разбросан по всему миру, однако не должен переходить в другие понятия, как например идеология. Здесь и помогает вторая часть понятия.

Идентичность в понятии «культурная идентичность» играет определяющую роль. Она определяет консервативную, идентифицирующую часть, то, на что опирается общество черпая знания о своем прошлом. Не зря её иногда называют «ядром культуры». Идентичность обозначает как привязку образа жизни и поведения к определённому обществу, но и наоборот, принадлежность отдельного индивида к типу культуры.

Соединяя эти два аспекта, мы можем сказать, что культурная идентичность – это осознанное принятие человеком соответствующих культурным норм и образцов поведения, ценностных ориентаций и языка, само принятие собственного «Я» в отдельной культурной среде, отождествление себя с ним [4].

Культурная идентичность подразделяется на разные типы. В социальной науке существует несколько классификаций, как например самая популярная «по субъекту или носителю», которая разделяет культурную идентичность на индивидуальную (основана на осознании самого себя в общности или социальной группе с помощью процессов осмысления и отождествления себя с ними) и коллективную (подразумевает групповую саморефлексию, осознании себя отдельной социальной общностью). Однако данные типологии подходят под принципы деятельности профайлинга, с их помощью крайне сложно и скорее всего невозможно установить профиль личности. Для этой цели лучше подходит классификация американского социолога Г. Абрамсона.

Американский социолог Г. Абрамсон предложил типологию персонификаций, воплощающих в себе формы культурной идентификации.

Тип «традиционалиста». К данному типу причисляются лица, разделяющие ценности данной культуры и интегрированные в соответствующую структуру. Автор подчеркивает новаторский дух этнических традиционалистов - представителей культурных меньшинств, компенсирующих творческими начинаниями маргинальность и неустойчивость своего общественного положения. Шотландцы в Британской империи, евреи в христианском мире, армянские и греческие купцы в диаспоре, китайцы в Юго-Восточной Азии нередко оказываются инициаторами нововведений.

Тип «пришельца-неофита». К этому типу относятся люди, которые включены в структурную систему этнических связей, но не имеют наследственных корней в соответствующей этнической культуре - она не составляет их внутреннего духовного достояния, не интериоризирована ими. Ранняя идентификация «пришельца» протекала за пределами культурной общности, к которой он примкнул. Он ощущает себя на пороге совершенно нового культурного опыта. Отсюда чувство неуверенности маргинальности, более острое, нежели маргинальность «традиционалиста», который одиночество среди иноплеменников компенсирует взаимопониманием с соплеменниками. Врастая в чужую структуру, человек предварительно или одновременно вживается в ее культурные ценности и символы.

Тип «изгнанник» противоположен «пришельцу-неофиту». Речь идет об утрате первичных социальных связей с соплеменниками при сохранении этноса и символических традиций родной культуры. Духовный опыт «изгнанника» - это

прежде всего опыт изоляции и одиночества. Житейские типы «изгнанника» встречаются на разных уровнях социально-классовой системы: китаец-прачка или владелец ресторана, иностранный чернорабочий, еврей при дворе немецкого князька в XVII-XVIII вв.

Тип «евнуха». Это лица, лишенные памяти о каком-либо культурном прошлом, не обремененные никаким традиционно-символическим наследием и в повседневной жизни не выросшие в какую-либо социокультурную среду. В отечественной литературе такой тип именуется, по Ч. Айтматову, как «манкурт», т.е. человек, лишенный корней. «Евнух» - тип, противоположный «традиционалисту». Классическим его образцом можно считать евнуха при дворе восточного деспота. Евнух в гареме, янычар в войске, телохранитель-кавас в иностранном посольстве, христианин-вероотступник, ставший визирем при стамбульском дворе, - таковы формы утраты прежней культурной идентичности в эпоху османского владычества.

Данные типы совместно с методами профилирования способны дать видимый результат в идентификации типа личности. Однако данная сфера требует дальнейших исследований и экспериментов.

Литература

1. Арпентьева М. Р. Перспективы и проблемы авиационного профайлинга / М. Р. Арпентьева // Психология и педагогика//<https://cyberleninka.ru/article/n/perspektivy-i-problemy-aviatsionnogo-profaylinga>.

2. Кудин В. А, Статный В. М Профайлинг в деятельности органов внутренних дел: от теории и методологии к практике // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. - 2013. - №3 / <https://cyberleninka.ru/article/n/profayling-v-deyatelnosti-organov-vnutrennih-del-ot-teorii-i-metodologii-k-praktike>.

3. Черкасова Е. С. Профайлинг как процесс идентификации психологических характеристик индивидуума, составляющий общее описание личности в деятельности правоохранительных органов // Ученые записки Санкт-Петербургского имени В. Б. Бобкова филиала Российской таможенной академии. – 2014 / <https://cyberleninka.ru/article/n/profayling-kak-protsess-identifikatsii-psihologicheskikh-harakteristik-individuuma-sostavlyayuschiy-obshchee-opisanie-lichnosti-v>.

4. Матузкова Е. П Культурная идентичность: к определению понятия // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. - 2014. - № 2. - С. 62-68.

5. Чудина-Шмидт Н. В. Географический детерминизм и этнический профайлинг: миф или реальность // Сборник научных работ по итогам первой Всероссийской научно-практической конференции с международным участием Москва, 25 июня 2025 года. Москва, 2025. С.181-188.

6. Чудина-Шмидт Н. В. Роль профайлинга в предупреждении и раскрытии преступлений // Криминологическое творчество и вызовы преступности (к 85-летию Геннадия Николаевича Горшенкова): материалы всероссийской научно-практической конференции (Нижний Новгород, 26 марта 2025 г.) // под ред. к. ю. н., доцента М.В. Степанова. – Нижний Новгород: Нижегородская академия МВД России, 2026. – 323 с.

УДК 378:32

**ОТЕЧЕСТВЕННОЕ ОБРАЗОВАНИЕ В КОНТЕКСТЕ СИСТЕМНО-
ИСТОРИЧЕСКОГО ПРОЦЕССА
DOMESTIC EDUCATION IN THE CONTEXT OF THE SYSTEMIC-
HISTORICAL PROCESS**

Глузман Александр Владимирович

*д-р пед. наук, профессор, г. Ялта, Гуманитарно-педагогическая академия,
Крымский федеральный университет имени В.И. Вернадского,
профессор кафедры музыкальной педагогики и исполнительства*

Gluzman Alexander Vladimirovich

*Doctor of Pedagogical Sciences, Professor, Yalta, Humanitarian and
Pedagogical Academy, Crimean Federal University named after V.I. Vernadsky,
Professor, Department of Music Pedagogy and Performance*

Аннотация. Рассматриваются вызовы России в области образования на протяжении цивилизационного развития страны. Применение системно-исторического подхода к феномену российского образования предполагает анализ политических, социально-экономических, культурно-образовательных изменений, которые определяли сущность и направленность событий, происходящих в сфере просвещения народов России. Раскрывается процесс становления и эволюции отечественной системы образования в контексте ответов на вызовы исторического времени. Описывается опыт анализа отечественной системы образования, история которой заняла длительный исторический период. На основе системного анализа становления и развития образовательного процесса выделены и рассмотрены девять этапов.

Abstract. This article examines Russia's challenges in education throughout the country's civilizational development. Applying a systemic-historical approach to the phenomenon of Russian education involves analyzing the political, socioeconomic, and cultural-educational changes that have shaped the nature and direction of events unfolding in the sphere of education for the peoples of Russia. The article explores the development and evolution of the Russian education system in the context of responses to historical challenges. It describes the analysis of the Russian education system, whose history spans a long period. Nine civilizational stages are identified and examined based on a systemic analysis of the formation and development of the educational process.

Ключевые слова: системно-исторический подход, отечественное образование, этапы развития, эволюция системы национального образования.

Keywords: systemic-historical approach, domestic education, stages of development, evolution of the national education system.

Введение. Осмысление процессов развития и реконструкции исторических образовательно-просветительских традиций на протяжении столетий включают определение динамики ответов на вызовы, которые существовали с Древних времен до сегодняшнего дня. Изучение национальных традиций и свершений лучших представителей в области образования позволяет формировать у студентов познавательный интерес и уважение к истории России.

Методы и материалы. Целью исследования является системно-исторический анализ развития отечественного образования как элемента цивилизационного развития страны. Условно в функционировании отечественной системы образования можно выделить девять *системно-исторических периодов*.

Обсуждение и заключения. *Первый период* связан с возникновением восточнославянской письменности в период принятия Русью христианства (IX – XV века). Создание в X-XI веках при монастырях и церквях школ для детей, овладевающих первыми навыками грамотности, являлось первым шагом к распространению грамотности среди населения. Постепенно письменность (конец XI века), как элемент культуры княжеского люда, приближалось к уровню ряда европейских стран. Однако, этому процессу повредило установившееся монголо-татарское иго, которое просуществовало более двух столетий. Это был сложный период в истории страны, пережившей гнёт и несправедливость, бедность и нищету. Лишь в XV веке открываются церковноприходские школы, малые частные училища, а также повсеместно создаются библиотеки при монастырях и в богатых домах.

Второй период связан с развитием отечественное образование в период формирования единого централизованного Российского государства (XVI - XVII века). Долгие годы главной опорой для просвещения народа оставались церковноприходские школы. И после прошедшего в 1551 году «Стоглавого» собора, по велению Ивана Грозного начали открываться «училища книжные по всем городам», повышаются требования к учебным заведениям. Возникает первая попытка создания прототипа будущего отечественного школьного образования: создаются греко-славянская школа (1632 г.) и школа при Спасском монастыре под руководством Симеона Полоцкого (1665 г.), создается Московская славяно-греко-латинская академия (1687 г.). Такие изменения свидетельствовали об изменениях в вопросе распространения научных знаний, повышения качества образования, влияния светских учебных учреждений на государственную образовательную политику в России.

Третий период связан с образовательной политикой Петра I (середина XVII в. - начало XVIII в.), в период которой начала формироваться интеллектуальная основа реформирования государственности России. В данный период началось строительство светской системы образования унитарно-профессионального характера: создана Академия наук (1724 г.), открылся Императорский Московский университет (1755 г.), лицеи и гимназии, школы, которые носили всесословный характер, способствующий просвещению и формированию нового подхода к содержанию и качеству образования [5, с. 117-121].

Четвертый период был направлен на создание целенаправленно организованной школьной системы в ходе реорганизация светского и духовного образования в эпоху Елизаветы Петровны (XVIII в.). Постепенное формирование светской система образования было обусловлено сохранением сословного характера учебных заведений, развитием женского образования, развитием научно-образовательных международных контактов. Все это способствовало преодолению противоречия между важностью широкого распространения научных знаний в условиях светских общеобразовательных школ и необходимостью интенсивного развития отечественной системы образования. В период правления Екатерины II (конец XVIII в.) сложилась в основных чертах школьная система.

Пятый период связан с реформаторскими процессами, направленными на создание целостной отечественной системы образования в условиях развивающегося Золотого века русской культуры (XIX в.). Начало данного века ознаменовалось образовательной реформой Александра I, Манифестом об учреждении Министерства народного просвещения (1802 г.) и организации

шести учебных округов под руководством 10 Императорских университетов [3, с. 134]. Университетский устав (1804 г.), в котором концентрировалось внимание на значительной автономии, по праву считается самым либеральным уставом XIX века. Трудно переоценить влияние выдающихся деятелей культуры на развитие системы просвещения и образования. В этот период успешно развиваются книгоиздательство и книготорговля, библиотеки, лаборатории, музеи и другие культурные центры. Отечественное образование обогатилось трудами ученых–просветителей и выдающихся педагогов: Н. И. Пирогова, К. Д. Ушинского, П. Ф. Лесгафта, П. Ф. Каптерева.

Шестой период, определивший формирование имперской модели образования во второй половине XIX – начале XX века, включал реформы 1860-х годов, которые явились закономерным результатом развития системы образования. Индустриальная эпоха, породившая рыночную экономику, обусловила необходимость расширения горизонтов подготовки высококвалифицированных специалистов в условиях профессионального образования. В начале века (1900-1902 гг.) специальная комиссия по реформированию высшей школы разработала проект создания 4-х летнего училища наставников, подготовка в котором основывалась на принципах гармоничного сочетания научной и специальной, теоретической и практической подготовки учителей [3, с. 137]. Учёными инициировалось создание высших учебных заведений, не имеющих аналога за рубежом: Вольной высшей школы П. Ф. Лесгафта (1905 г.), Петербургского психоневрологического института имени В. М. Бехтерева (1907 г.), Московского городского народного университета имени А. Л. Шанявского (1907 г.) [3, с. 138-142]. Интенсивное развитие системы высшего образования отразилось на росте студенческого контингента: в 1916-1917 учебном году в университетах России обучалось 33 578 студентов [3, с. 145].

Седьмой период, в рамках которого формировалась командно-административная система советского образования, как идеологическое проявление коллективизма, политехнизма в условиях ускоренной модернизации новой России. В 20-е-30-е годы прошлого столетия были упразднены многие высшие учебные заведения. В ряде регионов страны университеты были реорганизованы в ИНО [4, с. 168-169]. Началась унификация системы народного образования. Вместе с тем проявились и позитивные тенденции: создание общеобразовательной средней школы-десятилетки, открытие в вузах заочных и вечерних отделений.

Великая Отечественная война нарушила созидательную жизнь и позитивные изменения, происходящие в образовании СССР, были приостановлены. В период войны полностью было разрушено около 82 тысячи

школ, 334 учебных зданий, ранее принадлежавших советским высшим учебным заведениям. Война привела к значительному сокращению числа высших учебных заведений: к началу 1942 года было закрыто 196 вузов, а 87 объединились с другими. В 1942/43 учебном году из 817 вузов, работавших до войны, продолжили свою учебную деятельность только 460.

В послевоенный период продолжила развиваться отечественная система образования, открывались новые школы, вузы, техникумы. В 50-х годах происходило значительное увеличение количества учащихся и студентов. В 60-е годы проявилось несколько тенденций: происходило расширение сети университетов путем реорганизации крупных педвузов; происходило повышение уровня преподавания за счет подготовки докторов и кандидатов наук; расширилась база переподготовки и повышения квалификации специалистов различных отраслей; происходило уменьшение числа студентов заочных отделений и увеличение обучающихся по дневной форме. В 70-е-80-е годы начался поиск новых форм и средств повышения эффективности учебного процесса в образовательных организациях. В 1974-1975 гг. вступили в действие единые требования по научной организации, планированию и периодическому контролю самостоятельной работы учащихся и студентов.

Восьмой период конца 90-х XX в. – начало 2000 годов, отличивший постсоветское образование как компромисс гуманизма и технократизма. Участие России в Болонском процессе с 2005 года породило множество противоречий в обучении школьников и студентов, которые были связаны с сдачей ЭГ и тестированием при поступлении в вузы; ведением ФГОС, которые ограничили свободу в отборе содержания образовательного процесса в школе и вузе. В процессе перехода на 3-х уровневую подготовку (бакалавр, магистр, аспирант) был потерян многолетний опыт, достигнутый за предыдущую историю отечественного высшего профессионального образования. Пришлось кардинально менять содержание, структуру и функции подготовки специалистов. В этом отразились вводимые инноваций, и одновременно - потенциальные угрозы, риски и вызовы. Осуществляемые преобразования в рамках Болонского процесса не позволили решить проблемы, стоящие перед отечественной системой образования.

Девятый период, трансформирующий российское образование в XXI веке и поставивший дилемму: глобализм или россиецентризм? Изменения, происходящие в глобальном мире, отразились и в отношении взаимодействия системы европейского образования. Это нашло выражение в прекращении участия России в Болонском процессе (май, 2022 г.). 21 февраля 2023 года президент России В. В. Путин предложил вернуться к прежней системе

школьного и вузовского образования. После 2022 года в России национальная система постепенно возвращается к традиционным духовно-нравственным основам, которые отражают наработанные веками исконно российские концептосферы многонациональной культуры, гуманизма, коллективизма, взаимопомощи и поддержки во всех сферах жизнедеятельности каждого гражданина России и общей для всех страны.

Основные выводы исследования. Применение цивилизационного подхода к анализу и осмыслению происходящих на протяжении столетий вызовов в системе отечественного образования позволяет определить его тенденции развития на ближайшие перспективы.

Литература

1. Волостикова, Л. М. Законодательство России о высшем образовании в XVIII веке / Л. М. Волостикова // История государства и права. - 2006. - № 6. – С. 19-21.

2. Высшее образование в России: Очерк истории до 1917 г. / [Савельев А. Я., Момот А. И., Хотеев В. Ф. и др.]; под ред. В. Г. Кинелева. - М.: НИИВО, 1995. – 342 с.

3. Глузман, А. В. Университетское педагогическое образование: опыт системного исследования / А. В. Глузман. - Киев: Издательский центр «Просвита», 1997. – 312 с.

4. Данильченко, С. Л. Государственная политика Петра Первого в сфере образования / С. Л. Данильченко // Международный журнал «Научный альманах» - 2021 - № 11-2(85). – С.112-116.

5. Данильченко, С. Л. Идеи и проекты в сфере российского образования в начале XVIII века // Международный журнал «Научный альманах». - 2021. - № 11-2(85). – С.117-121.

УДК 2:792.01:17.022.1

**РЕЛИГИЯ КАК ФАКТОР СОХРАНЕНИЯ МОРАЛЬНЫХ И ЭТИЧЕСКИХ
НОРМ В МНОГОНАЦИОНАЛЬНОМ ОБЩЕСТВЕ
RELIGION AS A FACTOR IN PRESERVING MORAL AND ETHICAL
NORMS IN A MULTIETHNIC SOCIETY**

Глухов Илья Юрьевич

*студент 3 курса, Гуманитарно-педагогическая академия (филиал) ФГАОУ ВО
«КФУ им. В.И. Вернадского» в г. Ялта*

Glukhov Ilya Yurievich

3rd year student, Humanitarian and Pedagogical Academy (branch) of the Vernadsky KFU in Yalta

Научный руководитель: Бекиров Сервер Нариманович,

кандидат политологических наук, доцент

заведующий кафедры истории и философии

Гуманитарно-педагогическая академия (филиал) ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского» в г. Ялте

Supervisor: Bekirov Server Narimanovich, PhD of Political Sciences, Associate Professor

Head of the Department of History and Philosophy

Humanitarian-Pedagogical Academy (branch) of the V.I. Vernadsky Crimean Federal University in Yalta

Аннотация. В статье анализируется трансляция религиозно обусловленных моральных норм средствами театрального искусства в условиях многонационального и поликонфессионального социума. На основе историко-культурного подхода рассматривается движение театральных форм от культовых практик к светской сцене. Благодаря данным о театральных премьерах 2025–2026 годов в России можно сделать вывод о том, что театр сохраняет этический потенциал религии.

Abstract. The article examines how theatrical art transmits religiously grounded moral norms in a multinational and multi-confessional society. Based on a historical and cultural approach, the author traces the movement of theatrical forms from cult practices to the secular stage. Drawing on data on theatre premieres in Russia from 2025 to 2026, it can be concluded that theatre preserves the ethical potential of religion.

Ключевые слова: религия, моральные нормы, театральное искусство, многонациональное общество, этика, духовно-нравственные ценности, межрелигиозный диалог.

Keywords: religion, moral norms, theatrical art, multinational society, ethics, spiritual and moral values, interreligious dialogue.

Введение

Сохранение моральных норм в многонациональном и поликонфессиональном обществе является одной из ключевых задач современной культурной политики. Как говорят исследователи, «мораль не имеет собственного защитного института» и «исторически и наиболее значимо функцию её института восполняет религия» [5, с. 45-50]. Однако в условиях многообразия этнических и конфессиональных групп прямое транслирование

религиозных догматов может наталкиваться на коммуникативные барьеры. Театральное искусство, обладающее синкретической природой и способностью к эмоциональному воздействию, выступает эффективным медиатором между религиозной этикой и светской аудиторией.

Актуальность темы обусловлена также современными государственными приоритетами: с 2023 года Министерство культуры Российской Федерации ориентирует театры на создание постановок, отражающих традиционные духовно-нравственные ценности. Цель настоящей работы – выявить механизмы и оценить масштаб участия театрального искусства в трансляции религиозно-этических норм в многонациональном российском обществе [3, с. 4089-4102].

Театр как институция сформировался из ритуально-культовых практик, где моральное наставление было неразрывно связано с сакральным действием. Античная греческая трагедия, возникшая из дионисийских мистерий, заложила принцип катарсиса – очищения души через сопереживание страдания героя [2]. В Средние века литургическая драма (миракли, мистерии) превратила библейские сюжеты в наглядные нравоучительные зрелища для неграмотного большинства [1, с. 15-20]. Восточные религиозно-театральные формы – шиитские тазие (Иран, Азербайджан) и буддийский цам (Монголия, Бурятия, Калмыкия) – также демонстрировали образцы верности, самопожертвования и сострадания через сценическое действие.

В многонациональном обществе, где сосуществуют представители разных конфессий, театр оказывается площадкой, где религиозные этические системы могут быть представлены без догматической агрессии. Исследователи отмечают, что «традиционные российские духовно-нравственные ценности» служат основой гражданской идентичности народов России и «межкультурного и межрелигиозного диалога».

Показательным примером является премьера Александринского театра (декабрь 2024 года) – спектакль «Иов» в постановке Валерия Фокина, основанный на ветхозаветной Книге Иова. Как подчёркивается в анонсах, авторы «поднимают вопросы, которые каждый из нас, вне зависимости от религиозной идентичности, не раз задаёт себе на протяжении жизни: почему страдает человек? как сохранить в себе веру ... и преодолеть сомнения?». Обращение к этому «учительному» сюжету демонстрирует, как религиозный текст становится источником универсальной этической рефлексии.

Для наглядности представим данные о ключевых премьерах 2025–2026 годов в таблице.

Таблица 1 – Количество премьер и возобновлённых спектаклей на религиозно-этическую тематику в российских театрах (2025–2026 гг.)

№	Название спектакля	Театр, город	Дата премьеры	Религиозный/этический фокус
1	«Царь и Бог»	Московский государственный академический театр русской песни, Москва	январь 2026	православие, выбор веры как основа государственного решения
2	«Прими мою исповедь»	Театр «Междустрок», Заречный	ноябрь 2025	православие, покаяние и прощение врага
3	«Кабала святош»	МХТ им. Чехова, Москва	сентябрь 2025 – май 2026	конфликт творчества и религиозной догмы
4	«Натан Мудрый»	Театр «Шалом», Москва	сентябрь 2025	межрелигиозный диалог (иудаизм, христианство, ислам)
5	«Поколения» (эскиз)	Театр «Шалом», Москва	ноябрь 2025	библейский сюжет о предательстве и прощении
6	«Поминальная молитва»	Донецкий республиканский академический театр кукол	апрель 2025 – май 2026	межнациональный и межрелигиозный мир, дружба народов
7	«Кто я?»	Crocus City Hall, Москва	май 2025	ислам, семейные ценности, нравственный выбор

Как видно из таблицы, спектакли охватывают разные религиозные традиции и формы – от исторической драмы до современной проповеди и кукольного спектакля (таб. 1). Объединяет их одно: театр не проповедует, а ставит вопросы, заставляя зрителя самостоятельно искать ответы. При этом нравственные ориентиры остаются теми же, что веками утверждала религия [6].

Рисунок 1 – «Царь и Бог» (Театр «Русская песня», Москва, 2026)

Крупный план актёра Алексея Гиммельрейха в образе князя Ивана III. На его лице запечатлены тяжелые раздумья и внутренняя борьба, что символизирует «выбор, основанный на вере» (рис. 1).

Религия исторически выступает фундаментальным источником моральных норм, однако в многонациональном обществе прямое предписание этих норм сталкивается с ограничениями. Театральное искусство, сохранившее генетическую связь с культовыми практиками, выполняет функцию перевода этических императивов с языка догматов на язык эмоционально насыщенных образов.

Вывод. Религия остаётся фундаментальным источником моральных норм, но в многонациональном обществе прямое транслирование догматов наталкивается на ограничения. Театральное искусство предлагает обходной путь: оно переводит этические императивы на язык образов, доступных людям разных конфессий и убеждений. Спектакли «Царь и Бог», «Натан Мудрый», «Поминальная молитва», «Кто я?» и другие обращаются к зрителю не с назиданием, а с притчей. В результате зритель выносит из зала не готовый ответ, а вопрос, и это, возможно, самый эффективный способ сохранить моральные нормы в обществе, где живут люди разной веры.

Литература

1. Кублицкая Е. А., Писманик М. Г. Религиозные и социокультурные процессы в интеграции современных обществ (аналитический обзор социокультурного взаимодействия религиозных и нерелигиозных россиян) // Научный результат. Социология и управление. – 2023. – Т. 9, № 2. – С. 15–20.
2. Национальный театр в контексте многонациональной культуры: материалы Двенадцатых Международных Михоэлсовских чтений / Рос. гос. б-ка искусств; сост. А. А. Колганова. – М.: РГБИ, 2022. – 312 с.
3. Путина О. В. Традиционные духовно-нравственные ценности как основа гражданской идентичности и межкультурного и межрелигиозного диалога // Вопросы политологии. – 2022. – Т. 12, № 88. – С. 4089–4102.
4. Президентский фонд культурных инициатив. Премьера исторического спектакля «Царь и бог» прошла в Москве: новости. – 2026. – 18 января. – URL: <https://xn--80aeeqaabljrdbg6a3ahhcl4ay9hsa.xn--plai/news/7661> (дата обращения: 18.01.2026).
5. Элиаде М. Священное и мирское. – М.: Изд-во МГУ, 1994. – 144 с.
6. Rüdell A.D. Inszenierung religiöser Differenzen: Das Theater als Herausforderung für den interreligiösen Dialog. – Göttingen: V&R Unipress, 2022. – 323 S.

УДК: 141:316.6

СОХРАНЕНИЕ КУЛЬТУРНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ КАК ФАКТОР ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЯМ PRESERVATION OF CULTURAL IDENTITY AS A CRIME PREVENTION FACTOR

Гмыря Артём Александрович

*Младший сержант полиции, командир отделения, Крымский филиал
Краснодарского университета МВД России*

Gmyria Artem Alexandrovich

*Junior Police Sergeant, squad leader, Crimean branch of Krasnodar University of the
Ministry of Internal Affairs of Russia*

Научный руководитель: Чудина-Шмидт Наталья Витальевна

*к. филос. н. доцент кафедры гуманитарных и социально-экономических
дисциплин Крымского филиала Краснодарского университета МВД России,
г. Симферополь, Крымский филиал Краснодарского университета МВД России*

Supervisor: Natalia Vitalievna Chudina-Schmidt

PhD in Philosophical Sciences, Associate Professor, Department of Humanities and Socioeconomic Disciplines, Crimean Branch of the Krasnodar University of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Simferopol, Crimean Branch of the Krasnodar

Аннотация: В работе рассматривается культурная идентичность Российской Федерации, как средство противодействия преступности. К тому же, учитывается роль воздействующих на этническую идентичность глобализационных процессов. Проводиться параллель при анализе факторов, влияющих на национальную идентичность, на момент их формирования и на сегодняшний день. Оценивается политика Российской Федерации по сохранению национальной идентичности. Формируется представление об эффективности противодействия преступности с точки зрения изучаемого фактора.

Abstract: The paper examines the cultural identity of the Russian Federation as a means of countering crime. In addition, the role of globalization processes affecting ethnic identity is taken into account. A parallel is drawn when analyzing the factors influencing national identity at the time of their formation and today. The policy of the Russian Federation on the preservation of national identity is evaluated. An idea of the effectiveness of crime prevention is formed from the studied factor.

Ключевые слова: культурная идентичность, этническая идентичность, глобализация, патриотизм, преступление.

Keywords: cultural identity, ethnic identity, globalization, patriotism, crime.

Культурная идентичность России на сегодняшний момент является одним из немногочисленных факторов, отличающих наше государство от других. Она формировалась на протяжении многовековой истории, вследствие огромного количества разнородных событий и явлений, что говорит о значительном влиянии как исторических, так и геополитических факторов [4, 5]. В настоящее время культура Российской Федерации позволяет сфокусировать внимание граждан на решении общезначимых проблем. Также этому способствует единый менталитет народа, подчёркивающий и без того уникальную идентичность России [3, 10].

Одним из постоянно имеющих явлений в обществе, по-прежнему, сохраняющее свою актуальность, является преступность. Оба изучаемых нами явления схожи, как минимум, в том, что и культурная идентичность, и преступность видоизменялись по ходу истории вместе. Тем не менее, преступление, в отличие от культуры, несёт очевидный вред обществу [8, 11].

Использование упоминания культурной идентичности как фактора борьбы с преступностью сегодня довольно актуально. Существенное количество

политических деятелей, выступающих перед населением Российской Федерации, всё чаще в своих речах говорят о культурной или национальной идентичности. Самобытность и единство русского народа постоянно находят упоминание в новостных изданиях, публикациях и видеороликах в социальных сетях [1].

Подобная тенденция непосредственно связана с актуализацией этой темы на фоне внешнего давления и бесконечных попыток разобщить народ России. Историческая составляющая российской культурной идентичности на этом фоне значительно преобладает, так как народ в России привык постоянно объединяться на фоне общего врага. Часто попытки воздействия на культурную идентичность России связывают с процессами глобализации. В современных реалиях, учитывая развитые возможности передачи информации с помощью интернета, распространение единых стандартов потребления, моды и искусства, как основных составляющих культуры, становится наиболее актуальным. Именно поэтому, очень важно сохранять самобытность, отдавая предпочтение собственным традициям и устоям.

Говоря о связи культурной идентичности с патриотизмом, стоит отметить, что многие считают эти понятия смежными. На фоне этого формируется представление о том, что национально-культурное самосознание и политическая стабильность государства являются тесно связанными факторами государственной безопасности [9, с. 90]. Таким образом, сформировав в обществе дух совместной идентичности, можно минимизировать количество совершаемых преступлений. Для достижения наиболее эффективного результата необходимо также определить факторы, влияющие на национальную идентичность. К подобным, субъективным факторам относят:

- Национальный язык – фактор, выделяемый А. Д. Смитом [2, с. 384]. В своих работах профессор Лондонской школы экономики, говорил о том, что язык определенной народности формируется по ходу развития самой нации. За счёт этого Смит продвигал идею центрального места национального языка в сохранении культурности народа.

- Религиозная самоидентификация – фактор, доминирующий в сохранении культурной идентичности России. Во многом это связано с историческим контекстом. Изначально, религия на территории Древней Руси выступала в виде объединяющего фактора. В дальнейшем, с ходом истории, эта идея продвигалась всё дальше. Всё чаще население Древнерусского Государства объединялось против общего врага ради сохранения собственной идентичности, и в том числе, религии. Примеров подобного масса: Александр Невский и Новгородцы защищали русские земли от крестоносцев, которые хотели

распространить свою религию, Дмитрий Донской со своим войском получал благословение на бой против монголов на Куликовом поле в Троице-Сергиевом монастыре у преподобного Сергия Радонежского и т.д.

- Природно-географическое разнообразие – уникальный фактор для Российской Федерации, учитывая занимаемую ею площадь. География оказывает прямое влияние на хозяйственную деятельность человека, формируя различные привычки, необходимые для выживания. В современном мире Россия у многих ассоциируется с холодной зимой, у каждого человека на земле есть представление о менталитете типичного россиянина. Для народностей России – это как раз-таки служит объединяющим фактором, формирующим общий образ жизни, манеру поведения в типовых ситуациях, а также чувство принадлежности к единому государству.

Совокупность вышеуказанных факторов позволяет проанализировать изменения в культурной идентичности населения с момента их закрепления, до сегодняшнего дня. Особенно хорошо это прослеживается на примере религиозной самоидентификации. До принятия христианства в 988 году население Древней Руси представляло собой хоть и совокупность, но всё же разрозненных племен, придерживающихся различных религиозных взглядов. Подобная ситуация являлась, в том числе, причиной развития преступности, по крайней мере между племенами. Единая религия позволила исключить подобное, для своеобразного предотвращения преступлений стали использоваться священные тексты, с заповедями, которые не должен нарушать верующий человек.

В современных условиях развития глобализации культурные интересы многих государств мира подвержены опасности. В такой обстановке можно говорить даже о проявления международной преступности, с которой необходимо бороться, в том числе сохраняя собственную идентичность. Таким образом противодействовать преступности может каждый гражданин Российской Федерации. Для этого важно учитывать аффективный и когнитивный компоненты, сведения о принадлежности к нации, самоопределение, территориальную принадлежность, знание своего этноса и идентификация со своими культурными корнями и традициями [7, с. 58]. Современная политика Российской Федерации как раз направлена на развитие вышеуказанных компонентов у всего населения России. Это можно заметить в новостных программах, патриотических мероприятиях как всероссийского, так и местного уровня, системе образования. Необходимость сохранения общероссийской культурной идентичности также закреплена в ст. 69 Конституции РФ [6]. Это в

очередной раз подчёркивает важность развития стратегии национальной идентичности, в том числе, для противодействия преступлениям.

Литература

1. 1917-2017: Россия в поисках будущего // Кальной И. И., Юрченко С. В., Чёрный Е. В., Чемшит А. А., Пашковский П. И., Когай Е. А., Корольков А. А., Щелкин А. Г., Миронов А. В., Иванова Р. А., Жупник О. Н., Узунов В. В., Шоркин А. Д., Чудина Н. В., Кемалова Л. И., Папаяни Ф. А., Марков Б. В., Соколов А. С., Кравченко И. В., Чигрин В. А. и др., Симферополь, 2018.

2. Белов М. В., Кузнецова С. В. Рец. на кн.: Smith A. D. Ethno-symbolism and Nationalism: A Cultural Approach / A. D. Smith. – NY: Routledge, 2009. – 184 p. // Диалог со временем. 2012. Вып. 38. С. 384. <https://roii.ru/r/1/38.22> 2

3. Буткевич С. А. Предупреждение угроз ментальной безопасности: правовой, криминологический и психолого-педагогический инструментарий // Учёные записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского. Юридические науки. 2021. Т. 7 (73). № 2. С. 310-322.

4. Коноплева А. А. Кризис идентичности современного человека: причины развития, формы проявления, последствия//В сборнике: Актуальные вопросы социогуманитарного знания: история и современность. Межвузовский сборник научных трудов. Краснодар, 2017. С. 61-65.

5. Коноплева А. А. Кризис культурной идентичности человека как следствие современных политических и правовых трансформаций//В сборнике: Актуальные проблемы права и правоприменительной деятельности. Материалы Международной научно-практической конференции. Под общей редакцией В. А. Сосова. 2017. С. 592-595.

6. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993) (в действующей редакции) // ИПО Гарант [Электронный ресурс]. – URL: <http://base.garant.ru/10103000/> 1

7. Лисенкова А.А. Особенности формирования российской культурной идентичности // Ценности и смыслы. 2018. № 2 (54). С. 58. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/osobennosti-formirovaniya-rossiyskoy-kulturnoy-identichnosti/viewer>.

8. Миронова О. А. Противодействие экстремизму и терроризму: историко-правовой аспект//Евразийский юридический журнал. 2019. № 10 (137). С. 347-348.

9. Саакян А. Г. Культурная идентичность в современном российском обществе как объект исследования // Научно-технические ведомости СПбГПУ.

Гуманитарные и общественные науки. 2017. Т. 8, № 4. С. 90. DOI: 10.18721/JHSS.8409 4.

10. Чудина-Шмидт Н. В. Роль социального диалога в формировании просоциальной экстремальности//В сборнике: Актуальные проблемы права и правоприменительной деятельности на современном этапе. Новороссийск, 2015. С. 638-642.

11. Чудина-Шмидт Н. В. Социальные условия перехода личности в состояние экстремала-дестроера// В сборнике: Обеспечение общественной безопасности и противодействие преступности: задачи, проблемы и перспективы. Материалы Всероссийской научно-практической конференции. 2020. С. 508-511.

УДК 902.64:006.91

**КОРПУС БРОНЗОВЫХ МОНЕТ ФАНАГОРИИ ПОЗДНЕГО
СПАРТОКИДСКОГО ПЕРИОДА (ОК. 130-125 ГГ. ДО Н.Э.)
CORPUS OF BRONZE COINS FROM PHANAGORIA OF THE PERIOD OF
THE LATE SPARTOCIDS (C. 130-125 BC)**

Гришин Ю. В.

Кандидат технических наук, НИЦ «Курчатовский институт», г. Москва

Grishin Y. V.

PhD in Technical Sciences, NRC "Kurchatov Institute", Moscow

Атик А. А.

*Кандидат философских наук, ФГАОУ ВО «КФУ имени В.И. Вернадского»
Гуманитарно-педагогическая академия (филиал), доцент кафедры истории и
философии*

Atik A. A.

*PhD in Philosophical Sciences, Associate Professor, Humanities and Education
Science Academy (branch) of V.I. Vernadsky Crimean Federal University in Yalta*

Аннотация. В данной статье представлен анализ весовых характеристик фанагорийских бронзовых монет номиналом дихалк позднеспартокидского периода (ок. 130-125 гг. до н. э.). Выявлено, что, несмотря на общую изученность боспорской нумизматики, данные о массе бронзовых монет малого номинала одного из крупнейших полисов Боспорского царства – Фанагории, остаются фрагментарными и разрозненными. Объектом исследования являлись 100 экземпляров бронзовых монет античного полиса Фанагория, принадлежащие иконографическому типу «виноградная гроздь». Сделано обоснование

необходимости систематизации данных по малым номиналам, на примере монет номиналом дихалк, для реконструкции стандартов чеканки бронзовых монет. Выявлена научная ценность статистической обработки выборки бронзовых монет единого типа для реконструкции весовых стандартов Фанагории. Полученные метрические данные по репрезентативной выборке в 100 единиц позволят выявить особенности выпуска бронзовых монет в годы правления Перисада IV, относящиеся к началу позднеспартокидского периода.

Abstract. This article presents an analysis of the weight characteristics of Phanagorian bronze dichalkos coins from the late Spartacian period (c. 130-125 BC). It is revealed that, despite the general study of Bosporan numismatics, data on the weight of small-denomination bronze coins of Phanagoria, one of the largest poleis of the Bosporan Kingdom, remain fragmentary and disjointed. The object of the study were 100 bronze coins of the ancient polis of Phanagoria, belonging to the "bunch of grapes" iconographic type. A rationale is provided for the need to systematize data on small denominations, using dichalkos coins as an example, for the reconstruction of bronze coin minting standards. The scientific value of statistical processing of a sample of bronze coins of a single type for the reconstruction of Phanagorian weight standards is revealed. The obtained metric data on a representative sample of 100 units will allow us to identify the characteristics of the issue of bronze coins during the reign of Perisades IV, dating back to the beginning of the late Spartacist period.

Ключевые слова: Боспорское царство, Фанагория, нумизматика, дихалк, метрология монет, иконографический тип.

Keywords: Bosporan Kingdom, Phanagoria, numismatics, dichalkos, coin metrology, iconographic type.

Фанагория, крупнейший греческий полис на азиатской стороне Боспора Киммерийского, основанный в 540-е гг. до н. э. древнегреческими переселенцами из ионийского города Теоса [1, с. 86]. Во время правления Перисада IV (ок. 155-125 гг. до н. э.) имело место распространение на территории Боспорского царства культа Диониса, что подтверждается многочисленным эпиграфическим, археологическим и нумизматическим материалами [2, с. 45].

Важно отметить, что изображение виноградной грозди на монетах Фанагории отражает не только религиозные аспекты жизни античного общества, но и вклад виноградарско-винодельческой отрасли хозяйствования в экономику полиса, и как следствие в состоятельность и благополучие его граждан.

Археологические раскопки подтверждают наличие в поздний спартокидский период жизни Фанагории – развитой культуры виноделия: в

почвенных слоях обнаружены семена культурного винограда, фрагменты амфор и приспособления для переработки винограда на вино [3, с. 105].

Городская эмиссия бронзовых дихалков периода правления боспорского царя Перисада IV (ок. 155-125 гг. до н. э.), датируемая в пределах 130-125 гг. до н. э., характеризуется использованием атрибутов культа Диониса, ключевым из которых выступает изображение виноградной грозди (рис.).

Рисунок – Бронзовый дихалк Фанагории (ок. 130-125 гг. до н. э.)

*фотофиксация выполнена авторами

Анализ историографии атрибуции фанагорийской бронзовой эмиссии номиналом дихалк (ок. 130-125 гг. до н. э.) выявил существенную вариативность в интерпретации иконографических элементов на отчеканенных в этот период монетах. Если идентификация изображений на аверсе характеризуется значительными расхождениями – от «безбородой головы» (Д. Б. Шелов [4, с. 175]) и «головы безбородого сатира» (В. А. Анохин [5, с. 65]) до «головы Диониса» (М. Г. Абрамзон [6, с. 82]), - то иконография реверса во всех случаях определяется унифицировано как «виноградная гроздь». Стабильность изображения на оборотной стороне при вариативности описаний лицевой стороны позволяет обосновать введение единого стандартизированного типологического обозначения для анализируемой выборки – иконографический тип фанагорийских бронзовых монет «виноградная гроздь».

Эмиссия бронзовых дихалков с изображением виноградной грозди непосредственно коррелирует с особенностями политико-экономического развития Боспора в период правления Перисада IV. Ослабление центральной власти в Пантикапее способствовало расширению монетных прав местных центров, что позволило Фанагории осуществлять самостоятельную эмиссию для обеспечения потребностей торгово-рыночных отношений. Выбор

иконографического типа «виноградная гроздь» актуализировал аграрную специализацию региона и служил идентификатором культурно-религиозных верований и традиций, основанных на культе Диониса [7, с. 5]. Таким образом, изучаемый корпус бронзовых монет выступает материальным подтверждением адаптационных механизмов боспорской экономики, позволивших отдельным центрам поддерживать финансовое обращение в условиях кризиса спартокидской монархии.

Целью данной работы является уточнение метрологических характеристик бронзовых монет малого номинала, выпускавшихся в полисе Фанагория и принадлежащих иконографического типу «виноградная гроздь».

В отечественной нумизматике долгое время сохранялась традиция обозначать монеты малого номинала, выпускавшиеся городами Боспорского царства, как «медные». Однако с точки зрения материаловедения данная формулировка некорректна, поскольку металл, из которого производилась эмиссия подобных монет, представляла собой не химически чистую медь, а её сплавы с легирующими компонентами (оловом, цинком и свинцом). В связи с этим в настоящей работе применяется термин «бронзовые монеты», более точно отражающий их химический состав.

Для обозначения денежных эмиссий из бронзовых сплавов принято международное обозначение *Æ*, происходящее от латинского слова *aes*. В античную эпоху под этим понятием подразумевалась медь, бронза и монеты из соответствующих сплавов; в современной нумизматике данное обозначение служит универсальным понятием для всех монет на основе медных сплавов (включая бронзу и латунь) [8, с. 11].

Изучение метрологических характеристик денежных знаков, имевших самое широкое использование в рыночных отношениях, к которым относятся бронзовые монеты малого номинала, позволит под новым ракурсом взглянуть не только на общественную жизнь полиса, но и на изменения весовых характеристик монет малого номинала, имевшие место в позднеспартокидский исторический период Фанагории.

Иконографический тип фанагорийских монет с изображением виноградной грозди впервые был выделен и описан академиком Е. Е. Кёлером в XIX в. при изучении коллекции Императорского Эрмитажа [9, с. 365]; в дальнейшем этот тип вошёл в корпус боспорской чеканки. В последующих трудах по античной историографии Северного Причерноморья технологические аспекты и периодизация монетной эмиссии боспорских полисов нашли отражение в научных работах Д. Б. Шелова, В. А. Анохина, Н. А. Фроловой, М. Г. Абрамзона и др.

Д. Б. Шелов в исследовании «Монетное дело Боспора VI–II вв. до нашей эры» относит выпуск монет иконографического типа «виноградная гроздь» к первой половине II в. до н. э. [4, с. 121]. Расхождение с более поздней датировкой В. А. Анохина отражает как эволюцию научных взглядов, так и результаты анализа значительно возросшего количества археологических материалов.

Предложенная В. А. Анохиным датировка выпуска бронзовых монет Фанагории иконографического типа «виноградная гроздь» (ок. 130-125 гг. до н. э.) в наибольшей степени соответствует современным представлениям о монетном обращении в крупнейшем полисе Таманского полуострова.

Вопрос о номинале бронзовых монет Фанагории долгое время оставался дискуссионным. На основании проведённого метрологического анализа В. А. Анохин определил номинал монет типа «виноградная гроздь» как дихалк. Однако в работе «Монетное дело Боспора» автор опирается на весовые показатели единичного экземпляра из собрания Эрмитажа (2,26 г) без анализа статистически значимой выборки [5, с. 143].

В рамках современной научной парадигмы, в частности в области наукометрической нумизматики, наметился переход от типологического описания отдельных экземпляров к комплексному анализу данных, полученных в ходе изучения исторического прошлого начиная с античного периода, что выступает фактором, определяющим общность и аутентичность культурно-исторического наследия южных регионов России [10, с. 40].

Материалом исследования послужил корпус из 100 экземпляров бронзовых монет Фанагории иконографического типа «виноградная гроздь» (реверс), атрибутированных как дихалки и датированных ок. 130-125 гг. до н. э. Выборка такого объёма представляет собой репрезентативную статистическую совокупность, обеспечивающую достоверность метрологического анализа.

Изучение и фотофиксация поверхности исследуемых образцов бронзовых монет и идентификация иконографического типа «виноградная гроздь» проводились методом цифровой микроскопии с помощью цифрового микроскопа Andonstar AD 249S-M (Китай).

Для определения массы исследуемых образцов бронзовых монет использовались аналитические весы Mettler Toledo AB 204-S (Швейцария), соответствующие классу точности 1 (ГОСТ 24104-2001), дискретностью 0,1 мг.

Все определения проводили в трёх повторностях. Результаты исследований обрабатывали стандартными методами математической статистики. Методологическую основу работы составили методы статистики, используемые для анализа метрологических стандартов античной монетной чеканки на примере бронзовых монет Фанагории.

Результаты

В работе представлены результаты исследований массы бронзовых монет Фанагории, относящихся к позднеспратокидской эмиссии (ок. 130-125 гг. до н. э.). Для анализа метрологических стандартов массы выборка ($n=100$) была дифференцирована на 10 интервалов с шагом 0,20 г (Таблица).

Таблица. Распределение масс бронзовых монет Фанагории по интервалам (шаг 0,20 г) с приведением индивидуальных значений

Интервал масс, г	Индивидуальные значения массы, г
<i>1,10 – 1,30</i>	1,1076; 1,1359; 1,1893; 1,1903; 1,2119; 1,2386; 1,2537; 1,2763; 1,2865; 1,2921
<i>1,30 – 1,50</i>	1,3050; 1,3277; 1,3321; 1,3701; 1,3827; 1,3939; 1,4035; 1,4453; 1,4503; 1,4812; 1,4958; 1,4997
<i>1,50 – 1,70</i>	1,5084; 1,5130; 1,5147; 1,5205; 1,5471; 1,5521; 1,5557; 1,5643; 1,5848; 1,5941; 1,6196; 1,6388; 1,6463
<i>1,70 – 1,90</i>	1,7274; 1,7335; 1,7439; 1,7495; 1,7643; 1,7707; 1,7755; 1,7756; 1,7987; 1,8244; 1,8324; 1,8376; 1,8617; 1,8683; 1,8692
<i>1,90 – 2,10</i>	1,9014; 1,9203; 1,9424; 1,9705; 1,9712; 1,9829; 1,9911; 1,9974; 2,0005; 2,0114; 2,0330; 2,0338; 2,0489; 2,0539; 2,0612; 2,0650; 2,0698; 2,0885; 2,0954
<i>2,10 – 2,30</i>	2,1033; 2,1130; 2,1312; 2,1358; 2,1704; 2,1850; 2,1960; 2,2056; 2,2162; 2,2171; 2,2235; 2,2666; 2,2759
<i>2,30 – 2,50</i>	2,3102; 2,3112; 2,3259; 2,3482; 2,3523; 2,3592; 2,4351; 2,4887
<i>2,50 – 2,70</i>	2,5296; 2,5656; 2,5800; 2,5915; 2,5953; 2,5989; 2,6477
<i>2,70 – 2,90</i>	2,7902; 2,8027
<i>2,90 – 3,10</i>	2,9129

Диапазон, в который включены все полученные значения масс, представляет собой интервал от 1,1076 г до 2,9129 г. Распределение масс носит унимодальный характер с пиком в интервале (1,90-2,10) г, при этом количество сосредоточенных в этом диапазоне образцов составило 19, т. е. 19 % для исследованной нами выборки. Таким образом, диапазон масс от 1,90 до 2,10 г в наибольшей степени отражает расчётный весовой стандарт бронзового дихалка.

Накопленная частота достигает 50 % в интервале (1,70-1,90) г, что согласуется с медианным значением выборки (1,885 г).

Правосторонняя асимметрия распределения незначительна (коэффициент асимметрии 0,19), а наличие единичных значений в интервале (2,90-3,10) г не

выходит за пределы трёхсигмового допуска, что свидетельствует об однородности выборки.

Среднеарифметическое значение массы составило $1,886 \pm 0,043$ г (стандартная ошибка среднего). Стандартное отклонение выборки равно 0,431 г, что при коэффициенте вариации 22,9 % указывает на умеренный разброс весовых показателей.

Доверительный интервал для генерального среднего (уровень доверия 95 %) составляет (1,800-1,971) г.

Статистический анализ показал, что разница между средним арифметическим ($1,886 \pm 0,043$ г) и медианой (1,885 г) составляет менее 0,001 г, что находится в пределах погрешности измерений.

При коэффициенте асимметрии 0,19 и эксцессе $-0,72$ распределение масс не демонстрирует статистически значимых отклонений от нормальности (тест Шапиро–Уилка: $W = 0,979$, $p = 0,106$).

Данное соотношение подтверждает репрезентативность исследуемой выборки и точность установленных статистических показателей.

Выводы. Анализ распределения бронзовых монет в системе масс позволяет сделать следующие выводы:

1. Распределение массы монет носит унимодальный характер с модой в интервале (1,90-2,10) г, что соответствует расчётному массовому стандарту фанагорийского бронзового дихалка иконографического типа «виноградная гроздь».

2. Близость среднего (1,886 г) и медианного (1,885 г) значений массы, а также низкий коэффициент асимметрии ($S_k = 0,19$) свидетельствуют о том, что весовые характеристики монет формировались в рамках единого технологического стандарта. Симметричность распределения указывает на отсутствие систематического «облегчения» или «утяжеления» монетной стопы в период ок. 130–125 гг. до н. э.

3. Сосредоточенность 69 % экземпляров в диапазоне (1,50-2,30) г при коэффициенте вариации 22,9 % свидетельствует об умеренной вариабельности веса, характерной для античной бронзовой чеканки.

Таким образом, метрологические данные подтверждают атрибуцию монет типа «виноградная гроздь» как дихалков и свидетельствуют о функционировании в Фанагории ок. 130-125 гг. до н. э. упорядоченной системы выпуска бронзовых монет.

Литература

1. Кузнецов, В. Д. Фанагория: новые исследования. Краткие сообщения Института археологии. – 2005. – № 219. – С. 85–104.
2. Завойкин, А. А. «Следы Диониса» в святилище Деметры и Коры на Фонталовском полуострове. Проблемы истории, филологии, культуры. – 2025. – № 1(87). – С. 39–58. – DOI 10.18503/1992-0431-2025-1-87-39-58.
3. Завойкин, А. А. Винодельня на акрополе Фанагории / А. А. Завойкин, Н. В. Завойкина // Краткие сообщения Института археологии. – 2021. – № 265. – С. 104–124. – DOI 10.25681/IARAS.0130-2620.265.104-124.
4. Шелов, Д. Б. Монетное дело Боспора VI–II вв. до нашей эры. – М.: Изд-во АН СССР, 1956. – 221 с.
5. Анохин, В. А. Монетное дело Боспора / АН УССР, Ин-т археологии. – Киев: Наукова думка, 1986. – 178 с.
6. Абрамзон, М. Г. Клад монет IV–I вв. до н.э. из Фанагории (2007 г.) / М. Г. Абрамзон, В. Д. Кузнецов // Вестник древней истории. – 2013. – № 3(286). – С. 75–107.
7. Атик, А.А. Динамика развития социокультурного диалога в поликультурном обществе / А. А. Атик // Таврические студии. – 2017. – № 14. – С. 4–8.
8. Jones, J. M. A Dictionary of Ancient Roman Coins / J. M. Jones. – London: Spink and Son Ltd, 1990. – 329 p.
9. Тункина, И. В. Русская наука о классических древностях юга России (XVIII – середина XIX в.) / И.В. Тункина. – Санкт-Петербург: Санкт-Петербургская издательско-книготорговая фирма “Наука”, 2002. – 676 с.
10. Атик, А. А. Особенности социокультурного диалога в Крыму / А. А. Атик // Проблемы гуманитарного знания и крымский культурный ландшафт: Материалы Всероссийской научной конференции с международным участием, Ялта, 17-18 ноября 2016 года. – Ялта: Крымский федеральный университет им. В.И. Вернадского, 2017. – С. 38–41.

УДК 1:2:008

ПОНЯТИЕ «БОГОИЗБРАННЫЙ НАРОД» В КУЛЬТУРЕ НАРОДОВ РОССИИ

THE CONCEPT OF «GOD-CHOSEN PEOPLE» IN THE CULTURE OF THE PEOPLES OF RUSSIA

Данакари Лилия Ричарди

*кандидат философских наук, доцент, доцент кафедры педагогики,
психологии и социальной работы Волгоградского государственного
университета, магистр психологии, г. Волгоград*

Danakari Liliya Richardi

Ph.D. in Philosophy, Associate Professor, Volgograd State University, Volgograd

Ивентьев Сергей Иванович

*Юрисконсульт ООО «Юридическая компания «АДЪЮТА», член РФО,
г. Казань*

Iventev Sergey Ivanovich

legal adviser

«Legal Company ADYUTA» LLC, Kazan

Аннотация. В статье исследуется религиозное понятие «Богоизбранный народ» в связке с культурами народов Российской Федерации, а также с точки зрения души и духа человека. Представлено авторское определение данному концепту.

Abstract. The article explores the religious concept of «God-Chosen People» in relation to the cultures of the peoples of the Russian Federation, It is also important from the perspective of the human soul and spirit. The author presents a definition of this concept.

Ключевые слова: Бог, Любовь, человек, душа человека, дух человека, народ, Богоизбранный народ.

Keywords: God, Love, man, human soul, human spirit, the people, the God-chosen people.

Целью статьи является исследование концепта «Богоизбранный народ». **Методология исследования** – логический и сравнительный анализ, систематизация, междисциплинарный метод анализа, метод панорамного видения и анализа. **Актуальность и востребованность исследуемой темы** определяется отсутствием исследований, посвящённых понятию «Богоизбранный народ» с позиции души и духа человека.

Введение. Концепт «Богоизбранный народ» – религиозное понятие, которое появилось с утверждением и принятием людьми определённого культа.

Согласно Словарю античности, 1989 г., «культ (от лат. colere – возделывать, почитать; cultus – возделывание, уход, почитание). У греков и римлян – совокупность обрядов почитания к.-л. гос-ва, бога или человека с целью снискать его расположение (благословение) и получить помощь либо почтить его память. К числу последних относится К. мёртвых и К. предков, восходящие к

прагреческим (в Греции) и праэтрусским (в Италии) традициям. Др. культовые места (*locus sacra* – деревья, источники, роши, храмы – в отличие от *locus religiosa* – мест отправления частных К.) могли находиться в распоряжении разных лиц, но совершавшиеся там обряды были неизменны. К их числу относятся жертвоприношения, обрядовые празднества (процессии, танцы) и молитвы. Твёрдые сроки проведения различных праздников, появление которых имело конкретные причины, определяли в античности культовый годовой календарь. Священнослужители (жрецы и их помощники) должны были выполнять различные предписания – совершать обряд очищения, должным образом облачаться и воздерживаться от пищи. В Греции все сакральные процедуры были в целом скромнее, чем у римлян или иудеев. Наряду с официальными К. существовали отделившиеся от них мистериальные К. орфиков, гностиков, поклонников Митры, а также религии искупления, напр., христианство. Такие особые формы К., как античный К. властителя, продолжали существовать и в христианстве, ставшем государств. религией» [9].

Следует обратить внимание на то, что нет достоверных источников, что какой-либо культ или религия являются действительно изобретением (творчеством) именно Бога. Указанное подтверждается тем, что существовавшие и существующие в настоящее время культы (религии) не являются безукоризненными, не останавливают конфликты, преступления и войны, не излечивают все болезни и каждого, а также не привели к благоденствию всё человечество. Следовательно, в настоящем исследовании под культом и религией понимается человеческое изобретение (творчество) как определённый вид деятельности.

В целом в религиозной и светской литературе понятие «Богоизбранный народ», так или иначе, связано с еврейским народом и христианами, которые, согласно религиозным источникам, заключили с Богом Старый и Новый заветы соответственно.

Так, согласно Православной энциклопедии «Азбука веры, «Богоизбранный народ – именование, относящееся к еврейскому народу времен исполнения им особой религиозно-духовной миссии: быть хранителем истинной веры в Единого Бога (Быт.12:1-3; Исх.19:5-6; Ис.43:21). Со времени заключения Нового Завета и образования Церкви, избранным народом стали христиане (Иер.31:37; Мф.21:33-43; Гал.3:28; Кол.3:11)» [3, 8].

Согласно Библии, Богоизбранным народом выступает еврейский народ. При этом отсутствуют достоверные доказательства выбора (или назначения) Богом данного народа Богоизбранным.

В настоящем исследовании под душой и духом человека понимается следующее.

Под духом человека подразумевается эманация (лат. emanatio – истечение, распространение) Бога, а душа человека – Божественная и духовно-нравственная ценность, совершенно самостоятельное духовное Разумное Энергетическое Существо (Суть), способное жить без тела человека, бессмертное Творение Бога [1, с. 21-29]. При этом многими исследователями светской науки под последними мыслится сознание и подсознание человека [2, с. 401-407], что в свою очередь обесценивает и отодвигает на задний план душу человека. При этом сознание и подсознание человека, о которых говорит наука, – это основные характеристики и составные части человеческой души. Именно преднамеренная подмена души человека другими понятиями привела и приводит к безответственному отношению человека к своей и чужой жизни, к окружающему миру, т.к. он с точки зрения науки (иной идеологии) со смертью превращается в прах, а значит, никак не может и не должен отвечать за свои вольные или невольные грехи (преступления).

В авраамических религиях (иудаизм, христианство и ислам) особое внимание уделяется душе человека, тем самым уже несколько тысячелетий подтверждается её существование [6, с. 166].

Душа человека – не номинальное или фольклорное (сказочное) явление, а реальная Духовная личность.

Душа человека часто отождествляется с нравом, где мораль является основной её характеристикой, нрав – свойство души человека [5, с. 17]. Каждая человеческая душа имеет свой неповторимый нрав и характер [4, с. 191-198], что фиксировали словари Российской империи.

Результаты исследования и их обсуждение.

В основе культуры любого народа лежат различные религии (культы) и верования, которые апеллируют понятием «Богоизбранный народ» (христианство / православие, католицизм, протестантизм и другие течения / и иудаизм).

Так, в России исповедуют такие мировые религии, как христианство (66 %), ислам (6 %) и буддизм (1 %), а также национальные религии (иудаизм) и традиционные верования (шаманизм, родовые культы) (1 %).

Христианство исповедуют следующие народы России: православие (др.-греч. ὀρθοδοξία, букв. – «правильное мнение») – русские, осетины, армяне, мордва, марийцы, карелы, коми, якуты и другие; католицизм (лат. catholicismus от греч. «всеобщий», «вселенский») – литовцы, поляки, значительная часть венгров, украинцы, белорусы, немцы, французы, испанцы, итальянцев, русские,

армяне и другие; протестантизм (лютеране, баптисты, адвентисты и т.д.) – русские, корейцы и другие); старообрядчество – русские, чувашаи и другие. Ислама (араб. الإسلام) – «покорность», «предание себя [Единому] Богу») придерживаются народы, населяющие Северный Кавказ (чеченцы, ингуши, балкарцы, карачаевцы, черкесы, адыгейцы, и другие), Татарстан (татары), Башкирию (башкиры) и другие регионы России. Буддизм в основном исповедуют жители Алтая и Бурятии. Иудаизма придерживаются евреи. Традиционные верования (шаманизм, родовые культы) исповедуют якуты, тувинцы, сойотов и другие.

В древности жрецами были сформированы определённый социальный статус нужного народа (точнее его религиозный статус) и поведение, которое на века смоделировало необходимое отношение других народов к так называемому «Богоизбранному народу», что позволяет получать привилегии, экономические и прочие бонусы, а также диктовать свою повестку дня по всем мировым вопросам, включая вопросы войны.

Религиозный культ и понятие «Богоизбранный народ» за многие века были вплетены в культуру народов мира, в т.ч. России, которые исповедуют христианство и иудаизм. Несмотря на это, по вопросу богоизбранности какого-либо народа дискуссии продолжаются, т.к. каждый народ считает себя Богоизбранным.

По нашему мнению, утверждение о богоизбранности определённого народа в себе содержит отрицательные и положительные аспекты.

Так, понятие «Богоизбранный народ» говорит о наличии высшего идеала, к которому должен стремиться человек, его душа и любой народ.

Богоизбранный народ увязывают со святостью и наделяют сакральностью. В литературе отмечается, что «атрибутами святости обладает сам богоизбранный народ. Израильтяне были избраны из основной и многочисленной массы народностей, населяющих Землю. Это засвидетельствовано в книге Исхода: «итак, если вы будете слушаться гласа Моего и соблюдать завет Мой, то будете Моим уделом из всех народов, ибо Моя вся земля, а вы будете у Меня царством священников и народом святым; вот слова, которые ты скажешь сынам Израилевым» (Исх. 19:5, 6)» [7, с. 15].

Выделение одного народа (по религиозному мнению, самим Богом) среди других принижает эти «неотмеченные» народы, ставит их в неравное положение с так называемым Богоизбранным народом. Как полагают авторы, указанное невозможно в связи с тем, что, согласно религиозной теории (креационизму), Бог

является Творцом человека, в т.ч. любого народа, что изначально не допускает неравноправие среди людей.

Следует, обратить внимание на то, что Бог посылал своих пророков в тот народ, который имел много грехов и забыл Божественный закон и миропорядок [5, с. 95].

Очевидно, что по определению Богоизбранный народ не может убивать людей, в т.ч. своих пророков. Согласно Библии, еврейский народ (его конкретные члены) убил своих пророков Иоанна Крестителя (Мф.14:1-12) и Иисуса Христа (Мф.27:33-56) как преступника [2]. До настоящего времени убитых не реабилитировали.

В данном случае возникает справедливый вопрос: можно ли народ именовать Богоизбранным, если он забыл Божественный закон и миропорядок, а также убил пророков?

По мнению авторов, под Богоизбранным народом следует мыслить любой народ, который любит и почитает Бога, уделяет большое внимание человеческой душе, является человеколюбивым и не поддерживает рабство и убийство людей в любом виде и под любым предлогом.

Выводы. По результатам исследования можно сделать следующие выводы:

1. Религиозное понятие «Богоизбранный народ» придумано не самим Богом, а человеком в связи с наличием определённого культа (религии) и политического строя.

2. Концепт «Богоизбранный народ» обращает внимание людей на присутствие Бога в их жизни.

3. К Богоизбранному народу следует относить все народы Мира в связи с тем, что человек сотворён Богом.

Литература

1. Асадуллина Г. Р., Ивентьев С. И. Национальная духовная культура и душа человека // Башкирская духовная жизнь в поликультурном пространстве: прошлое, настоящее и будущее: сборник материалов Международной научно-практической конференции, посвященной 75-летию Победы в Великой Отечественной войне (г. Уфа, 21.05.2020 г.) / отв. ред. Г. С. Кунафин. – Уфа: РИЦ БашГУ, 2020. – С. 21-29.

2. Асадуллина Г. Р., Ивентьев С. И., Шкуран О. В. Духовно-нравственный смысл деятельности как фактор консолидации молодёжи и общества // Социальная консолидация и социальное воспроизводство современного российского общества: ресурсы, проблемы, и перспективы: материалы VII Международной научно-практической конференции. Иркутск,

15.02.2021 г. / ФГБОУ ВО ИГУ; под общ. ред. О. А. Полюшкевич. – Иркутск: Издательство ИГУ, 2021. – С. 401-407.

3. Библия: каноническая, русский синодальный перевод. – Москва: Российское Библейское общество, 2007. – 1057 с.

4. Данакари Л. Р., Ермоченко К. П., Ивентьев С. И. Духовно-нравственный и правовой аспекты свободы личности в цифровую эпоху // Цифровые технологии и право: сборник научных трудов I Международной научно-практической конференции (г. Казань, 23.09.2022 г.) / под ред. И. Р. Бегишева, Е. А. Громовой, М. В. Залоило, И. А. Филиповой, А. А. Шутовой. В 6 т. Т. 4. – Казань: Изд-во «Познание» Казанского инновационного университета, 2022. – С. 191-198.

5. Ивентьев С. И. Божественные и духовно-нравственные права и свободы человека: монография. – Новосибирск: СИБПРИНТ, 2012. – 357 с.

6. Искандаров Ш. Ф., Ивентьев С. И. Духовно-нравственный смысл религии: гендерный аспект // Религия, религиозные организации, стратегии и практики дерадикализации: гендерный аспект: Материалы II Международной научно-практической конференции, Махачкала, 17-18.06.2023 г. / Под редакцией О. С. Мутиевой, С. В. Сиражудиновой. – Махачкала: Издательство АЛЕФ, 2023. – С. 163-172.

7. Ларин А. И. Понятие «святости» по Пятикнижию // Ипатьевский вестник. – 2020. – № 4. – С. 11-18.

8. Православная энциклопедия «Азбука веры» [Электронный ресурс]. URL: <https://azbyka.ru/bogoizbrannyj-narod> (дата обращения: 25.04.2026)

9. Словарь античности: Пер. с нем. / Сост. Й. Ирмшер в сопр. с Ренате Йоне; Редкол.: В. И. Кузищин (отв. ред.) и др. – Москва: «Прогресс», 1989. – 704 с.

УДК 101.1

ПРЕОДОЛЕНИЕ СУЩНОСТНОГО РАЗРЫВА ФИЛОСОФИИ И ИНТЕЛЛЕКТА (ИЗ ОПЫТА ПРЕПОДАВАНИЯ) BRIDGING THE ESSENTIAL GAP BETWEEN PHILOSOPHY AND INTELLECT (FROM TEACHING EXPERIENCE)

Дедова Ирина А.

к.филос.н., Поволжский гос. технологический университет, г. Йошкар-Ола

Dedova Irina A.

PhD in Philosophical Sciences, Volga State Technological University, Yoshkar-Ola

Аннотация. В статье описана методика интерактивного поэтапного погружения в философское познание. Данная методика учитывает особенности мышления современного поколения обучающихся и сложности усвоения дисциплины. Теоретической базой методики являются философские категории «сущность» и «явление», усвоение которых позволяет не только осмыслить основные понятия, проблематику и аргументацию философов, но и осуществить самостоятельный акт познания, преодолевая тем самым разрыв между личным интеллектом обучающегося и философией.

Abstract. This article describes a method for interactive, step-by-step immersion in philosophical knowledge. This method takes into account the unique thinking of today's students and the complexities of mastering the discipline. The theoretical basis of this method is the philosophical categories of "essence" and "phenomenon." Mastering these categories not only allows students to understand the fundamental concepts, problems, and arguments of philosophers, but also to engage in independent cognitive exploration, thereby bridging the gap between the student's personal intellect and philosophy.

Ключевые слова: мышление, познание, сущность, философия, явление.

Key words: thinking, cognition, essence, philosophy, phenomenon.

Дискуссии о том, нужен ли предмет философии в системе высшего образования, ведутся непрерывно с начала эпохи реформ и усиливаются в наши дни в связи с переосмыслением социально-экономической и идеолого-политической роли как данного предмета, так и всего образования в целом [5]. Цель данной статьи – показать необходимость философского знания как *методологии*, позволяющей сформировать общекультурные компетенции. Причиной нашего исследования стало противоречие между абстрактными категориями, предлагаемыми к усвоению в курсе изучения философии и неприменимостью этих категорий на практике. Под практикой в данном случае понимается непосредственное взаимодействие человека с предметной и духовной реальностью, а также коммуникация с людьми. Все виды практики, особенно в сфере управления (в которую, собственно, и идут люди с высшим образованием), могут быть успешны только в том случае, если человек владеет *интеллектуальной* способностью обнаруживать проблемы (противоречия), анализировать поведение объекта, выявлять его многофакторные связи с внешним миром и предлагать варианты решения задачи. Однако эта способность не появляется сама собой, её необходимо целенаправленно формировать. Проблема гуманитарного знания, особенно в технических вузах, состоит в том, что оно во многом превратилось в набор несистематизированных высказываний,

требующих формального заучивания и неспособных объяснить реальные процессы.

Мы предлагаем методику *интерактивного поэтапного погружения* в философское познание, который может применяться в курсе преподавания философии. Данный метод опирается на принципы: а) диалектического единства субъекта и объекта познания; б) мышления от конкретного к абстрактному; в) диалоговой формы обучения, стимулирующей мыслительную активность. Данная методика отвечает запросам современного образования, смещающего фокус внимания от передачи готового знания к его совместному поиску через активные формы взаимодействия педагогов с обучающимися, «вертикальный» и «горизонтальный» диалоги, интеллектуальные эвристические практики [1-4, 6].

Анализ учебных пособий и лекций различных преподавателей показал, что изучение предмета философии начинается с дефиниций самого термина «философия» (и сопутствующих ему исторических и функционально-ролевых признаков) и основных философских категорий: «бытие», «материя», «сознание», «познание», «субъект», «объект» и др. Это является, безусловно, базисной программой и должно способствовать усвоению многообразия вопросов, учений и направлений философии. Однако специфика философских терминов заключается в их предельной абстракции и сложностью передачи в форме образов, тогда как особенностями мышления современного поколения обучающихся является ориентация на визуальный контент. Образное восприятие реальности есть показатель недостаточной развитости интеллекта, оно не позволяет самостоятельно выявлять внутренние *связи* между различными объектами. С целью преодоления данного противоречия мы предлагаем начинать изучение основных философских понятий с категорий «*сущность*» и «*явление*», значение которых заключается в том, что они а) содержатся так или иначе во всех крупных философских учениях и б) порождают основные вопросы философии, организуя поле исследования через диалектическое единство. Несмотря на важность данных категорий, они практически полностью вытесняются из поля обсуждения в процессе преподавания философии, а затем и в ходе изучения всех наук, что лишает эти науки методологической основы и реализации творчески-поисковой функции. В результате научное познание предстает в выхолощенном, оторванном от реального многообразия явлений, виде, превращаясь в свод квазирелигиозных догматов. Нам необходимо вернуть науку в сферу живого, заинтересованного познания, а для этого необходимо сделать научные категории понятными и объяснимыми, в том числе и с позиции «детского» мышления. С точки зрения философской методологии это означает «присвоение» объектов,

становление их частью внутренней, духовной реальности субъекта, без чего невозможно преодоление отчуждения между «Я» и «миром».

Рассмотрим этапы освоения курса философии через постижение категорий «сущность» и «явление».

1. *Объяснение дефиниций.* Даем определение: «Сущность – основной, главный признак вещи (предмета, явления, процесса), отличающий эту вещь от других и делающий эту вещь именно этой. Сущность определяет причину, цель и смысл существования вещи. Явление – это совокупность чувственно воспринимаемых свойств вещи (цвет, запах, вкус, масса, температура и т.п.)». В качестве примера приводим любую, самую простую и знакомую всем вещь и задаем вопрос: «Если мы в качестве существенного признака, например, этого стола, назовем его цвет (зелёный), будет ли это определять его сущность? Нет. Если мы назовем материал, из которого сделан этот стол, будет ли это определять его сущность? Тоже нет. Перечисление всех остальных чувственно воспринимаемых свойств этого стола никак не определяет его сущность. Ведь стол не обязательно зеленый, он может быть и белым. Стол не обязательно деревянный, он может быть и пластиковым, стеклянным и т.п. Кроме того, такие свойства как зеленый или деревянный, принадлежат не только столу, но и другим предметам». Необходимо, чтобы на все вопросы отвечали студенты. После того, как все попытки соотнести сущность с конкретными свойствами предмета будут исчерпаны, уточняем, что нужно назвать такое качество вещи, которое даст другому человеку понять, что речь идет именно об этой вещи и ни о какой другой, то есть дать ее *определение*. Обнаруживаем, что обычно из группы примерно в 20 человек только два-три студента оказываются способны более-менее самостоятельно формулировать определения. Как правило, можно услышать такие попытки ответов на вопрос «Что такое стол?»: «- Это то, что находится в комнате»; «- Это то, на чем мы работаем или пишем»; «- Это предмет, сделанный человеком». О чем говорят подобные ответы? Большинство студентов не может проделать логические операции анализа, синтеза, сравнения, обобщения и идеализации, чтобы понять, какой признак является а) общим для всех столов (а не только для этого или только письменного) и б) отличает стол от других вещей, поэтому начало определения «это то, что...» или «это предмет...» не способно выделить стол из всего окружающего мира. В связи с этим необходимо представить студентам схему определения: а) вначале нужно отнести данный вид к родовому понятию (ближайшему классу предметов): «Стол – это мебель ... », то есть наша мысль движется от конкретного к абстрактному; б) затем нужно назвать видовой признак, отличающий эту группу предметов от других внутри данного класса, например, отличающий стол от диванов и шкафов: « ... за

которой мы сидим, с плоской поверхностью». После этого предлагаем студентам привести примеры любых знакомых им вещей и самостоятельно дать им определения. Большинство студентов не сразу, но успешно справляются с этой задачей. Этот шаг необходимо сделать для того, чтобы продемонстрировать специфику философии и познания как такового: человек начинает познавать мир с наблюдения за окружающими его вещами, постепенно переходя ко все более общим и абстрактным понятиям.

2. *Разъяснение иерархии понятий.* Предлагаем студентам выстроить своеобразную «лестницу», на которой располагаются понятия от конкретного к абстрактному, например: «береза – дерево – растение – живая природа – материальный мир – бытие». На предыдущем этапе мы убедились в том, что сущности вещей есть не что иное как *понятия* этих вещей. Здесь важно пояснить, что сущность превращается в понятие лишь тогда, когда мы ее познали, и в качестве подтверждения привести высказывания студентов о вещах, которым они дали определения, как *знакомых*. При этом понятие в «свернутом» виде содержат дефиницию данного предмета, которую человек формулирует благодаря мышлению (логическим операциям). Студенты понимают, что именно мышление позволяет нам проделывать *обобщения*, объединять бесконечное множество вещей в группы на основании общих для них существенных признаков, устанавливать связи между различными предметами и фактами действительности. Кроме того, разум как высшая мыслительная способность способствует установлению *всеобщих* связей: «понятийная лестница» приводит нас к наиболее абстрактному понятию, шире которого мы уже не придумаем, так как все существующее как в материальном, так и в духовном мире, есть «бытие». Единственным признаком «бытия» является его отличие от «небытия». Задаем вопрос; «Можно ли сравнить иерархию понятий с матрешкой?» Утвердительный ответ подводит нас к мысли о том, что уже в древности народная и философская мудрость сошлись в осмыслении реальности как сходящейся в некоей общей точке духовного смысла. Не случайно Парменид отождествил понятия «бытие» и «мысль».

3. *Проблематизация сущности.* Задаем вопрос: «Существует ли сущность в самой вещи?» Выясняется, что ни в каком виде в материальном мире сущностей не существует: так, если мы разберем стол, мы не обнаружим сущность внутри него или в какой-либо его части; и даже если мы разложим вещь на атомы, то ни в одном из них не будет содержаться сущности. Сущность возникает в нашем сознании как *целостность* вещи. Но ведь любая вещь это и есть не простая совокупность частей или атомов, а целостность, упорядоченная системность. Получается, сущность, с одной стороны, существует в нашем разуме как мысль

и, с другой, – в самой вещи как некая объективная реальность. Теперь становится понятным условное разделение философов на два лагеря – идеалистов и материалистов. Важно объяснить студентам суть *основного вопроса* философии, а также позиции идеализма и материализма. Именно понимание того, что такое сущность, даёт возможность студентам не просто дать определения этих философских учений, но глубже осмыслить их содержание и увидеть их актуальность. Оказывается, философы в своем стремлении познать мир рассуждали примерно так же, как мы, а значит, мы тоже можем быть своего рода философами, развивая свою мыслительную способность. Важно напомнить при этом, что, давая определения вещам, студенты, сами того не подозревая, проделали сложную умственную работу, применяя логические операции анализа и синтеза, сравнения и обобщения, индукции и дедукции. Следующим этапом после познания сущности вещей является размышление о том, может ли сущность (*essentia*) *существовать* (*exisnentia*) объективно, независимо от нашего разума. На данном этапе мы видим, что понятия «сущность» и «существование» не совпадают. Так, Платон доказывал объективное существование сущности исходя из того, что должна существовать некая информационно-энергетическая субстанция, образующая вещь как упорядоченную целостность. Сущности вещей Платон назвал *эйдосами* как реальными прообразами вещей, оформляющими материальную субстанцию. Таким образом, сущность есть не что иное как *идея* вещи, существующая до и независимо от вещи. Аристотель назвал сущности *формами*; Лейбниц – *монадами*, Кант – *ноуменами*, Гегель – *идеями*; Шопенгауэр – *волей*. Предлагаем студентам подумать об аргументации философов с позиции современной квантовой физики, также усматривающей за миром видимых вещей бесконечное поле энергии.

4. *Проблематизация явления.* Мы уже выяснили, перечисляя признаки стола, находящегося перед нами, что любая чувственно воспринимаемая вещь есть явление. На вопрос: «Реально ли явление?» студенты без раздумий отвечают «Конечно, явление существует реально». Поясняем, что спецификой философского мышления является *скептицизм*, заставляющий сомневаться во всяком суждении и в любой реальности, в том числе той, которая воспринимается нами как нечто само собой разумеющееся. Уточняем: «Что мы в действительности называли, перечисляя такие признаки вещи как цвет, вкус, размер и др. – саму вещь или то, как *мы воспринимаем* эту вещь?». Оказывается, все перечисленные свойства существуют лишь в нашем восприятии (*Esse est percipi*) и возникают только в момент взаимодействия нашего сознания с вещью. Насколько реален тот мир, который мы воспринимаем? Древневосточная философия открыла истину о *майе*, иллюзорности материального бытия; Платон

назвал вещи *тенями* идей; Кант писал о *феноменах*, данных нашему сознанию исключительно в опыте. Студенты на этом этапе понимают, что «мир вещей» представляет одну из важнейших проблем философии, раскрываемой в анализе понятий «субъект» и «объект», «априори» и «апостериори», «реальность» и «иллюзия». Эта проблема показывает многогранность бытия в его взаимодействии (или отождествлении) с сознанием.

5. *Различение сущностей.* Предлагаем небольшой эксперимент. Схематично изображаем на доске дом, дерево и человека. Вопрос: «В чём отличие сущностей этих вещей?» Поясняем, что сейчас не нужно давать определения этим вещам (мы их уже дали на первом этапе); наша задача – выяснить *качественные* различия форм бытия, так как дом символизирует культурное, дерево – природное, а человек – разумное бытие. Каждый раз при проведении этого эксперимента мы убеждались, что вначале практически никто из студентов не может установить качественные различия этих сущностей. В лучшем случае можно было услышать такие ответы: «Человек из дерева сделал дом»; «Дом сделан человеком, а дерево само растет»; «Формы этих вещей отличаются друг от друга». Эти ответы свидетельствуют о неспособности мышления выйти за рамки чувственно-образного и инструментально-деятельного. Наша задача – научить студентов не только мыслить широкими абстракциями, но и постигать специфические свойства различных уровней реальности. В результате обсуждения студенты все-таки приходят к верному выводу: «У дома вообще нет собственной сущности, ведь он не способен самостоятельно существовать, то есть вся культура – это объективация тех сущностей, которые создал человек. Дерево обладает собственной сущностью, так как оно, как и вся живая природа, самостоятельно растет, питается и размножается. Сущность живого существа есть его душа (поэтому древние философы полагали одушевленным весь космос). Человек так же обладает собственной сущностью, но, в отличие от дерева, он способен ее познавать». Мы приходим к выводу, что качественным отличием человека от природы является осознание самого себя как самостоятельного «Я», постижение сущности мира и создание *новых* сущностей. На данном этапе студенты открывают для себя еще один важный пласт философских вопросов, связанных с осмыслением сущности человека. Мы убеждаемся в том, что сущность человека *духовна*. Здесь становится понятным, почему многие мыслители отождествляли сущность человека с *божественным* бытием: человек обладает существенными качествами – разумом (способностью познавать мир и самого себя), свободой воли (возможностью достигать собственных целей и выбирать средства) и творческой способностью (преобразовательной активностью). В человеке

заложен огромный энергетический потенциал, позволяющий ему не только выживать и продолжать род, но и выполнять поистине божественную задачу сотворения нового мира. Понимание сущности человека позволяет студентам увидеть бесконечную глубину философской мысли, решающей вопросы о смысле жизни, направлении истории, смерти и бессмертии.

Наша методика позволяет в интерактивной форме осваивать основные философские категории и проблемы через понятные для студентов образы, направляя движение мысли от наглядных единичных предметов к абстрактным идеям, от простого к сложному. Мы показываем философию как живой процесс познания мира, доступный для *каждого* мыслящего человека. Поэтапный метод включает в себя и теоретическое знание предмета, и мыслительную активность, тем самым преодолевая разрыв между философией и интеллектом. Философия обнаруживается как результат интеллектуальной интенции, а интеллект предстает как объект философского осмысления. Преимуществом нашей методики является то, что она не предлагает философские теории в готовом виде, а раскрывает их в самостоятельном поиске обучающихся. Студент таким образом становится активным творческим субъектом, не только усваивающим философию, но и создающим её.

Литература

1. Баева Л. В. Классические и инновационные методы преподавания философии // Вестник российского университета дружбы народов. Серия: философия. Т. 29, № 4. – Российский ун-т дружбы народов им. П. Лумумбы, 2025. – С. 978-993.

2. Ворохобов А. В. Философские основания преподавания философии в современном образовательном пространстве // Философия образования. Т.25. № 4. – Нижний Новгород: Новосибирский гос. пед. ун-т, 2025. – С. 108-123.

3. Ермаков С. А., Ермакова Е. В. Интерактивные методы обучения в преподавании философии // Инновационные методы обучения в высшей школе. Сб. ст. по итогам методической конференции ННГУ. – Нижний Новгород: Национальный гос. ун-т им. Н. И. Лобачевского, 2016. – С. 97 – 99.

4. Лысенко В. В., Грязных Д. В., Корнильцева Е. Г. Принцип диалогичности в преподавании философии // Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. Серия: гуманитарные науки. № 10-2. – ООО Научные технологии, 2025. – 113-117.

5. Мальцева С. М. К вопросу о роли преподавания дисциплины «Философия» в современном вузе // Инновации в образовании. № 5. – Рос.

ассоциация негос. образоват. учреждений, Ин-т цифрового образования, 2020. – 79-85.

6. Черняков А. А. Целесообразность изменения концепции преподавания философии в техническом вузе // Актуальные проблемы модернизации высшей школы: резервы отечественной высшей школы в совершенствовании профессиональной подготовки специалистов. Мат-лы XXXI Всероссийской научно-методической конференции с международным участием. – Новосибирск: Сибирский гос. ун-т путей сообщения, 2020. – С. 324-327.

УДК 316.75:316.485.6

**СОХРАНЕНИЕ КУЛЬТУРНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ КАК ФАКТОР
НЕДОПУЩЕНИЯ ПЕРЕХОДА НА ЭКСТРЕМИСТСКИЕ ВЗГЛЯДЫ
PRESERVATION OF CULTURAL IDENTITY AS A FACTOR IN
PREVENTING THE TRANSITION TO EXTREMIST VIEWS**

Демура Альбина Владимировна

*Рядовой полиции, курсант, Крымский филиал Краснодарского
университета МВД России*

Demura Albina Vladimirovna

*Private police officer, cadet, Crimean branch of Krasnodar University of the
Ministry of Internal Affairs of Russia*

Научный руководитель: Чудина-Шмидт Наталья Витальевна

*к.филос.н. доцент кафедры гуманитарных и социально-экономических
дисциплин Крымского филиала Краснодарского университета МВД России,
г. Симферополь, Крымский филиал Краснодарского университета МВД России*

Supervisor: Natalia Vitalievna Chudina-Schmidt

*PhD in Philosophical Sciences, Associate Professor, Department of Humanities
and Socioeconomic Disciplines, Crimean Branch of the Krasnodar University of the
Ministry of Internal Affairs of Russia, Simferopol, Crimean Branch of the Krasnodar*

Аннотация. В работе рассматривается понятие культурной идентичности как важного фактора формирования личности и устойчивости общества. Осознание принадлежности к своей культуре, истории и традициям способствует укреплению гражданской идентичности и патриотизма, а также снижает риск распространения экстремистских взглядов. Анализ причин, по которым утрата связи с родной культурой может привести к отчуждению и уязвимости перед

радикальными идеологиями. Особое внимание уделяется роли культурной идентичности в профилактике экстремизма, в том числе среди молодёжи. Рассматриваются мнения исследователей о значимости этнической и гражданской идентичности, а также меры по сохранению и развитию культурной идентичности в многонациональной России. Среди них — формирование толерантности, патриотическое воспитание, поддержка национальных культур и законодательные и информационные меры противодействия экстремизму.

Abstract. The paper examines the concept of cultural identity as an important factor in the formation of personality and the sustainability of society. Awareness of belonging to one's culture, history, and traditions helps strengthen civic identity and patriotism, as well as reduces the risk of spreading extremist views. An analysis of the reasons why loss of connection with one's native culture can lead to alienation and vulnerability to radical ideologies. Special attention is paid to the role of cultural identity in the prevention of extremism, including among young people. The article examines the opinions of researchers on the importance of ethnic and civic identity, as well as measures to preserve and develop cultural identity in multinational Russia. Among them are the formation of tolerance, patriotic education, support for national cultures, and legislative and informational measures to counter extremism.

Ключевые слова: культурная идентичность, этническая идентичность, гражданская идентичность, экстремизм, терроризм, патриотизм, толерантность.

Keywords: cultural identity, ethnic identity, civic identity, extremism, terrorism, patriotism, tolerance.

Понятие культурной идентичности не так часто встречается, однако значимо для каждого народа, так как включает в себя культурные нормы и образцы поведения, которые осознанно принимает человек. Понимание своего «Я» с позиций тех характеристик, которые приняты в данном обществе, создают личность с закрепленными ценностями, не позволяющими совершать аморальные поступки. Е. Е. Бочарова следующим образом очерчивает границы этнической идентичности: «Особенности формирования этнической идентичности детерминированы не только индивидуальными условиями этнизации, включающими совокупность традиционных этнообразующих факторов («кровное» родство, конфессиональная принадлежность, территориальное единство, общность исторической судьбы, языка, культуры и традиций, межпоколенческая трансмиссия, общее самосознание), но и зависят от региональной специфики, обусловленной своеобразием полиэтнической ситуации, интернационализации жизни личности» [1, с. 278].

Сохранение культурной идентичности является важным фактором в недопущении перехода на экстремистские взгляды. Это связано с тем, что идентичность формирует устойчивую связь с культурными, этническими и религиозными корнями определенного этноса, а также способствует формированию у человека чувства принадлежности к собственному этносу. К стабильности и легитимности собственного поведения, снижая тем самым риск радикализации сознания индивида [3, 8, 12]. Так Е. Г. Сулименко утверждает, что экстремизм формирует концепт «антикультура», который характеризуется нетерпимостью и страхом, нейтрализовать которые можно только с помощью комплекса воспитательных мер [9]. Обозначенное выше подтверждает необходимость изучения и сохранения культуры, для формирования сознательного и стабильного общества, способного противостоять экстремизму.

Осознание принадлежности к своей культуре, истории и традициям укрепляет гражданскую идентичность и патриотизм. Это снижает склонность к экстремистским взглядам, так в «Стратегии противодействия экстремизму в Российской Федерации» подчёркивается важность формирования общероссийской гражданской идентичности на всех этапах образовательного процесса. Основы культурной идентичности подрастающему поколению особенно важно заложить на ранних этапах их становления, чтобы в будущем каждый мог осознавать собственную идентичность, поддерживать политический курс своего государства и формировать в создании образ безопасного общества [4, 5, 10].

Люди, утратившие связь с родной культурой, часто испытывают отчуждение и внутренний кризис. Это состояние делает их уязвимыми для вербовщиков, которые работают на экстремистские сообщества и создают иллюзию общности [2, 7]. Сохранение и развитие культурной идентичности помогает избежать экзистенциального вакуума, который, может быть, в последующем заполнен экстремистской идеологией. Ведь человек, осознающий ценность своего наследия более открыт к диалогу и сотрудничеству с представителями иных этнических и религиозных групп, поэтому у него снижается риск ксенофобии и экстремизма [11]. Единение вокруг национальной общности представляет собой аспект, необходимый для определения структуры идентичности России, которая базируется на целостности нашего многонационального народа. Профессор В. М. Межуев подчеркивает, что конструирование новой культурной идентичности россиян должно строиться вокруг сильной национальной идеи и в русле традиций, основанных на определении значимости России в мире, самобытности и особенности

российской цивилизации, а также значимости российской культуры для всего мирового сообщества [6, с. 587].

Рассмотрим меры, которые будут способствовать сохранению российской идентичности и позволят не допустить проявлений экстремизма и терроризма в нашем обществе.

Первым по значимости и важности пунктом будет выступать *формирование толерантности*. Уважение к многообразию народов и религий позволят создать акцент на ценности каждого человека. Сюда же можно отнести патриотическое воспитание. Чувство гордости за нашу великую страну и историю, которую русский народ никогда не позволит забыть, будет являться непоколебимым и прочным аспектом в сознании каждого гражданина. Второе место занимает проведение мероприятий, направленных на поддержку и развитие национальных культур. Укрепление единства и взаимопонимания среди этнических групп особенно важно в многонациональных регионах. Формируется сплоченность и братство, что так редко в современных реалиях. Третьим по значимости является профилактика экстремизма. Необходимо выявлять и устранять причины, которые способствуют экстремистским настроениям. Это включает в себя работу с неформальными молодёжными объединениями, создание альтернативных форм досуга и вовлечение молодёжи в общественно полезные дела.

Подводя итог, можно сказать, что культурная идентичность играет основную роль в формировании личности и обеспечении стабильности общества. Она не только определяет ценности и нормы поведения, но и служит защитой от экстремистских идей, способствуя укреплению гражданской идентичности и патриотизма. Сохранение и развитие культурной идентичности, особенно в многонациональном контексте, является именно тем условием, которое предотвращает радикализацию и формирование толерантного общества.

Подход, в котором рассматривается патриотическое воспитание, поддержка национальных культур и активное противодействие экстремизму, позволяет создать безопасную и гармоничную среду для всех граждан. Однако важно, чтобы молодое поколение полностью осознавало значимость своей культурной принадлежности и активно участвовало в жизни общества, что в свою очередь будет способствовать укреплению единства и взаимопонимания среди различных этнических групп.

Литература

1. Бочарова Е. Е. Этническая и гражданская идентичность личности представителей разных этногрупп // Известия Саратовского университета. Новая

серия. Сер. Акмеология образования. Психология развития. 2014. Т. 3, № 3. С. 277–281.

2. Буткевич С. А. Формирование социальной базы экстремизма и терроризма: проблемы купирования и противодействия// Учёные записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского. Юридические науки. 2024. Т. 10. № 3. С. 597-607.

3. Коноплева А. А. Кризис религии как основа формирования девиантного поведения личности // В сборнике: Феноменология и профилактика девиантного поведения. Материалы X Международной научно-практической конференции. Электронное издание. 2017. С. 144-145.

4. Коноплева А. А. Нравственное воспитание как механизм трансляции культуры в условиях аксиологического кризиса современного общества (на примере деятельности органов внутренних дел Российской Федерации) // Таврические студии. 2016. № 9 (23). С. 28-34.

5. Литвинова О. С. Формирование четких смыложизненных ориентиров как условие предотвращения экстремистского поведения//в сборнике: Молодая наука. сборник трудов научно-практической конференции для студентов и молодых ученых. Научн. ред. Н. Г. Гончарова; редкол.: Г. А. Штофер, О. В. Красникова, Д. В. Шадуро. 2019. С. 310-312.

6. Межуев В. М. Российская цивилизация: утопия или реальность? // Постиндустриальный мир в России. М., 2001. С. 587–588. 3

7. Миронова О. А. Религиозный фактор неправомерного поведения человека // Евразийский юридический журнал. 2017. № 10 (113). С. 381-384.

8. Никитина Л. Н., Медведев П. А., Панькова В. А. Исследование пропаганды экстремистских идей в компьютерном игровом пространстве // Евразийский юридический журнал. 2021. № 2 (153). С. 356-358.

9. Сулименко, Е. Г. Культурная политика как фактор национальной безопасности в условиях глобализации: автореф. дис. канд. культ. наук / Е. Г. Сулименко. – М., 2008. – 27 с. 2

10. Чудина-Шмидт Н. В. Влияние ценностей на снижение уровня экстремального поведения // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2015. № 9-2 (59). С. 197-200.

11. Чудина-Шмидт Н. В. Роль социального диалога в формировании просоциальной экстремальности // В сборнике: Актуальные проблемы права и правоприменительной деятельности на современном этапе. Новороссийск, 2015. С. 638-642.

12. Чудина-Шмидт Н. В. Социальные условия перехода личности в состояние экстремала-дестроера// В сборнике: Обеспечение общественной безопасности и противодействие преступности: задачи, проблемы и перспективы. Материалы Всероссийской научно-практической конференции. 2020. С. 508-511.

УДК 372.8

**РАЗВИТИЕ ХУДОЖЕСТВЕННОГО ОБРАЗОВАНИЯ В РАМКАХ
ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ РАЗЛИЧНЫХ НАРОДОВ КРЫМА
DEVELOPMENT OF ART EDUCATION WITHIN THE FRAMEWORK OF
INTERACTION BETWEEN THE VARIOUS PEOPLES OF CRIMEA**

Диденко А. Д.

ФГАОУ ВО «КФУ имени В.И. Вернадского»

Гуманитарно-педагогическая академия (филиал), Экономика-гуманитарный колледж в г. Ялте, преподаватель высшей квалификационной категории

Didenko A. D.

Vernadsky Kazan Federal University

Humanities and Pedagogical Academy (branch), Economics and Humanities College in Yalta, instructor of the highest qualification category

Аннотация. Статья посвящена комплексному анализу процесса формирования и эволюции художественного образования в Крыму сквозь призму межэтнического взаимодействия. На основе широкого круга источников и историографических материалов выявляется, как полиэтнический состав населения полуострова – крымские татары, греки, армяне, караимы, русские, украинцы и другие народы – обусловил уникальную модель передачи художественного опыта. В работе рассматриваются ключевые институциональные формы (частные студии, художественно-промышленные школы, общества любителей искусств), анализируются механизмы культурного синтеза и взаимовлияния в педагогических практиках, а также определяется роль этнокультурного фактора в формировании региональной художественной традиции.

Abstract. This article provides a comprehensive analysis of the formation and evolution of art education in Crimea through the lens of interethnic interaction. Drawing on a wide range of sources and historiographic materials, it reveals how the peninsula's multiethnic population – Crimean Tatars, Greeks, Armenians, Karaites, Russians, Ukrainians, and other peoples – shaped a unique model for the transmission

of artistic experience. The paper examines key institutional forms (private studios, art schools, and art societies), analyzes the mechanisms of cultural synthesis and mutual influence in pedagogical practices, and identifies the role of ethnocultural factors in the formation of regional artistic traditions.

Ключевые слова: Художественное образование, Крым, межэтническое взаимодействие, полиэтническая среда, крымскотатарское искусство, Бахчисарайская художественно-промышленная школа, культурный синтез, региональная художественная школа.

Keywords: Art education, Crimea, interethnic interaction, multiethnic environment, Crimean Tatar art, Bakhchisaray Art and Industrial School, cultural synthesis, regional art school.

Крым на протяжении столетий выступал уникальным перекрестком цивилизаций, где переплетались культурные традиции множества народов. Эта полиэтничность, сформированная еще в античную эпоху и усиленная в средневековый период, стала определяющим фактором развития всех сфер культурной жизни полуострова, включая художественное образование. Взаимодействие греческого, армянского, крымскотатарского, караимского, русского и других этнокультурных компонентов создало особую образовательную среду, в которой передача художественного опыта выходила за рамки простого копирования столичных академических образцов.

Как отмечается в исследованиях, культура Крымской АССР 1920–1930-х годов была многонациональной – художественная литература, крымскотатарский и еврейский театры, национальные музыкальные коллективы и другие формы культурного самовыражения сосуществовали и взаимодействовали в едином пространстве. Однако процесс становления художественного образования в Крыму именно в аспекте межэтнических взаимодействий до сих пор не получил системного освещения в научной литературе.

Цель исследования – выявить и проанализировать особенности развития художественного образования в Крыму в указанный период, обусловленные межэтническим взаимодействием народов полуострова [1, с. 15].

Методологическую основу исследования составил комплексный подход, сочетающий историко-генетический, сравнительно-сопоставительный и культурно-типологический методы. Историко-генетический метод позволил проследить эволюцию форм художественного образования от средневековых медресе до профессиональных учебных заведений начала XX века.

Сравнительно-сопоставительный метод использовался для выявления общего и особенного в образовательных практиках различных этнических групп. Культурно-типологический метод дал возможность классифицировать формы этнокультурного взаимодействия в образовательной сфере.

Источниковую базу исследования составили: опубликованные и неопубликованные архивные материалы (в том числе фонды Государственного архива Республики Крым и Российского государственного архива литературы и искусства); дореволюционная и советская периодическая печать; мемуарная литература; материалы научных конференций по истории искусства Крыма; а также современные диссертационные исследования, в первую очередь работы Е. Н. Алексеевой, посвященные формированию художественной школы Крыма [1, с. 18].

Формирование полиэтничной образовательной среды в Крыму имеет глубокие исторические корни. Взаимопроникновение этноконфессиональных культур и искусства татарского, сельджукского, армянского, иудейского, греко-православного происхождения наблюдалось на полуострове на протяжении столетий. Эта традиция культурного синтеза создала благоприятную почву для развития художественного образования, основанного на взаимном обмене опытом. Важным элементом этой традиции стали средневековые медресе – высшие духовные училища, где наряду с богословскими дисциплинами преподавались философия, астрономия, логика и законоведение. Эти учреждения, хотя и не были художественными школами в современном понимании, формировали интеллектуальную элиту, в среде которой зарождались и сохранялись художественные традиции. Показательно, что в старокрымском медресе XIV века преподавал Урус Ходжа («русский учитель»), что свидетельствует о межэтническом характере образовательного процесса уже в средневековый период [10].

Наиболее ярким примером межэтнического взаимодействия в сфере художественного образования стало формирование крымскотатарской национальной художественной школы. Ключевые этапы этого процесса пришлись на период 1910–1930 годов, когда произошел подъем крымскотатарского искусства, вошедший в историю как «крымскотатарский ренессанс». Центральным событием стало открытие Бахчисарайской художественно-промышленной школы (Унер санаи) 3 ноября 1917 года – в день, совпавший с открытием первого национального музея в Ханском дворце. Идея создания этого учебного заведения была предложена Сулейман-мурзой Крымтаевым, представителем Бахчисарайского мусульманского благотворительного общества. Директором школы был назначен художник

Абдурефи Абиев (1879–1938), выпускник Московского училища живописи, ваяния и зодчества [2, с. 40].

Первоначально школа имела один класс с 25 учениками и столярно-резчицкую мастерскую. Однако уже в первые годы существования программа расширилась: учащиеся осваивали выделку кож и сафьяна, гончарное производство, ковроткачество, вышивку, ювелирное дело. Обучение велось на крымскотатарском языке. Впоследствии школа была преобразована в Бахчисарайский художественно-промышленный техникум, который просуществовал до 1929 года [2, с. 75].

Значение Бахчисарайской школы выходило далеко за рамки профессиональной подготовки. Как подчеркивается в исследованиях, факторами, способствовавшими формированию крымскотатарской художественной школы как отдельного культурного явления, стали не только само учебное заведение, но и созданный при нем исследовательский центр по изучению истории и культуры крымских татар, деятельность отдельных представителей культуры и искусства, а также активизация выставочной деятельности в Крыму и за его пределами [6].

Греческое культурное влияние на художественное образование в Крыму имеет наиболее древнюю историю. Античный паттерн в крымском культурном ландшафте уникален тем, что в нем воплотился культурный синтез греческой классики и местных автохтонных культур. Этот синтез, хотя и не был напрямую связан с институционализированным художественным образованием, создал культурный фон, на котором формировались эстетические предпочтения и тематика художественных произведений.

В более поздний период греческое влияние проявлялось через деятельность художников греческого происхождения, которые вносили вклад в развитие художественного образования на полуострове. Примером может служить творчество И. К. Айвазовского (армянское происхождение, но культурно связанного с греческой традицией), чья феодосийская мастерская стала прообразом профессиональной художественной школы. Армянская община Крыма внесла значительный вклад в развитие художественного образования, что проявилось в нескольких аспектах. Во-первых, в средневековый период в Крыму существовала самобытная школа армянской миниатюры. Как отмечается в исследованиях, многие художники творили в Крыму, образовав отдельную самобытную школу живописи. Эта традиция, хотя и прерванная в определенные исторические периоды, создала базу для последующего развития [2].

Во-вторых, в XIX–XX веках армянские художники-педагоги активно участвовали в образовательном процессе. Ярким примером является Вардгес Суренянц (1860–1921), чье творчество представляет удивительный синтез культур Востока и Запада, а Крым стал перекрестком всех его творческих исканий. Суренянц получил образование в Московском училище живописи, ваяния и зодчества, затем окончил Мюнхенскую академию художеств, а завершив образование в Европе, отправился в научную экспедицию в Персию. Его жизненный и творческий путь демонстрирует ту открытость к разным культурным влияниям, которая характеризовала крымскую художественную среду. В-третьих, важную роль играли связи между представителями разных этнических общин. Так, глава армянской епархии Габриэл Айвазовский (брат знаменитого художника) способствовал переводу в Крым семьи Суренянцев и познакомил их с Иваном Айвазовским. Это показывает, как межличностные и межобщинные связи способствовали распространению художественных знаний и формированию образовательной среды [1].

В современный период традиция армянского художественного образования в Крыму продолжается: с 2004 года действует Союз крымских армянских художников, объединяющий живописцев и графиков, мастеров декоративно-прикладного искусства из разных городов полуострова [6].

Караимская община Крыма, хотя и немногочисленная, также внесла свой вклад в развитие художественного просвещения. В конце XIX века в Евпатории было открыто Женское городское училище для бедных девиц им. Гелеловича – учебное заведение для караимских девушек. Хотя это училище не было специализированным художественным учебным заведением, оно включало в свою программу элементы художественного воспитания и способствовало распространению художественной грамотности среди караимского населения. Данная культура в целом внесла вклад в многонациональную художественную палитру Крыма. Как отмечается в энциклопедических изданиях, деятели искусства – музыканты, композиторы, художники, деятели театра и кино – караимского происхождения внесли свой вклад в культурную жизнь полуострова [9].

Русская и украинская культурные традиции, усилившиеся после присоединения Крыма к России, сыграли роль «интегратора» в развитии художественного образования. С одной стороны, они принесли на полуостров академические стандарты, сложившиеся в Императорской Академии художеств. С другой стороны, русские и украинские художники-педагоги часто выступали посредниками между разными этническими традициями. Так, в 1920–1930-е годы в Симферополе по инициативе Н. С. Самокиша было создано Крымское

художественное училище (ныне – имени Н. С. Самокиша). Это учебное заведение, основанное в 1937 году на базе художественной студии, стало центром подготовки художников разной этнической принадлежности. Важно, что в училище преподавали мастера, представлявшие разные художественные школы, а студентами были представители разных народов Крыма. Это создавало уникальную образовательную среду, в которой происходил естественный культурный обмен [7].

Показательна фигура В. К. Яновского, преподававшего в общеобразовательных школах Бахчисарая, изостудиях и других учебных заведениях. Одним из лучших его учеников стал крымскотатарский художник Амет Устаев. Этот пример иллюстрирует, как межэтническое взаимодействие на уровне «учитель – ученик» способствовало формированию новых поколений художников [1].

Анализ научных источников показывает, что межэтническое взаимодействие в сфере художественного образования Крыма реализовывалось через несколько институциональных форм: Частные студии и мастерские. В них обучение строилось по принципу «мастер – ученик», и этническая принадлежность мастера не была препятствием для приема учеников другой национальности. Мастерская И. К. Айвазовского в Феодосии стала первым таким центром, где обучались молодые художники разного происхождения; Художественно-промышленные школы. Бахчисарайская школа стала уникальным примером учебного заведения, ориентированного на сохранение и развитие национальных ремесленных традиций при одновременном освоении академических методов обучения; Художественные училища. Крымское художественное училище имени Н. С. Самокиша, созданное в советский период, продолжило традицию многонационального художественного образования, став кузницей кадров для всей республики; Музеи как образовательные центры. Важную роль играли музеи, которые не только сохраняли, но и транслировали художественные традиции разных народов. Крымскотатарский музей культурно-исторического наследия (основанный в 1992 году, но имеющий предшественников в виде национальной галереи, созданной еще в 1917 году) ставит своей миссией собирание, сохранение, изучение и презентацию произведений художественного значения, традиционных культурных ценностей, самобытности и духовного богатства крымских татар [4].

Результаты

Проведенное исследование позволяет утверждать, что развитие художественного образования в Крыму было неразрывно связано с межэтническим взаимодействием народов полуострова. Этот вывод согласуется

с положениями современной историографии, в частности с работами автора и исследователя Е. Н. Алексеевой, которая в своем диссертационном исследовании показала, что формирование художественной школы Крыма происходило как сложный синтез различных культурных влияний.

Вместе с тем, анализ выявляет ряд особенностей, требующих дополнительного осмысления: если крымскотатарская художественная школа переживает подъем в 1910–1930-е годы (так называемый «крымскотатарский ренессанс»), то институционализация русского и украинского художественного образования происходит несколько позже – в основном в 1930-е годы с созданием Крымского художественного училища. Греческое и армянское влияние более заметно на уровне индивидуальных творческих биографий, чем на уровне институциональных форм; Важным фактором развития художественного образования стало участие представителей разных этнических общин в благотворительной деятельности. Открытие Женского городского училища для бедных девиц им. Гелеловича в Евпатории на средства караимского мецената – лишь один из многих примеров; Революция 1917 года и установление советской власти в Крыму кардинально изменили контекст развития художественного образования. С одной стороны, были созданы условия для подъема национальных культур (политика коренизации 1920-х годов). С другой стороны, последующие репрессии 1930-х годов и депортация 1944 года нанесли непоправимый урон, в частности, крымскотатарской художественной школе; Историография межэтнического взаимодействия в художественном образовании Крыма характеризуется неравномерностью. Наиболее изученным является период 1910–1930-х годов и феномен «крымскотатарского ренессанса». Менее исследованы роль греческой и армянской общин, вклад караимов, а также механизмы повседневного межэтнического взаимодействия в учебных заведениях.

Выводы. Таким образом, из вышеизученного, следует, что развитие художественного образования в Крыму в середине XIX – начале XX века проходило в условиях уникальной полиэтнической среды, что обусловило формирование региональной модели, сочетавшей элементы разных культурных традиций. Ключевым институциональным воплощением межэтнического взаимодействия стала Бахчисарайская художественно-промышленная школа (1917), объединившая сохранение крымскотатарских ремесленных традиций с академическими методами обучения.

Межэтническое взаимодействие в сфере художественного образования реализовывалось на нескольких уровнях: институциональном (учебные заведения разного типа), педагогическом (передача опыта от мастера к ученику

независимо от этнической принадлежности) и культурном (синтез художественных традиций в творческой практике).

Греческое и армянское культурное наследие, имеющее глубокие исторические корни на полуострове, создало культурный фон для развития художественного образования, а в лице отдельных художников-педагогов (Вардгес Суренянц и др.) внесло непосредственный вклад в образовательный процесс. А русская и украинская культурные традиции сыграли роль «интегратора», способствуя распространению академических стандартов и созданию условий для диалога между разными национальными художественными школами.

Дальнейшее изучение проблемы требует введения в научный оборот новых архивных материалов, реконструкции педагогических практик в межэтническом контексте, а также сравнительного анализа развития художественного образования в Крыму и других полиэтничных регионах Российской империи.

Литература

1. Алексеева Е. Н. Формирование художественной школы Крыма. Региональные особенности, своеобразие и тенденции развития (конец XIX – первая половина XX века): автореферат дис. ... канд. искусствоведения. – М., 2019. – 26 с.

2. Алексеева Е. Н., Тесленко И. О. Становление национальной школы крымскотатарского искусства // Международный научно-исследовательский журнал. – 2016. – № 12 (54). – С. 112–117.

3. Гаврилюк М.Н. Национальный аспект государственной политики в области изобразительного искусства в Крымской АССР в межвоенный период (1920–1930-е гг.) // Актуальные проблемы исторических исследований: взгляд молодых ученых. – 2018. – С. 89–96.

4. Дмитриев В. В. Вклад градоначальств Крыма в развитие культурной сферы региона // Учёные записки Таврического национального университета им. В. И. Вернадского. Серия «История». – 2004. – Т. 17 (56), № 1. – С. 131–137.

5. Кугушев А. Ю. Античный паттерн в крымском культурном ландшафте // Культура народов Причерноморья. – 2017. – № 4. – С. 80–87.

6. «Бахчисарайский фонтан» и роспись армянской церкви в Ялте: жизнь и творчество Вардгеса Суренянца в Крыму // Газета Крым. – 2025. – 5 апреля.

7. Крымское художественное училище имени Н. С. Самокиша // Крымское художественное. – 2022. – 23 декабря.

8. Образование для добродетели: как в Крыму зарождалось искусство воспитания // Газета Крым. – 2025. – 12 июля.

9. Караимская народная энциклопедия. – Т. 5: Культура крымских караимов (караев). – М., 1997. – 320 с.

10. Этнокультурная основа процесса формирования крымскотатарского декоративно-прикладного искусства // Крымское историческое обозрение. – 2025. – № 2.

УДК 1: 930

**ИДЕЯ ПОЛЕТА В ИСТОРИИ ЧЕЛОВЕЧЕСКОЙ МЫСЛИ:
ОТ МЕЧТЫ К ВОПЛОЩЕНИЮ
THE IDEA OF FLIGHT IN THE HISTORY OF HUMAN THOUGHT:
FROM DREAM TO REALIZATION**

Загайнова Валентина Ильинична

кандидат философских наук, доцент, г. Йошкар-Ола, Поволжский государственный технологический университет, доцент кафедры философии

Zagainova Valentina Ilyinichna

PhD in Philosophical Sciences, Associate Professor, Yoshkar-Ola, Volga State Technological University, Associate Professor of the Philosophy Department

Егорова Ольга Георгиевна

кандидат философских наук, доцент, г. Йошкар-Ола, Поволжский государственный технологический университет, доцент кафедры философии

Egorova Olga Georgievna

PhD in Philosophical Sciences, Associate Professor, Yoshkar-Ola, Volga State Technological University, Associate Professor of the Philosophy Department

Аннотация. В статье рассматривается трансформация идеи полета в контексте развития творческой, научной и инженерной мысли. На основе философского анализа прослеживается путь от архаических образов через первые технические проекты к полету человека в космос. Особое внимание уделяется синтезу идей русского космизма и представленной в нем концепции полета с научной базой.

Abstract. The article examines the transformation of the idea of flight in the context of the development of creative, scientific, and engineering thought. Using philosophical analysis, the article traces the path from archaic images through the first technical projects to human spaceflight. Particular attention is paid to the synthesis of the ideas of Russian cosmism and the concept of flight with a scientific basis presented in it.

Ключевые слова: идея полета, натурфилософия, техническое творчество, инженерная деятельность, русский космизм, Н. Ф. Федоров, К. Э. Циолковский.

Keywords: idea of flight, natural philosophy, technical creativity, engineering activity, Russian cosmism, N. F. Fedorov, K. E. Tsiolkovsky.

Идея полета является одной из фундаментальных и древнейших архетипических тем в человеческой культуре. Как только человек увидел летящий лепесток, парящую птицу, звезды и кометы, пролетающие вдалеке, он проникся идеей полёта. Стремление человека оторваться от земной тверди стало фундаментальной константой человеческого существования и на протяжении тысячелетий существовало в качестве культурного концепта. Полёт, как справедливо отмечает Т. А. Загидулина, в языческих культурах никогда не мыслился исключительно как физический процесс – он был символом перехода в иное состояние, обретения сверхъестественных способностей ... [4]. Так, практически во всех древних культурах есть мифы о полете. Первым мифическим человеком, приблизившимся к полёту, согласно легендам, был Икар с его восковыми крыльями. Миф повествует о самоотверженной попытке человека превозмочь естественные силы. Да, Икар потерпел неудачу: его замысел не был в достаточной мере технически совершенен. Тем не менее, данный миф в определенной степени послужил импульсом для формирования идеи о принципиальной осуществимости полета. Стоит лишь усовершенствовать применяемые технологии - и легенда может быть реализована в обозримом будущем.

Можно предположить, что для древних культур полет представлял собой метафору интеллектуального и духовного восхождения человеческой мысли, он являлся символом свободы, стремления человека к разумному божественному началу. Согласно Платону, идея полёта – это не физическое перемещение в воздухе, это образ движения души к истинному бытию. А. Ф. Лосев по этому поводу отмечал, что учение об идеях у Платона объединяется и отождествляется с мифологией, имея под собой определенный мистический и социальный опыт и развиваясь в условиях диалектически построенного мировоззрения [1, с. 13]. В диалоге «Федр» Платон уподобляет душу колеснице с возничим (разум) и двумя конями (благородное и низменное начало в природе человека) [2]. Душа, по Платону, способна к полёту: она обладает крыльями, которые поднимают её в горний мир идей. Все души созданы Творцом во время создания Вселенной. Их число равно количеству небесных тел, так что у каждой души есть одна звезда, которая защищает душу в земной жизни после соединения с телом. Здесь полёт символизирует освобождение от телесного плена, возвышение над чувственным

миром. Чем больше душа устремляется к благу, мудрости и красоте, тем выше она летит, считал Платон [2].

Первые попытки реализации полета опирались на принцип подражания природе. В рамках натурфилософии Нового времени была разрушена схема замкнутого космоса. Николай Кузанский в трактате «Об ученом незнании» утверждал, что Вселенная не имеет центра и границ, а Земля – такая же звезда, как и другие. Закон «совпадения минимума и максимума» снимал аристотелевское противопоставление «земного» и «небесного» и делал полет возможным. Он переходил в плоскость инженерии. Вершиной донаучного этапа в истории техники полета стали инженерные проекты Леонарда да Винчи. Являясь ярким примером «универсального человека», он смог соединить в своём творчестве науку, технику и искусство. «Не оборачивается тот, кто устремлён к звезде», – писал Леонардо да Винчи. Именно этот гениальный изобретатель впервые приблизил нас к полёту: парашют, орнитоптер, дельтаплан, вертолёт – вот далеко не весь список воздушных изобретений этого оригинального изобретателя.

Леонардо да Винчи – ключевая фигура ученого-изобретателя, который сумел объединить в своих проектах философскую и техническую составляющую. Его многочисленные эскизы летательных аппаратов (орнитоптер, прототип вертолета) были основаны на глубоком изучении анатомии птиц и механики. Для Леонардо полет был не просто мечтой, а инженерной задачей, поддающейся изучению и решению. Это был переход от мечты к научному проектированию. Братья Монгольфье и первые полеты на воздушном шаре в 1783 году стали практическим воплощением мечты о полёте человека. Данный триумф науки и человеческой отваги не только создал основу для фундаментального философского анализа идеи полета, но и подтвердил способность человека к эмпирическому покорению неба.

Идея полёта прошла путь от мифологической архаики до технической реальности. Параллельно с завоеванием атмосферы развивалась идея выхода за ее пределы. Эта идея нашла своё воплощение в русском космизме, в котором сложился уникальный синтез идеи полета, технического творчества и инженерного конструирования. Русский космизм выступил в качестве воплощения экзистенциального императива, который, в свою очередь, послужил стимулом для практической разработки ракетной техники. Фундаментальными философскими тезисами русского космизма явились: антропокосмизм, рассматривающий человека «гражданином Вселенной», а его разум и деятельность инструментом эволюции Космоса; активная эволюция, предполагающая энергичную деятельность человечества в прогрессивной

направленности эволюции, преодолении хаоса и смерти; ноосферное мышление, при котором разумная деятельность человека становится определяющим фактором эволюции, гармонично сосуществуя с биосферой. Русские философы стали размышлять о покорении космоса. Первым, кто направил этот вопрос в научное русло, был Н. Ф. Фёдоров. Он предположил, что человечество общими силами может выйти за пределы воздушного пространства. В «Философии общего дела» Фёдоров пишет: «Задача человека состоит в изменении всего природного, дарового в произведенное трудом, в трудовое; небесное же пространство (распространение за пределы Земли) и требует именно радикальных изменений в этом роде ... Аэростат, паря над местностью, вызывал бы отвагу и изобретательность, т. е. действовал бы образовательно; это было бы, так сказать, приглашением всех умов к открытию пути в небесное пространство... Этот великий подвиг, который предстоит совершить человеку, включает в себе все, что есть возвышенного в войне (отвага, самоотвержение), и исключает всё, что есть в ней ужасного (лишение жизни себе подобных)» [3, с. 39].

Фёдоров Н. Ф. высказал идею о создании из Земли своеобразного летательного аппарата для покорения космоса. Убедительно звучит его знаменитое высказывание о том, что «человечество не может удовлетвориться тесными пределами Земли». Он рассматривал освоение космоса как неизбежный этап эволюции, «общее дело» по спасению человечества. Размышляя над вопросом о дальнейшем развитии Земли, её судьбе, Фёдоров приводит нас к убеждению, что человеческая деятельность не должна ограничиваться пределами земной планеты. Он отмечает, что мы (*человечество – прим. автора*) можем сказать, что «сама Земля пришла в нас к сознанию своей участи и это сознание, конечно, деятельное, есть средство спасения; явился и механик, когда механизм стал портиться» [3, с. 40].

Отметим, что в наследии Фёдорова идея полета неразрывно связана с эсхатологическим смыслом и предстает в качестве способа воссоединения человеческого рода, утратившего свою целостность. Он наделяет полет актом онтологического мужества, что позволит превратить человечество в «хозяев» Вселенной.

Позиция Н. Ф. Фёдорова была всецело принята и поддержана К. Э. Циолковским, который сумел синтезировать строгий научный подход (теорию многоступенчатых ракет) с метафизическими умозрениями космистов. В истории интеллектуального развития человечества можно выделить сравнительно немного открытий, которые бы оказали столь же радикальное влияние на последующее развитие науки, техники и промышленности, как цикл исследований Циолковского по аэронавтике, ракетной технике и космонавтике. В

своих выдающихся работах он разъяснил основные закономерности этих областей науки и техники и сделал доступным понимание открытых новых динамических процессов широкому кругу инженеров и техников. Е. Баратынский отмечает, что в летописях истории науки мало, пожалуй, найдется исследователей с таким глубоким пониманием фундаментальных явлений природы и технического прогресса, с таким ясным проницательным умом, с такой наивной, горячей верой в могущество науки, с такой высокой многолетней научной продуктивностью [5]. Циолковский взял мечту о полете и придал ей философскую глубину. Освоение космоса стало долгом и смыслом существования человечества, которое, по Циолковскому, находится лишь на одной из ступеней эволюции. Выйдя в космос, человечество само эволюционирует, возможно, превратившись в «лучистое человечество» – бессмертную энергетическую форму жизни. Таким образом, космический полет, по Циолковскому, – это путь к качественному преобразованию самого человека.

Итак, русский космизм интегрировал мечту о полете с философскими и мировоззренческими смыслами (освоение космоса как долг и смысл существования). Техническое творчество в русском космизме несло в себе имплицитный космический код: оно было направлено на трансформацию человеческого бытия, на выход за пределы Земли.

Слова Циолковского, сказанные в 1935 году, опережали время: «Я свободно представляю первого человека, преодолевшего земное притяжение и полетевшего в межпланетное пространство. Он русский... Он гражданин Советского Союза. По профессии, вероятнее всего, лётчик... У него отвага, умная, лишённая безрассудства ... Представляю его открытое русское лицо, глаза сокола». В тот период никто не мог предполагать, что философ предвосхитил будущее. Впрочем, дата 12 апреля 1961 года принадлежит к числу тех исторических событий, которые не нуждаются в специальном упоминании. Общеизвестно, что именно в этот день состоялся первый в мире полёт Юрия Алексеевича Гагарина в космос - грандиозное событие для всего мира. Все представления о возможностях человека в космосе перевернулись. А что дальше? Полёт Терешковой Валентины Владимировны, старт первого многоместного космического корабля «Восход», Титов, Николаев, установление спутников. Космос перестал восприниматься как нечто в высшей степени удаленное и внушающее тревогу. Технологии подстраиваются под изменившуюся ситуацию в мире. В наши дни пространство поиска расширяется: обнаружены тысячи планет за пределами солнечной системы, некоторые из них очень похожи на Землю; ученые запускают летательные аппараты, чтобы изучать другие планеты.

Можно предположить, что по прошествии времени то, что сейчас находится за пределами человеческого воображения, может стать эмпирической реальностью. Поэтому поощрение самых смелых (даже кажущихся утопичными) проектов и их воплощение представляется оправданным. Какие открытия последуют за этим, предстоит еще выяснить. Подытоживая вышесказанное, приведем слова К. Э. Циолковского: «Человечество не останется вечно на Земле, но в погоне за светом и пространством сначала робко проникнет за пределы атмосферы, а затем завоюет себе все околосолнечное пространство».

Литература

1. Лосев А. Ф. Соч. в 9-и томах. Т. 2 / Очерки античного символизма и мифологии. – М.: Издательство «Мысль», 1993.
2. Платон. Федр / Перевод, введение, интерпретация, указатель имен, примечания А. А. Глухова. – СПб.: Издательство РХГА, 2017. – 232 с.
3. Русский космизм: Антол. филос. мысли / Сост. и предисл. к текстам С. Г. Семеновой, А. Г. Гачевой; примеч. А. Г. Гачевой. – М.: Педагогика-пресс, 1993. – 365 с.
4. Загидулина Т. А. Анализ трансформации моделей репрезентации пограничного состояния полета в свете культурологического полета. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/analiz-transformatsii-modeley-reprezentatsii-pogranichnogo-sostoyaniya-poleta-v-svete-kulturologicheskogo-podhoda/viewer> (дата обращения: 20.04. 2026).
5. Циолковский К. Э. (к 125-летию со дня рождения): Сб. статей / Сост. С. Л. Соколова. – М.: Знание, 1982. URL: <https://epizodsspace.airbase.ru/bibl/znan/1982/9/9-tsiolkovskiy.html> (дата обращения: 20.04. 2026).

УДК 004.89/37.011

**ВКЛАД РАЗРАБОТКИ ТЕОРЕТИЧЕСКИХ ОСНОВ
И КОМПЬЮТЕРНЫХ ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНЫХ ТЕХНОЛОГИЙ
ДИАГНОСТИРОВАНИЯ
И БЕЗМЕДИКАМЕНТОЗНОЙ САМОРЕГУЛЯЦИИ
ПСИХОЭМОЦИОНАЛЬНЫХ СОСТОЯНИЙ ЛИЧНОСТИ
В ПРОЦЕСС ГИПЕРПЕРСОНАЛИЗАЦИИ ОБУЧЕНИЯ
CONTRIBUTION OF THE DEVELOPMENT OF THEORETICAL
BASES
AND COMPUTER INTELLIGENT TECHNOLOGIES OF
DIAGNOSTICS**

**AND NON-MEDICAL SELF-REGULATION OF
PSYCHOEMOTIONAL STATES OF THE PERSON
IN THE PROCESS OF HYPER-PERSONALIZATION OF LEARNING**

Изосимова Снежана Александровна

м.н.с., г. Донецк,

ФГБНУ «Институт проблем искусственного интеллекта»

Izosimova Snezhana Aleksandrovna

M.N.S., Donetsk,

FSBI "Institute of Artificial Intelligence Problems"

Пигуз Валентина Николаевна

н.с., г. Донецк,

ФГБНУ «Институт проблем искусственного интеллекта», зав. отделом

компьютерных информационных технологий

Piguz Valentina Nikolaevna

N.S., Donetsk,

FSBI "Institute of Artificial Intelligence Problems", Head. Department of Computer

Information Technology

Ивашико Кристина Сергеевна

м.н.с., г. Донецк,

ФГБНУ «Институт проблем искусственного интеллекта»

Ivashko Kristina Sergeevna

M.sc., Donetsk,

FSBI "Institute of Artificial Intelligence Problems"

Ковалева Ксения Витальевна

м.н.с., г. Донецк,

ФГБНУ «Институт проблем искусственного интеллекта»

Kovaleva Ksenia Vitalievna

M.N.S., Donetsk,

FSBI "Institute of Artificial Intelligence Problems"

Аннотация. В работе рассматривается понятие гиперперсонализации процесса обучения. Затрагивается аспект его современной трактовки. Также обзорно анализируется взаимосвязь процесса гиперперсонализации обучения и эмоционального искусственного интеллекта. Дается обзорный анализ НИР, проводимой работниками ФГБНУ «Институт проблем искусственного интеллекта» в текущем (2026) году, под названием «Разработка теоретических основ и компьютерных интеллектуальных технологий диагностирования и безмедикаментозной саморегуляции психоэмоциональных состояний личности»,

формируется перспектива её использования в процессе гиперперсонализации обучения.

Abstract. The paper considers the concept of hyperpersonalization of the learning process. The aspect of its modern interpretation is touched upon. The relationship between the process of hyperpersonalization of learning and emotional artificial intelligence is also reviewed. An overview analysis of the research conducted by employees of the Federal State Budgetary Institution "Institute of Artificial Intelligence Problems" in the current (2026) year is given, entitled "Development of theoretical foundations and computer intelligent technologies for diagnosis and drug-free self-regulation of psychoemotional states of personality", the prospect of its use in the process of hyperpersonalization of learning is formed.

Ключевые слова: гиперперсонализация процесса обучения; компьютерная система диагностики; эмоциональный искусственный интеллект; библиотерапия; арт-терапия.

Key words: hyperpersonalization of the learning process; computer diagnostic system; emotional artificial intelligence; bibliotherapy; art therapy.

Гиперперсонализация обучения – процесс, обладающий значительной историей своего развития и изучения. Данная сфера процесса обучения интересовала человечество со времен Античности и изучение её продолжается в наши дни. Гиперперсонализация процесса обучения объединила в себе систему принципов современного процесса обучения.

Цель работы – проанализировать взаимосвязь гиперперсонализации в обучении и искусственного эмоционального интеллекта. Определить возможности их взаимодействия и взаимовлияния, а также наметить перспективы их дальнейшего развития.

В основе гиперперсонализации обучения лежит методология философии экзистенциализма: обучающийся – не объект, а субъект обучения. Именно человек принимает решение и несет ответственность за то, каким дисциплинам и в какой форме он будет учиться. Человек ставит перед собой цель обучения, далее индивидуально выбирает пути её достижения, соответствующие его личным качествам и опыту. В идеале, образовательная программа должна помочь обучающемуся достичь этих целей. Таким образом, краеугольным камнем гиперперсонализации обучения является самоорганизация и самодисциплина обучающегося.

Именно «гипер» позволяет выйти за рамки персонализированного опыта, ставшего традиционным. Гиперперсонализация обучения в общем смысле представляет собой разработку индивидуального профиля обучения,

включающего индивидуальную адаптацию материала для каждого конкретного обучающегося. Гиперперсонализация представляет собой детальный и глубокий анализ приоритетов и направленностей обучаемого в сфере обучения. В силу своих психофизиологических особенностей каждый человек обучается и усваивает материал с разной скоростью. Причем адаптация материала для обучающегося напрямую зависит от его опыта, склонности и способности к определенным наукам и предпочтительного способа обучения. С этой целью производится сбор базовой пользовательской информации. Базовая пользовательская информация включает в себя имя пользователя (ник) и местоположение. В процессе гиперперсонализации (экстремальной персонализации) используются передовые методы анализа данных и базы. Для достижения гиперперсонализации последовательно используются три составляющие: искусственный интеллект (AI), машинное обучение (ML) и аналитика данных. С их помощью можно сформировать информационный контент, который способен заинтересовать обучающегося; информировать о намечающихся научных мероприятиях (конференции, симпозиумы, форумы и т.п.), которые могут его заинтересовать; информировать студента о льготах, планирующихся в процессе обучения. При этом профиль студента создается и корректируется в режиме реального времени [1].

Адаптируя информационный образовательный контент к рекомендациям обучаемых и организуя процесс взаимодействия с индивидуальными предпочтениями и поведением студентов/школьников, образовательное учреждение может создать уникальный, удовлетворяющий обучаемых опыт. Который может повысить вовлеченность обучаемых в процесс обучения, степень лояльности и общую удовлетворенность процессом обучения. Кроме того, некоторые образовательные организации уже используют специализированных виртуальных ассистентов или чат-боты, которые помогают обучаемым самим разобраться в образовательной сфере того или иного учреждения образования. Благодаря внедрению искусственного интеллекта, обучаемый получает подсказки онлайн по всем интересующим его в сфере обучения вопросам: начиная от предполагаемого расписания до выбора дисциплин и индивидуального графика обучения, практической специализации в области будущей профессии включительно [2-4].

Однако, необходимо также обратить внимание на нештучную угрозу аспекта гиперперсонализации. Как пишет д.т.н. О. Соловьёв, можно представить общество оцифрованной на 100 % реальности. Где дети не ходят в школу и не контактируют со сверстниками и окружением в реальности, а существуют в оцифрованной VR-реальности. Т. е. общаются исключительно с аватарами

друзей и родителей. Студенты вместо посещения пар в реальном времени, «закачивают» в мозг и память знания напрямую. Либо постоянно участвуют в бесконечных игровых квестах онлайн [3]. Из вышесказанного возникает закономерный вопрос – получится ли из данного супа максимально авторизированных личностей аутентичный народ, обладающая собственной индивидуальностью нация или страна, обладающая способностью самозащиты от угроз внешнего и внутреннего плана, не говоря уже о возможности реализации крупных научных проектов?

Современность бросает процессу обучения настоящий вызов – необходимость органичного слияния и взаимодействия двух форматов образования – онлайн и офлайн. В этом заинтересованы, прежде всего государство и будущий работодатель, а также учреждения образования и, конечно, сам обучаемый. Лучшая государственная стратегия в данном случае – сохранение здорового консерватизма на начальном и среднем школьном уровне обучения.

При этом отдельного внимания требует следующий момент: хотя гиперперсонализация требует обширного сбора пользовательских данных, но это обязывает образовательное учреждение с максимальной ответственностью и осторожностью относиться к собранным БД обучаемых, соблюдать необходимый баланс между персонализацией и конфиденциальностью. В обязательном порядке должны соблюдаться законы и нормативные акты о конфиденциальности.

В рамках НИР, проведенных работниками ФГБНУ «Институт проблем искусственного интеллекта», были разработаны теоретические основы исследования эффективного использования безмедикаментозных методов и средств интеллектуальной терапии и прагматических особенностей искусственного эмоционального интеллекта для целей саморегуляции психоэмоциональных состояний личности обучающихся с целью совершенствования процесса гиперперсонализации обучения. А именно:

1) проведен анализ различных терапевтических аспектов библиотерапевтического лечения обучающегося, а также групп и процессов, обеспечивающих их функционирование;

2) проведена структуризация знаний обучаемых, используемых в ходе данного процесса, предложена модель библиотерапевтических произведений (специально разработанной интеллектуальной лирики), используемая в ходе данного процесса. Разработанная модель может использоваться как основа для интеллектуального ассистента, наблюдающего за ходом библиотерапевтического воздействия на личность, для организации взаимодействия тестируемого и

куратора, осуществляющих переговорные протоколы в ходе функционирования групп;

3) на основании этого был предложен ряд специально разработанных библиотерапевтических лирических произведений, методов и моделей проведения психофизиологического тестирования и регуляции психоэмоционального состояния обучающихся [5, 6].

Полученные результаты обеспечивают основу для повышения эффективности исследования плодотворного использования безмедикаментозных методов и средств интеллектуальной терапии и прагматических особенностей искусственного эмоционального интеллекта для целей саморегуляции психоэмоционального состояния обучаемых, а в результате более полного и глубокого восприятия полученной в результате образовательного процесса информации и также выработке необходимых знаний, умений и навыков для реализации в избранной профессиональной сфере.

Неоспоримым достоинством системы является то, что она предназначена как для коллективного, так и для индивидуального пользования. Позволяет любому пользователю, заинтересованному в нормализации своего психофизиологического и психоэмоционального состояния, осуществить данную коррекцию без особых усилий и напряжения. Позволяет разгрузить мозг и психику обучаемого от негативных воздействий окружающей среды, полагаясь при этом на естественные возможности человеческого организма и нервной системы, без медикаментозного вмешательства. Кроме того, использование компьютерной системы способствует использованию интеллектуальных компьютерных технологий в более глобальных, индивидуальных, личностных масштабах.

Литература

1. Афшар, В. Как добиться гиперсонализации с помощью генеративных проблем искусственного интеллекта [Электронный ресурс] / В. Афшар // ZDNET/ИННОВАЦИЯ. – Режим доступа: <https://www.zdnet.com/article/how-to-achieve-hyper-personalization-using-generative-ai-platforms/> (дата посещения: 05.02.2024 г.).

2. Фёдоров, К. Ф. EMOTION AI как результат развития интеллектуальных систем на принципах кибернетики [Электронный ресурс] / К. Ф. Федоров, Г. Ю. Пешкова // Вестник Алтайской академии экономики и права. 2022. № 12-2. – С. 319-323. – Режим доступа: URL: <https://vael.ru/ru/article/view?id=2657> (дата посещения: 05.02.2024 г.).

3. Мамина, Р. И. Эмоциональный искусственный интеллект как инструмент взаимодействия человека и машины [Электронный ресурс] / Р. И. Мамина, Е. В. Пирайнен // Дискурс. 2023. № 9 (2). – С. 35–51. – Режим доступа: <https://doi.org/10.32603/2412-8562-2023-9-2-35-51>

4. Персонализированное образование в проекции профессионального будущего: методология, прогнозирование, реализация: монография [Электронный ресурс] / под ред. Э. Ф. Зеера, В. С. Третьяковой. Рос. гос. проф.-пед. ун-т. Екатеринбург, 2021. – 120 с. Режим доступа: https://elar.rsvpu.ru/bitstream/123456789/38199/1/978-5-8295-0791-6_2021.pdf (дата посещения: 06.02.2024 г.).

5. Сальников, И. С. Описание системы вербальной терапии и саморегуляции психофизиологических состояний личности / И. С. Сальников, Р. И. Сальников, Т. Д. Ключанова // Искусственный интеллект: теоретические аспекты, практическое применение: материалы Донецкого международного научного круглого стола. – Донецк: ФГБНУ «ИПИИ», 2023. – 252 с. – С. 192–196. – DOI 10.34757/dntsk.AI.2023.30.008.

6. Сальников, И. С. Методические и алгоритмические особенности комплекса средств психофизиологической диагностики психоэмоциональных состояний человека / И. С. Сальников, Р. И. Сальников // Международный научно-теоретический рецензируемый журнал «Проблемы искусственного интеллекта». 2019. № 4 (15). – С. 47–57.

УДК 1.113

**ИСТОРИЧЕСКИЕ ЭТАПЫ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ КУЛЬТУР НАРОДОВ
РОССИИ
HISTORICAL STAGES OF INTERACTION BETWEEN THE CULTURES
OF THE PEOPLES OF RUSSIA**

Камарали Анна Владимировна

канд. филос. наук, доцент, г. Донецк,

ФГБОУ ВО «Донецкий государственный университет»

Kamarali Anna Vladimirovna

PhD in Philosophical Sciences, Associate Professor,

Docent of the Chair of Philosophy

FGBOU VO “Donetsk State University”

Аннотация. В работе исследуется эволюция взаимодействия культур народов России на протяжении истории как фактор национальной консолидации.

На примерах разных эпох демонстрируется, как взаимное обогащение традиций, верований и художественных практик укрепляло общероссийское единство. Автор подчёркивает значимость исторического опыта межкультурного диалога для гармонизации межнациональных отношений в современном полиэтничном обществе.

Abstract. The paper examines the evolution of the interaction of the cultures of the peoples of Russia throughout history as a factor of national consolidation. Examples from different eras demonstrate how the mutual enrichment of traditions, beliefs, and artistic practices strengthened national unity. The author emphasizes the importance of the historical experience of intercultural dialogue for the harmonization of interethnic relations in a modern multiethnic society.

Ключевые слова: культура, народ, исторический процесс.

Keywords: culture, people, historical process.

Россия – это уникальное государственное образование, отличающееся своим, присущим только ему, многообразием и самобытностью. В настоящее время, говоря про Россию, многие иностранные деятели представляют себе крупнейшую в мире страну, обладающую богатейшими природными ресурсами, значительным многообразием животного и растительного мира, крупными залежами и широким разнообразием полезных ископаемых. Но такое представление чрезвычайно однобоко и поверхностно, потому что главное достояние России – это её люди, их культура, традиции, быт. Исторически так сложилось, что Российское государство является полиэтничным и многоконфессиональным. Это объясняется тем, что в процессе формирования и исторического развития государства, расширение его территории происходило в основном за счёт объединения племен, или в результате освоения русскими переселенцами новых земель, населённых другими народностями. Российское государство не преследовало цель уничтожить или поработить коренное население, а училось мирно с ними сосуществовать, развивало торговые отношения; люди учились друг у друга новым ремёслам, делились накопленным опытом и знаниями. Как писал известный религиозный философ И. А. Ильин: «Сколько малых племён Россия получила в истории, столько и соблюла ... Ни принудительным крещением, ни искоренением, ни всеуравнивающим обрусением она никогда не занималась» [2, с. 36]. В результате такого взаимодействия, коренное население постепенно ассимилировалось в среде русских переселенцев, сохранив при этом и свой язык, и традиции, и веру. По такому принципу происходило объединение восточных славян с финно-угорскими племенами (мещера, чудь, весь и др.), память о которых до сих пор

сохранились во многих географических названиях городов, рек, озёр Центральной России.

Более сложные отношения у восточных славян складывались с тюркскими народами. Так как тюрки в основном были кочевниками, они часто совершали набеги на сельскохозяйственные районы, в результате чего происходили вооружённые столкновения. Однако, со временем, славяне даже образовывали с тюрками (печенеги, половцы) военные союзы в борьбе против общего врага, поддерживали торговые отношения, заключали династические браки. Несмотря на огромную разницу и в культуре, и в образе жизни, и в религии (тюрки исповедовали ислам) оба народа существенно повлияли друг на друга, что привело к взаимному обогащению культур и языков.

Глубокую рану на теле отечественной истории оставило в своё время Монгольское нашествие, а затем и Золотая Орда: были разгромлены и разорены города, уничтожены культурные ценности, непоправимый ущерб был нанесён сельскому хозяйству, погибло или было угнано в рабство большое количество людей. Однако и этот тяжёлый опыт дал впоследствии хороший толчок для развития русского государства – были позаимствованы некоторые управленческие приёмы, принципы организации войск и финансовой системы, транспортной системы и почтовой связи, налоговой сферы и канцелярии. Татаро-монгольское иго повлияло также на быт, одежду, украшения, привнесло изменения в сферу строительства и торговых отношений; в рационе русского человека появились блюда и напитки татарской кухни [1].

Расширяя своё влияние в восточном направлении, во второй половине XVI в. Россия покорила Казанское, Астраханское и Сибирское ханство – это открыло ей возможность продвижения за Урал. В середине XVII в. были присоединены обширные территории вплоть до Тихого океана, населённые большим количеством народов (буряты, якуты, эвенки, чукчи и др.); затем Сибирь и Дальний Восток. Несмотря на то, что присоединение новых земель не всегда происходило мирным путём, российские власти старались найти компромисс и взаимопонимание с коренными народами - не нарушали сложившийся традиционный уклад их жизни, учитывали их потребности, предоставляли защиту. Как говорил Исмаил Гаспринский: «Самый многочисленный и главный народ России - русские - одарены весьма редким и счастливым характером мирно и дружно жить со всякими другими племенами» [3, с. 52]. Это давало хорошие результаты: местные народы, контактируя с русскими поселенцами, перенимали от них новые, более прогрессивные формы ремесла, земледелия и скотоводства. Это способствовало

взаимному обогащению культур. Возводились города, строились православные храмы, население обучали грамоте и русскому языку.

Возвращая под своё влияние западные и юго-западные русские земли, некогда попавшие под власть Речи Посполитой, Россия там столкнулась с духовным обликом и жизненным укладом, претерпевшим значительное влияние западной культуры. Некоторая часть западнорусской знати перешла в католическую веру, приняла польский язык и культуру, но основная часть общества, оставаясь верной русскому единству и православию, подвергалась дискриминации. Народные возмущения часто выливались в восстания. Откликнувшись на просьбу братского народа о помощи, Россия вступила в войну с Речью Посполитой, итогом которой стало присоединение Малороссии, а позднее Литвы и всех земель Руси, за исключением Галичины. Культурное влияние Малороссии отразилось на религии, образовании, литературе, художественном и музыкальном искусстве Российского государства, сам русский язык претерпел изменения.

Вскоре у Швеции были отвоёваны Прибалтика и Финляндия, у Турции - северное Причерноморье, утверждение России в Крыму позволило продвинуться в кавказский регион. В середине XIX столетия власть Российского государства распространилась и в Закавказье.

Расширяя свои границы за счёт присоединения новых земель с населяющими их народами, Россия обогащала и этнический, и конфессиональный состав своего населения. В то же время, народы, интегрируемые в состав российского государства, постепенно принимали общую культуру, одновременно отказываясь от несвойственных ей национально-культурных особенностей. Так, например, включение в состав Российской империи территорий Северного Кавказа, где население в большинстве своём исповедовало ислам и жёстко боролось даже с самой идеей подчиниться православному правительству, с течением времени немного смягчило свои позиции и стало постепенно отказываться от целого ряда норм шариатской культуры (кровная месть, многожёнство, рабовладение). Влияние русской культуры на культуру кавказских народов проявлялось и в языке, и в образовании, и в материальной культуре, и в религии, и в искусстве. Русский язык стал средством общения различных этнических групп региона между собой. Экономические и культурные связи привнесли также изменения в сам быт горцев - появились новые типы жилищ, изменилась и планировка поселений (вместо кривых узеньких улиц и переулков появились широкие и прямые проспекты и бульвары, дома с глухими стенами заменили аккуратные домики с окнами и балконами), в некоторых домах появилось печное отопление. В свою

очередь в жилищах русских появились настенные ковры, а кухня обогатилась блюдами и напитками кавказской кухни.

Практически все прогрессивные тенденции, проявлявшиеся в быту и культуре русского народа, постепенно перекочёвывали и в культурную жизнь других народов России. Это было характерно, в основном, для населения более отсталых восточных окраин Российского государства - им предоставлялись возможности усовершенствования форм хозяйственной деятельности, освоения элементов оседлого земледелия и городского быта. Кардинальные изменения произошли в образе жизни, обычаях и правах разноязычных и разноплеменных народов Кавказских гор, степей Зауралья и Сибирской тайги. Сначала была налажена почтовая связь с окраинами, позднее появился телеграф. Жителей обучали русскому языку и грамоте, появились газеты и журналы. У кавказских горцев и кочевников-казахов исчез страх врачебной помощи. Строились астрономические обсерватории, открывались типографии и светские школы, в городах появлялись аптеки, музеи, публичные библиотеки.

Подводя итог, мы можем с уверенностью сказать, что какой бы период в истории России мы не рассматривали, какие бы события там не происходили (это и мирное освоение новых территорий, и объединение в военные союзы для защиты от общих врагов, и ведение военных действий с целью сохранения и защиты своих территорий, и строительство мирной жизни) всегда шёл процесс взаимного влияния культур взаимодействующих друг с другом народов. Различные народы на основе общности территории и распространения культуры в пространство влияния «Русского мира» не просто втягивались, а интегрировались в нём, а русский язык становился фундаментом российской общности, при этом давая широкую автономию местным наречиям, языкам и культурам, способствуя развитию их поэтических, философских и музыкальных школ. В этом и заключается историческое могущество нашей страны, так как, руководствуясь своими духовными принципами, только ей было присуще умение понимать и ценить наследие своих великих соседей - и восточную мудрость, и западный прагматизм.

Народам России, объединившимся на принципах полиэтничности и многоконфессиональности, удалось сформировать уникальное социально-экономическое пространство, которое обеспечило жизнеспособность и необычайное разнообразие материальной и духовной культуры, результатом их взаимодействия стало появление яркого и самобытного искусства, ставшего впоследствии их общим достоянием и национальной гордостью.

В настоящее время в России сохраняется приверженность исторически сложившимся принципам культурного взаимодействия. Государство реализует

программы по поддержке системы образования, включающее изучение этнокультурного наследия; способствует проведению фестивалей, конкурсов и гастролей творческих коллективов; создает условия для сохранения и развития народных промыслов и ремесел; участвует в проведении различных мероприятий и праздников, направленных на ознакомление с традициями, культурой и бытом разных народов.

Литература

1. Блохина Л. В. Национальные культуры народов России: проблемы и перспективы [Электронный ресурс] // Viperson – 07.02.2013 – URL: <https://viperson.ru/articles/natsionalnye-kultury-narodov-rossii-problemy-i-perspektivy> (дата обращения: 28.03.2026)

2. Винштейн И. Идеиные связи и взаимное обогащение национальных культур народов России в 19 веке [Электронный ресурс] // Блог Ильи Винштейна – 16.09.2018 – URL: <https://www.winstein.org/publ/36-1-0-1767> (дата обращения: 28.03.2026).

3. Коваленко В. Д. Россия как многонациональная цивилизация [Электронный ресурс] // Санкт-Петербургский Государственный Университет, Факультет Политологии – URL: <https://inpredservice.ru/o-kompanii/novosti/345-rossiya-kak-mnogonatsionalnaya-tsivilizatsiya> (дата обращения: 28.03.2026).

УДК 378.14

ФАКУЛЬТЕТ ДОВУЗОВСКОЙ ПОДГОТОВКИ ИНОСТРАННЫХ ГРАЖДАН КАК МЕСТО СОХРАНЕНИЯ ЛУЧШИХ ТРАДИЦИЙ ОТЕЧЕСТВЕННОГО ОБРАЗОВАНИЯ

FACULTY OF PRE-UNIVERSITY TRAINING OF FOREIGN CITIZENS AS A PLACE FOR PRESERVING THE BEST TRADITIONS OF DOMESTIC EDUCATION

Качан Юлия Евгеньевна

к. филол. наук, г. Ростов-на-Дону, Донской государственный технический университет, доцент кафедры русского языка как иностранного.

Kachan Yulia Evgenievna

*PhD in Philological Sciences, Rostov-on-Don, Don State Technical University,
Associate Professor of the Department of Russian as a Foreign Language*

Аннотация. Высшие учебные заведения в последние годы утратили устоявшиеся принципы построения учебного процесса. Организация обучения на факультете довузовской подготовки иностранных гражданство многом

сохраняет традиции отечественной системы образования. Практика публичных выступлений, ежедневная работа над правильным использованием слова в тексте, разнообразная досуговая деятельность, длительное совместное времяпрепровождение создают дружескую атмосферу на факультете.

Abstract. In recent years, higher education institutions have abandoned their established principles for organizing the educational processes. The organization of study at the department that prepares international students for the university largely maintains the traditions of the Russian education system. Public speaking practice, daily work on the correct use of words in texts, a variety of leisure activities, and extensive time spent together create a friendly atmosphere.

Ключевые слова: русский язык как иностранный, принципы обучения, довузовская подготовка, традиции отечественного образования.

Keywords: Russian as a foreign language, principles of training, university preparation for international students, traditions of the Russian education system.

Введение

Учебный процесс в современных вузах заметно изменился за последние годы. Применение некоторых методов подачи учебного материала, его отработки, форм контроля и сопровождения во многом сместило на вторые позиции и умение работать в команде, и стремление к совместному триумфу, и желание поддержать обсуждение за пределами учебной аудитории.

Факультеты, работа которых ориентирована на довузовскую подготовку иностранных граждан, и по сей день во многом сохранили традиции отечественной высшей школы в организации не только учебного процесса, но и активной внеаудиторной деятельности, способствующей укреплению товарищеских отношений, более глубокому пониманию сути командного взаимодействия. Цель данного исследования – описать организацию учебной деятельности на довузовском отделении для иностранных граждан как структурное подразделение, в котором максимально сохранились лучшие принципы советской системы образования.

В качестве основных выделим следующие: обязательность (связана с необходимостью изучить русский язык, пройти вступительные испытания на знание русского языка и других дисциплин на русском языке, закрепленных за определенной специальностью), непрерывность (обучающиеся не имеют методических дней, ежедневно вовлечены в учебную деятельность, в случае болезни или необходимости временного отъезда на родину, они продолжают обучение, поддерживая постоянную связь с педагогами), фундаментальность знаний (наибольшую ценность представляет знание языка; обучение

дисциплинам также происходит на русском языке с сохранением языкового режима. Работает принцип постепенного усложнения текста); неразрывная связь теории и практики (вновь представленный теоретический материал тут же подкрепляется практикой; отсутствует самостоятельное овладение теоретическими сведениями; все занятия носят практический характер); преемственность (обучение в группах происходит по одним и тем же учебным пособиям; педагоги взаимозаменяемы; более опытные педагогические кадры направляют молодых специалистов); пиетет к педагогу (преподаватель учебной группы, в свою очередь, сопровождает обучающихся в течение года, располагает максимальной информацией о каждом из них, поддерживает связь).

Теоретическая значимость исследования заключается в описании основных принципов обучения иностранных граждан на довузовском отделении, их значительном сходстве с системой традиционного отечественного образования, из которой вышла школа специалистов по преподаванию русского языка как иностранного. Практическая ценность исследования проявляется в возможности перенести опыт педагогов – преподавателей русского языка как иностранного – в любую вузовскую аудиторию; иметь возможность использовать в новых образовательных реалиях лучшие традиции отечественной образовательной системы.

Особенности обучения иностранных граждан на этапе довузовской подготовки описывали Феоктистова Т. В. [2013], Мухачева А. М. [2012], Березняк Ю. Л., Олешко Т. В., Щербакова Т. К. и др. [2015].

Методы и материалы. При составлении статьи использовался метод аналогии (характер учебного процесса, форма текущего контроля, бережное отношение к слову, по наблюдению автора, являются отсылкой к классической системе отечественного образования), сравнительный метод (учебный процесс в современной российской высшей школе сравнивается с процессом, наблюдаемым на отделениях довузовской подготовки для иностранных граждан). Материалом послужили наблюдения коллег, описанные в научных исследованиях, а также личный опыт преподавания на довузовском отделении.

Результаты. Названы ключевые отличия от правил организации учебного процесса в современном вузе и сходства с системой отечественного образования, основные принципы которого применяются на довузовском отделении для иностранных граждан.

На фоне повсеместной цифровизации сохранено бережное отношение к слову: от его графического исполнения до функционирования в различных контекстах. Автоматизированная система оценки знаний не вытеснила, но дополнила традиционную беседу. Тестирование выполняется наряду с

разнообразными письменными заданиями, заданиями на аудирование. Новый учебный материал объясняет преподаватель. Каждое занятие носит практический характер; все практические занятия являются аудиторными. Возвращение к ранее изученному материалу возможно. Уделяется значительное внимание публичному высказыванию. Организуются мероприятия, нацеленные на формирование и развитие навыков монологической и диалогической речи.

Основные выводы исследования: К лучшим традициям, сохранившимся на подготовительном (довузовском) факультете для иностранных граждан отнесем следующие: комплексный подход к учебному процессу (процесс обучения неразрывно связан с воспитанием (социокультурной адаптацией); деление учебных групп по профилям (этот фактор позволяет своевременно осваивать язык будущей специальности, лексику определенных дисциплин; многолетний опыт методистов, являющийся крепкой опорой для молодых педагогов; интенсивное обучение русскому языку и профильным дисциплинам на русском языке.

Литература

1. Березняк Ю. Л., Олешко Т. В., Щербакова Т. К., Лузина В. М., Городнов К. В., Макуха С. И., Игнатенко В. З. Особенности обучения иностранных учащихся на предвузовском этапе: педагогические аспекты адаптации // Международный журнал прикладных и фундаментальных исследований. - 2015. - № 5-4. - С. 666-670.
2. Мухачева, А. М. Проблемы подготовки иностранных студентов на предвузовском этапе / А. М. Мухачева. – Текст: непосредственный // Молодой учёный. – 2012. – № 5 (40). – С. 473-476. – URL: <https://moluch.ru/archive/40/4856>.
3. Феокистова Т. В. Принципы обучения иностранных студентов в рамках предвузовской подготовки // Вестник Казанского технологического ун-та. – 2015. – С. 359-361.

УДК 9:904

ИЗУЧЕНИЕ ХРАМА СВ. ИЛЬИ НА Г. ИЛЪЯС-КАЯ: ПЕРВЫЙ ЭТАП¹

THE STUDY OF THE CHURCH OF ST. ELIJAH IN ILYAS-KAYA: THE FIRST STAGE

Кирпилёв Константин Сергеевич

¹ Работы проводились в рамках исполнения государственного задания «Комплексное историко-археологическое изучение Византии и Причерноморья в период поздней Античности и Средние века» (FEFM-2025-0002) НИИ «Институт истории и археологии Византии и Причерноморья» СевГУ

*г. Севастополь, Севастопольский государственный университет,
научный сотрудник НИИ «Институт истории и археологии Византии и
Причерноморья», преподаватель базовой кафедры «Археология»*

Kirpilev Konstantin Sergeevich

*Sevastopol, Sevastopol State University, Research Fellow at the Institute of
History and Archaeology of Byzantium and the Black Sea Region, Lecturer at the
Department of Archaeology*

Аннотация. В статье представлены результаты первого этапа исследования храма святого Ильи на горе Ильяс-кая, расположенного в Балаклавском районе Севастополя. Исследование дополняет существующие представления о развитии монастырских комплексов региона и их роли в христианизации территории. Систематизация результатов предыдущих исследований и их критический анализ позволили уточнить хронологию и функциональное назначение объекта. Исследование демонстрирует важность комплексного подхода к изучению археологических памятников, сочетающего исторические, архитектурные и археологические методы. Результаты работы имеют важное значение для дальнейшего изучения средневековых культовых сооружений Крыма и могут быть использованы при составлении археологической карты региона. Материалы исследования способствуют более глубокому пониманию исторических процессов, происходивших на территории Юго-Западного Крыма в средневековый период.

Abstract. The article presents the results of the first stage of the study of the church of St. Elijah on Mount Ilyas-kaya, located in the Balaklava district of Sevastopol. The study complements existing ideas about the development of the region's monastic complexes and their role in the Christianization of the territory. The systematization of the results of previous studies and their critical analysis made it possible to clarify the chronology and functional purpose of the object. The study demonstrates the importance of an integrated approach to the study of archaeological sites, combining historical, architectural and archaeological methods. The results of the work are important for further study of medieval religious buildings in Crimea and can be used in compiling an archaeological map of the region. The research materials contribute to a deeper understanding of the historical processes that took place on the territory of Southwestern Crimea during the medieval period.

Ключевые слова: Юго-Западный Крым, Севастополь, Балаклавский район, Ильяс-кая, археологические исследования, храм святого Ильи, памятник археологии, средневековая архитектура, монастырский комплекс, культовое строительство.

Keywords: Southwest Crimea, Sevastopol, Balaklava district, Piyas-kaya, archaeological research, St. Elijah's temple, archaeological monument, medieval architecture, monastery complex, religious building.

Исследуемая территория представляет собой руинированные остатки Храма Св. Ильи («Храм Св. Ильи» г. город федерального значения Севастополь, Балаклавский район, Урочище Ласпи. Распоряжение Правительства Российской Федерации от 17 октября 2015 г. № 2073-р). Изучаемый участок располагается в юго-западном Крыму, его начало находится в 5 км от п. Ласпи, в 40 км от Севастополя и в 44 км от Ялты.

Храм Св. Ильи в монастырском комплексе на г. Ильяс-Кая был открыт и полностью раскопан участниками археологической экспедиции под руководством О. И. Домбровского (1966 г.)

Можно выделить несколько периодов в истории исследования этого памятника. Первые работы, посвящённые исследованиям храма Св. Ильи на г. Ильяс-кая появились ещё ранних этапах изучения истории Крыма (XIX – начало XX вв.) и первооткрывателями на этом пути стали Ш. Монтандон, П. И. Кёппен, Ф. Дюбуа де Монпере, В. Х. Кондараки и др. Описание средневекового поселения и руин церкви на вершине встречается в путеводителях, например, у М. А. Сосногоровой, которая обращает внимание читателей на плохое состояние памятника и говорит о необходимости проведения археологических изысканий. На данном этапе исследователи занимались визуальным осмотром руинированных остатков сооружений, сбором этнографических данных, топографией, составлением описаний руин поселения, могильников, руин храма, поиском и изучением подъёмного материала, составлением чертежей и планов [6, 8, 10, 15, 18].

В советский период изучение объекта продолжалось усилиями профессиональных археологов, которые ввели в научный оборот новые материалы по результатам разведок. Для данного периода характерно плановое исследование памятников, сбор и исследование подъёмного материала, фиксация современного состояния объекта. Полноценное археологическое изучение памятника было проведено во второй половине XX в. Рассмотрев архитектурные особенности строения, остатки фресок, подъёмный материал в котором превалировала строительная керамика, учёные отнесли сооружение к X-XIV вв. [1, 3-5, 11, 14, 19-27].

Дальнейшее изучение археологическое территории храма и оборонительных сооружений не проводилось. Памятник упоминали в контексте изучения истории и архитектурных особенностей сооружений такого типа [2, 7,

9, 12, 13, 16, 24]. В 2025 г. Гриненко Л. О. (Открытый лист № P018-00103-00/01781452 от 30.01.2025) на территории памятника проводились археологические разведки, которые позволили зафиксировать современное состояние и изучить массовый керамический материал.

Литература

1. Домбровский О. И. Сводный отчёт о работе Южнобережного отряда Отдела археологии Крыма Института археологии АН УССР в 1965–1968 гг. – В: Отчёт об археологических исследованиях на ЮБК с 1965 по 1969 г. Научный архив КФ ИА НАНУ. Симферополь, 1970, инв. № 547, папка № 911, с. 32.
2. Бочаров С. Г., Кирилко В. П. Средневековые церкви Южного берега Крыма (материалы к археологической карте) // Добруджа. Т. 32. Проф. Дин. Георги Атанасов на 60 години / Отв. ред. Георги Атанасов. Силистра: ОНГЪЛ, 2017.
3. Домбровский О. И. Из археологических исследований на южном берегу Крыма: 1965 – 1966 гг. – Наукова думка, АИУ, 1967 г., 214 с.
4. Домбровский О. И. Разведки и раскопки на Южном берегу и в горных районах Крыма – Наукова думка, АИУ, 1968 г., В.2, 244 с.
5. Домбровский О. И. Средневековые поселения и «исары» крымского Южнобережья. – «Феодальная Таврика», К., Наукова думка, 1974 г., с. 5–56.
6. Дюбуа де Монпере Ф, Путешествие по Кавказу, к черкесам и абхазам, в Грузию, Армению и в Крым. В 6 томах. – Париж, 1843. Т. 5, 6. – Симферополь: Бизнес-Информ, 2009. – 328 с.
7. Иванов А. В. Ласпи: от Айя до Сарыча: историко-географические очерки / А. В. Иванов. - Севастополь: Библекс, 2005. – 188 с.
8. Кеппен, П. И. О древностях Южного берега Крыма и гор таврических: Крымский сборник [С карт. Юж. Крыма и принадлежащим к ней указ.] / Соч. Петра Кеппена. — Санкт-Петербург: Имп. Акад. наук, 1837. – Т.14, 412 с.
9. Кирилко, В. П. Средневековые капители Ласпи / В. П. Кирилко // Византийский "круг земель". Orbis terrarum Byzantinus...: Тезисы докладов XXIII-й Всероссийской научной сессии византинистов РФ, Судак, 24–30 октября 2022 года / Отв. редактор С. П. Карпов, редколлегия М. В. Грацианский, В. В. Майко. – Симферополь: Общество с ограниченной ответственностью «Издательство Типография «Ариал», 2022. – С. 80-82.
10. Кондараки В. Х. Байдарская долина в Таврическом полуострове // Записки Одесского Общества Истории и Древностей. – Одесса: Типография Алексомати. – Т. VII. – С. 289. – 322 с.

11. Кубе А. Н. Глиняные черепки, найденные на южном берегу Крыма в имении Ласпи (Из раскопок М. И. Ростовцева в 1916 г.) // Сообщения ГАИМК. 1926. Т. I. С. 247-257.
12. Лосицкий Ю. Г. К вопросу об эволюции типологии монументальной архитектуры средневекового Крыма // Археология. 1990. № 2. С. 33-47.
13. Лосицкий Ю. Г. Храмы средневекового Крыма IV–XIV вв. / Древняя и средневековая Таврика. Сборник статей, посвященный юбилею Елены Александровны Паршиной. И.Б. Тесленко (ред.-сост.). – Археологический альманах, № 33. – К.: Видавець Олег Філюк, 2015. – 544 с. – с. 179-200.
14. Махнева О. А. Средневековые памятники на побережье от Ласпи до Голубого залива – Наукова думка, АИУ, 1968 г., В.2, 244 с., с. 53 – 57.
15. Монтандон Ш. Путеводитель путешественника по Крыму, украшенный картами, планами, видами и виньетами и предваренный введением о разных способах переезда из Одессы в Крым. – К.: Издательский дом «Стилос», 2011. – 416 с.
16. Мыц В. Л. Укрепления Таврики X-XV вв. / В. Л. Мыц; АН УССР, Ин-т археологии. - Киев: Наук. думка, 1991. – 160 с.
17. Османский реестр земельных владений Южного Крыма 1680-х годов. О-74 Выпуск третий: перевод / Под редакцией А. В. Ефимова. – М.: Институт Наследия, 2021. – 600 с. – DOI 10.34685/NI.2021.71.88.009.
18. Паллас П. С. Наблюдения, сделанные во время путешествия по южным наместничествам Русского государства в 1793–1794 годах / Пер. с нем. – М.: Наука, 1999. – С. 73. – 246 с.
19. Паршина Е. А. Исследования в урочище Ласпи. – «Археологические открытия 1976 г.», М., 1977 г., с. 350–351.
20. Паршина Е. А. Раскопки на городище Эски-Кермен и в урочище Ласпи. – «Археологические открытия 1979 г.», М., 1980 г., 500с.
21. Паршина Е. А. Средневековые памятники на побережье от Ласпи до Голубого залива – Наукова думка, АИУ, 1968 г., В.2, 244 с.
22. Паршина Е. А. Средневековая керамика Ласпи и Симеиза (по материалам раскопок 1966 г.) – Наукова думка, АИУ, 1967 г., В.1, 214 с.
23. Паршина Е. А., Мыц В. Л. Раскопки в урочище Ласпи. – «Археологические открытия 1978 г.», М., 1979 г., с. 382–383.
24. Филипенко-Коринфский А. А. К вопросу об исторической топографии путей сообщений и дорожных коммуникаций Ласпинской долины // Всероссийская Конференция (Семинар): Третий научный семинар «Археологические исследования в Южнобережном и Горном Крыму», Ялта, 21 ноября 2024 г.

25. Фирсов Л. В. Археологическая и радиоуглеродная датировка террас Ласпи в Крыму и их происхождение // БКИЧП. 1972. №38. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/arheologicheskaya-i-radiouglerodnaya-datirovka-terras-laspi-v-krymu-i-ih-proishozhdenie> (дата обращения: 25.04.2025).

26. Фирсов Л. В. Ильяс-Кая – над зелёной чашей Ласпи // Исары — Очерки истории средневековых крепостей Южного берега Крыма / А. Л. Якобсон, А. К. Конопацкий. – Новосибирск: Наука. Сибирское отделение, 1990. – 472 с.

27. Эрнст Н. Л. Описание памятников // Социалистическая реконструкция Южного берега Крыма. – Симферополь: Гос. издательство Крымской АССР, 1935. – 581 с.

УДК 9:9041

**ИЗУЧЕНИЕ СРЕДНЕВЕКОВОГО ЗАМКА КОКИЯ-ИСАР: ПЕРВЫЙ
ЭТАП²
EXPLORING THE MEDIEVAL CASTLE OF KOKIA-ISAR: THE FIRST
STAGE**

Кирпилёв Константин Сергеевич

*г. Севастополь, Севастопольский государственный университет, научный
сотрудник НИИ «Институт истории и археологии Византии и
Причерноморья», преподаватель базовой кафедры «Археология»*

Kirpilev Konstantin Sergeevich

*Sevastopol, Sevastopol State University, Research Fellow at the Institute of History
and Archaeology of Byzantium and the Black Sea Region, Lecturer at the Department
of Archaeology*

Аннотация. В статье представлены результаты исследования средневекового укрепления Кокия-исар. Полученные данные позволяют проследить историю изучения оборонительных сооружений на территории Юго-Западного Крыма. Результаты работы имеют важное значение для дальнейшего изучения средневековых укреплений Крыма и позволяют внести коррективы в существующую периодизацию развития фортификационных сооружений региона. Материалы исследования могут быть использованы при составлении археологической карты Юго-Западного Крыма и в дальнейших исследованиях средневековых укреплений полуострова.

² Работы проводились в рамках исполнения государственного задания «Комплексное историко-археологическое изучение Византии и Причерноморья в период поздней Античности и Средние века» (FEFM-2025-0002) НИИ «Институт истории и археологии Византии и Причерноморья» СевГУ

Abstract. The article presents the results of the first stage of the study of the medieval Kokiya-Isar castle, located on Cape Aya in the Balaklava district of Sevastopol. The study of this fortification of the 13th–14th centuries make a significant contribution to the study of the system of defensive structures of the late Byzantine period in the Southwestern Crimea. The study complements existing ideas about the chronology and functions of small fortifications of the late Byzantine period in Crimea. The research materials contribute to a deeper understanding of the processes of fortification construction and the administrative structure of the region in the 13th–14th centuries. The data obtained make it possible to trace the evolution of defensive structures on the territory of Southwestern Crimea and clarify the boundaries of the influence of various political forces in the region. The study also reveals the features of construction equipment and architectural solutions typical of this period. The results of the work are important for further study of the medieval fortifications of the Crimea and allow us to make adjustments to the existing periodization of the development of fortifications in the region. The research materials can be used in compiling an archaeological map of the Southwestern Crimea and in further studies of the medieval fortifications of the peninsula.

Ключевые слова: Юго-Западный Крым, г. Севастополь, Балаклавский район г. Севастополя, Кокия-исар, археологические разведки, объект культурного наследия, памятник археологии.

Keywords: Southwestern Crimea, Sevastopol, Balaklava District of Sevastopol, Kokiya-Isar, archaeological surveys, cultural heritage site, archaeological monument.

Средневековая история Крыма является неотъемлемой частью истории Византийской империи. При этом одним из ключевых, но изученных недостаточно, периодов в истории Византийского Крыма является поздневизантийский период (XIII–XV вв.), который в том числе стал временем прекращения функционирования большого числа малых крепостей (исаров) и поселений на территории полуострова [15, с. 48, 203; 16, с. 160]. Вопрос о времени существования этих укреплений неоднократно ставился разными исследователями на протяжении двух веков изучения истории Таврики и по сей день остается не до конца решённым. Одной из главных причин недостатка сведений об указанных объектах является малая изученность этого явления, которая обусловлена их труднодоступностью и зачастую плохой сохранностью, что подчёркивает необходимость изучения и сохранения памятников данного типа. В контексте обозначенной проблемы интересно укрепление Кокия-исар, которое расположено на плато вершины Кокия-кая на мысе Айя.

Кокия-Исар – развалины средневекового укрепления XIII–XIV вв. в Балаклавском районе Севастополя. Расположение: юго-западная часть Крыма, в 5 км к югу от села Резервное, на вершине мыса Айя, на горе Кокия-Кая (другие варианты названия скалы: Кокия-Кая-Баш, Кок-Кия-Кая, Кешлеме-кая). Размеры крепости: 110 на 70 м, общая площадь памятника 0,58 гектара. Укрепление отгорожено стеной длиной около 52 м. Южный и северный фланги стены замыкали прямоугольные башни на расстоянии 30 м (южная башня размером 6,5 на 8 м могла служить донжоном). Все постройки сложены из бута на песочно-известковом растворе. Ещё недавно стены сохранялись на высоту 4 м. при толщине в основании 1,4–1,6 м (сейчас задернованный вал). Изнутри к крепостной стене примыкали различные постройки, на западной оконечности мыса – руины небольшой одноапсидной церкви. Несколько десятилетий на территории исара располагалась воинская часть, и от средневековых построек почти ничего не осталось.

История изучения средневекового замка Кокия-исар охватывает полтора века. Первые труды, посвящённые исследованиям Кокия-исар появились ещё на ранних этапах изучения истории полуострова (XIX – начало XX вв.) и первооткрывателями на этом пути стали П. С. Паллас, К. Э. Кёлер, П. И. Кёппен и др. На данном этапе исследователи занимались визуальным осмотром руинированных остатков сооружений, сбором этнографических данных, топографией, составлением описаний фортификационной системы укреплений, поиском и изучением подъёмного материала, составлением чертежей и планов [8, с. 328; 12, с. 390; 13].

В советский период изучение объекта продолжалось усилиями профессиональных археологов, которые ввели в научный оборот новые материалы по результатам разведок. Для данного периода характерно плановое исследование памятников, сбор и исследование подъёмного материала, фиксация современного состояния объекта [1, с. 187-103; 2; 6, с. 20; 7, с. 191; 17, с. 405-433; 23; 28].

Дальнейшее изучение проводилось в основном в контексте уточнения границ княжества Феодоро и Генуэзских владений. Для современного этапа исследований характерно изучение и анализ накопленного материала, 3D моделирование объектов культурного и археологического наследия, составление топографических планов [9-11, 18, 20, 21].

Литература

1. Маликов В. М. Об археологических памятниках на урочище, примыкающем к мысу Айя // НАО ГМЗ ХТ. Ф. 1. Д. 767/III. Л. 187–193.

2. Репников Н. И. Материалы к археологической карте юго-западного нагорья Крыма // Копия рукописи из архива ЛОИА, 1939/40, ф. 10, оп. 1, д. 10, л. 15. 24.
3. Байбуртский, А. М. Средневековые древности урочища Аязьма вблизи Балаклавы: материалы к археологической карте / А. М. Байбуртский // ΧΕΡΣΩΝΟΣ ΘΕΜΑΤΑ: империя и полис: XI Международный Византийский Семинар. Материалы научной конференции, Севастополь-Балаклава, 03–07 июня 2019 года / Ответственный редактор Н. А. Алексеенко. – Севастополь-Балаклава: Федеральное государственное бюджетное учреждение науки "Институт археологии Крыма РАН", 2019. – С. 49-54.
4. Бочаров, С. Г. Могаричев Ю. М. История и археология Византийского Крыма / С. Г. Бочаров, Ю. М. Могаричев. – Симферополь: Н. Орианда, 2024. – 232 с.
5. Бочаров С. Г., Неделькин Е. В. Селения Чембальского консульства в XIV-XV вв.: Материалы к археологической карте // Учёные записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского. Исторические науки. 2017. №1. С. 16-44.
6. Домбровский О. И. Феодалная Таврика: Материалы из истории и археологии Крыма: Сборник статей / Отв. ред. чл.-кор. АН УССР С. Н. Бибииков; АН УССР. Ин-т археологии. – Киев: Наук. думка, 1974. – 216 с.
7. Дорогой тысячелетий Экскурсии по средневековому Крыму / Ред.-сост. И. О. Домбровский. – Симферополь: Крым, 1966. – 191 с.
8. Дюбуа де Монпере Ф., Путешествие по Кавказу, к черкесам и абхазам, в Грузию, Армению и в Крым. В 6 томах. – Париж, 1843. Т. 5, 6. – Симферополь: Бизнес-Информ, 2009. – 328 с.
9. Иванов А. В. Два плана крепости Кок-Кия исар из архива Херсонесского заповедника (к истории археологического изучения крымских исаров) // «Арсений Иванович Маркевич. I Таврические международные научные чтения», Симферополь, 2000, С. 16–20.
10. Иванов А. В. Крепости и замки Южного берега Крыма: мир крымского средневековья: путеводитель / А. В. Иванов. – Севастополь: Библекс, сор. 2008. – 288 с.
11. Иванов А. В. Навигационно-археологическое обозрение побережья Юго-Западного Крыма от мыса Херсонес до мыса Сарыч. В сб.: Морская торговля в Северном Причерноморье. Киев, 2001. С. 222–234.
12. Келлер К. Э. Донесение, представленное Императорской академии наук академиком Келлером о путешествии его в Крым в 1821 г. // Записки

Одесского Общества Истории и Древностей: Альманах. – Одесса: Типография Алексомати, 1872. – Т. VIII. – С. 390.

13. Кеппен П. И. О древностях Южного берега Крыма и гор таврических: Крымский сборник [С карт. Юж. Крыма и принадлежащим к ней указ.] / Соч. Петра Кеппена. – Санкт-Петербург: Имп. Акад. наук, 1837. – Т.14, 412 с.

14. Монтандон Ш. Путеводитель путешественника по Крыму, украшенный картами, планами, видами и виньетами и предваренный введением о разных способах переезда из Одессы в Крым. – К.: Издательский дом «Стилос», 2011. – 416 с.

15. Мыц В. Л. Сторожевые укрепления XIII в. «Херсакеи» и Крымской Готии // Поволжская Археология. – 2020. – № 2 (32). – С. 48 – 203.

16. Мыц В. Л. Укрепления Таврики X–XV вв. – Киев, 1991, – 160 с.

17. Фирсов Л. Исары – Очерки истории средневековых крепостей Южного берега Крыма / А. Л. Якобсон, А. К. Конопацкий. – Новосибирск: Наука. Сибирское отделение, 1990. – 470 с.

18. Неделькин Е. В. Границы княжества Феодоро и Генуэзской республики в Юго-Западной Таврике / Е. В. Неделькин // Причерноморье. История, политика, культура. – 2016. – № 19. – С. 81-107.

19. Неделькин Е. В. Средневековые замки на территории Севастополя (на примере Чоргунского (Бибиковского) исара) / Е. В. Неделькин // Потемкинские чтения: Сборник материалов II Международной научной конференции, Севастополь, 20–22 апреля 2017 года / Ответственный редактор О. В. Ярмак. – Севастополь: Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования "Севастопольский государственный университет", 2017. – С. 57-58.

20. Неделькин Е. В. К вопросу о границе княжества Феодоро и владений генуэзской республики в юго-западной Таврике // Материалы по археологии и истории античного и средневекового Причерноморья. 2013. №5. С. 53-81.

21. Неделькин, Е. В. К вопросу о системе пограничных крепостей княжества Феодоро в XV в / Е. В. Неделькин // История и археология Крыма. – 2017. – № 6. – С. 208-215.

22. Паллас П. С. Наблюдения, сделанные во время путешествия по южным наместничествам Русского государства в 1793–1794 годах / Пер. с нем. – М.: Наука, 1999. – С. 73. – 246 с.

23. Талис Д. Л. Оборонительные сооружения Юго-Западной Таврики как исторический источник // «Археологические исследования на юге Восточной Европы», М., 1974, С. 94.

24. Тункина, И. В. Малоизвестные страницы истории изучения Мангупа: академическая экспедиция Е. Е. Кёлера 1821 г / И. В. Тункина // Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии. – 2017. – № 22. – С. 433-447.

25. Тункина, И. В. Экспедиции Е. Е. Кёлера в Крым 1804 и 1821 гг. / И. В. Тункина // Проблемы античной культуры, Симферополь, 19–24 сентября 1988 года / Симферопольский государственный университет им. М.В. Фрунзе; Отдел археологии Крыма Института археологии АН УССР; Редакционная коллегия: Н. Х. Керасиди, Л. В. Павленко (ответственный редактор), Э. И. Соломоник. Том III. – Симферополь, 1988. – С. 307–309.

26. Эрнст Н. Л. Обзор археологических исследований в Крыму в 1935 году // Советская археология. 1937. № 3 С. 240–246.

27. Эрнст Н. Л. Описание памятников // Социалистическая реконструкция Южного берега Крыма. – Симферополь: Гос. издательство Крымской АССР, 1935. – С. 431. – 581 с.

28. Якобсон А. Л. Раннесредневековые сельские поселения юго-западной Таврики // МИА. – М., 1970. № 168.

УДК: 141:316.6

**КУЛЬТУРНАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ КАК ФАКТОР НЕДОПУЩЕНИЯ
ВХОЖДЕНИЯ В МОЛОДЕЖНОЕ ДЕСТРУКТИВНОЕ СООБЩЕСТВО
CULTURAL IDENTITY AS A FACTOR OF PREVENTING ENTRY
INTO YOUTH DESTRUCTIVE COMMUNITY**

Корнеева Карина Владимировна

*Рядовой полиции, курсант, Крымский филиал Краснодарского
университета МВД России*

Korneeva Karina Vladimirovna

*Private police officer, cadet, Crimean branch of Krasnodar University of the
Ministry of Internal Affairs of Russia*

Научный руководитель: Чудина-Шмидт Наталья Витальевна

*к.филос.н., доцент, доцент кафедры гуманитарных и социально-экономических
дисциплин Крымского филиала Краснодарского университета МВД России,
г. Симферополь, Крымский филиал Краснодарского университета МВД России*

Supervisor: Natalia Vitalievna Chudina-Schmidt

*PhD in Philosophical Sciences, Associate Professor, Department of Humanities
and Socioeconomic Disciplines, Crimean Branch of the Krasnodar University of the
Ministry of Internal Affairs of Russia, Simferopol, Crimean Branch of the Krasnodar*

Аннотация. В статье рассматривается культурная идентичность как значимый превентивный фактор, препятствующий вовлечению молодежи в деятельность деструктивных сообществ. Анализируются ключевые механизмы, посредством которых укорененность в культурной традиции способствует формированию устойчивости к радикальным идеологиям и асоциальному поведению. На основе анализа эмпирических данных и теоретических концепций обосновывается необходимость целенаправленного внедрения культурной идентичности в систему профилактической работы с молодёжью.

Abstract. The article examines cultural identity as a significant preventive factor that prevents young people from becoming involved in destructive communities. It analyzes the key mechanisms through which cultural identity contributes to the formation of resistance to radical ideologies and antisocial behavior. Based on the analysis of empirical data and theoretical concepts, the article argues for the need to purposefully implement cultural identity in the system of preventive work with young people.

Ключевые слова: культурная идентичность, молодежь, деструктивные сообщества, профилактика, традиционные ценности, психологическая устойчивость.

Keywords: cultural identity, youth, destructive communities, prevention, traditional values, and psychological resilience.

Современная молодёжь существует в условиях высокой социальной напряженности, экономического и политического кризисов, постоянного информационного давления [3, 13]. Подобный уровень дестабилизации общества неизбежно повышает распространение деструктивных идеологий и практик. Террористические и экстремистские группы всех идеологических направлений целенаправленно ориентируются на молодую аудиторию, которая в условиях кризиса наиболее подвержена негативному влиянию извне [5]. Профилактика деструктивных проявлений актуализируется, а поиск недопущения вхождения молодежи в деструктивные сообщества становится приоритетной задачей [8, с. 4]. Проблема культурной идентичности относится к числу ключевых вызовов современности. Для молодого человека вопросы «кто я?», «каковы мои ценности?», «что меня объединяет с другими, а что разделяет?» становятся центральными в процессе самоопределения. Актуализация проблемы культурной идентичности обусловлена несколькими взаимосвязанными факторами: глобализацией, расширением прав и свобод, технологическим развитием и феноменом «разрыва поколений» [8, с. 4]. Именно в этом контексте культурная идентичность приобретает значение ключевого защитного ресурса.

Традиционно профилактика деструктивного поведения молодежи базируется на выявлении факторов риска, однако все большее внимание исследователей привлекают защитные факторы, среди которых особое место занимает культурная идентичность. Как справедливо отмечают Ляушева и Абдулаева, «появление экстремизма среди молодежи есть результат дестабилизации традиционной культуры» [2, с. 1].

Целью данной статьи является теоретическое обоснование роли культурной идентичности как превентивного фактора, предотвращающего вовлечение молодежи в деструктивные сообщества.

Для достижения поставленной цели решаются следующие задачи:

1. Раскрыть сущность культурной идентичности и механизмы ее формирования в молодежной среде;
2. Выявить основные факторы, ослабляющие культурную идентичность и повышающие уязвимость молодежи;
3. Проанализировать протективный потенциал культурной идентичности;
4. Определить роль основных институтов социализации в укреплении культурной идентичности;
5. Предложить направления практической работы по внедрению культурной идентичности в молодежной среде.

Культурная идентичность представляет собой осознание человеком своей принадлежности к определенной культурной общности, принятие ее ценностей, норм, традиций [4, с. 54]. В психологическом аспекте она выполняет функции: обеспечивает чувство безопасности, формирует позитивную самооценку, создает систему жизненных ориентаций, структурирует картину мира. Все эти функции приобретают особое значение в юношеском возрасте [9].

Как показывают исследования [15, с. 2], одной из основных причин популярности субкультур среди молодежи является поиск идентичности. Деструктивные группы намеренно эксплуатируют эту потребность, предлагая формы идентичности, основанные на противопоставлении «своих» и «чужих», культе силы [11, с. 60].

Превентивный механизм культурной идентичности раскрывается через несколько взаимосвязанных элементов:

Во-первых, устойчивая культурная идентичность создает фильтр, через который молодой человек оценивает информацию. Традиционные ценности (приоритет семьи, уважение к старшим, ценность жизни) выступают внутренним ориентиром, препятствующим принятию идеологий насилия. В рамках экстремистских идеологий формируется система антиценностей [10, с. 22].

Во-вторых, позитивная культурная идентичность удовлетворяет потребность в принадлежности в конструктивной форме. Участие в культурных мероприятиях, изучение родного языка и традиций дает ощущение связи с общностью, имеющей глубокие корни. Это снижает привлекательность деструктивных групп.

В-третьих, культурная идентичность способствует формированию критического мышления. Погружение в культуру развивает способность видеть многозначность мира и противостоять упрощенным идеологиям. Эмпирические исследования свидетельствуют, что около половины опрошенной молодежи осознает факт идеологического воздействия, а более половины готовы защищать традиционные ценности [11, с. 108].

Образовательные организации играют значительную роль в формировании культурной идентичности. Интеграция в учебные программы курсов о культурном наследии, внеурочная деятельность, дополнительное образование – все это способствует формированию позитивного образа своей культуры. Формирование гражданской идентичности при сохранении традиционных этнических культур является необходимым условием профилактики деструктивных проявлений [10, с. 24]. Этнокультурное просвещение формирует способность признавать различия как позитивные, что является противоядием от ксенофобии и экстремизма.

Эффективность профилактических стратегий, апеллирующих к культурной идентичности, подтверждается исследованиями. Данные опроса молодежи Республики Адыгея показывают низкий уровень вовлеченности в деструктивные субкультуры [7]. Это может быть связано с сохранностью традиционной культуры и работой по ее популяризации. Рост интереса российской молодежи к народным традициям также свидетельствует о востребованности позитивной идентичности.

В качестве угрозы, ослабляющей культурную идентичность, необходимо рассматривать распространение через цифровые платформы контента, дискредитирующего традиционные ценности и культивирующего гедонистические установки. Особую опасность представляет контент, пропагандирующий агрессию, культ смерти. В этих условиях задача укрепления культурной идентичности приобретает характер информационной безопасности [1].

Основные направления нейтрализации деструктивных детерминант через укрепление культурной идентичности:

1. Семейно-ориентированное направление: просвещение родителей, поддержка семейных традиций и ритуалов, организация семейных культурно-досуговых мероприятий.

2. Образовательное направление: интеграция этнокультурного компонента в образовательные программы всех уровней, разработку и внедрение учебных курсов по культурному наследию, организацию проектной и исследовательской деятельности учащихся по изучению локальной культуры.

3. Институционально-культурное направление: поддержка учреждений культуры (библиотек, музеев, домов культуры), реализующих программы для молодежи по возрождению и популяризации народных традиций, ремесел, фольклора.

4. Цифровое направление: создание и продвижение в социальных сетях и мессенджерах позитивного культурного контента, разработку онлайн-ресурсов, знакомящих с культурным наследием в интерактивной, привлекательной для молодежи форме, а также обучение молодежи навыкам распознавания и критической оценки деструктивного контента, угрожающего культурной идентичности.

5. Научно-методическое направление: изучение механизмов превентивного действия культурной идентичности, разработку и валидизацию методик оценки уровня сформированности культурной идентичности у молодежи, а также создание программ повышения квалификации для специалистов, работающих с молодежью, по вопросам использования культурно-идентификационного ресурса в профилактической работе.

Проведенный анализ позволяет утверждать, что культурная идентичность является значимым, хотя и недооцениваемым, фактором, препятствующим вовлечению молодежи в деструктивные сообщества. Устойчивая культурная идентичность выполняет превентивные функции: создает когнитивный фильтр, удовлетворяет потребность в принадлежности, развивает рефлекссию. Ослабление идентичности создает «идентификационный вакуум», который заполняется суррогатными формами принадлежности [12, 14].

Ключевыми институтами формирования культурной идентичности как превентивного фактора выступают семья, система образования и учреждения культуры. Их консолидированные усилия способны создать устойчивый «культурный иммунитет». Перспективным направлением является разработка программ и методик для укрепления культурной идентичности в различных группах молодёжи с учётом региональной специфики.

Литература

1. Деструктивный контент как скрытая угроза – уроки трагедии в Одинцово // Парламентская газета, 2025.
2. Козлов В. Е. Деструктивные фреймы социального поведения: антропологический анализ идеологии «Колумбайн». Казань, 2024.
3. Коноплева А. А. Влияние политического фактора на развитие идентичности молодежи (на примере республики Крым) // Евразийский юридический журнал. 2023. № 6 (181). С. 539-540.
4. Летина Н. Н., Чернявская А. П. Аксиологические основания формирования культурной идентичности молодежи новых регионов России // Культура и образование. 2025. Т. 6. № 3. С. 51–66.
5. Литвинова О. С. Профилактика экстремистской идеологии среди молодёжи // В сборнике: Профилактика девиантного поведения детей и молодёжи: региональные модели и технологии. сборник статей по материалам III Международной научно-практической конференции. Симферополь, 2021. С. 186-189.
6. Ляужева С. А., Абдулаева Э. С. «О контркультурных детерминантах молодежного экстремизма» // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки.
7. Мамижева З. Х. Современная молодежь в контексте социокультурного влияния субкультурных общностей (на примере Республики Адыгея) // Вестник Майкопского государственного технологического университета. 2025.
8. Назаренко А. Н. Лекции по культурной идентичности: учебное пособие / Ленинградский гос. ун-т им. А. С. Пушкина. – Казань: Бук, 2024. – 76 с.
9. Никитина Л. Н. Негативное влияние компьютерных игр на подрастающее поколение // В сборнике: Феноменология и профилактика девиантного поведения. Материалы IX Всероссийской с международным участием научно-практической конференции. Электронное издание. ответственный за выпуск: А. А. Таганова, И. С. Нестеренко. 2016. С. 109-111.
10. Профилактика деструктивной деятельности в образовательных организациях высшего образования: проблемы и предложения // Учёные записки. 2024.
11. Слинкова О. К., Вишневская Е. В., Богомазова И. В. Традиционные российские ценности и их преломление в сознании студенческой молодежи // Научный результат. Сер. Технологии бизнеса и сервиса. 2025. Т. 11. № 1. С. 97–111.
12. Чудина-Шмидт Н. В. Склонность человека к экстремальному // Евразийский юридический журнал. 2017. № 11 (114). С. 449-450.

13. Чудина-Шмидт Н. В. Социальные условия перехода личности в состояние экстремала-дестроера// В сборнике: Обеспечение общественной безопасности и противодействие преступности: задачи, проблемы и перспективы. Материалы Всероссийской научно-практической конференции. 2020. С. 508-511.

14. Чудина-Шмидт Н. В. Факторы экстремального поведения личности //Евразийский юридический журнал. 2016. № 7 (98). С. 347-349.

15. Швецова М. А., Морина К. Р. Методы противодействия молодежным деструктивным субкультурам // Интерактивная наука.

УДК 372.89:930.1

**ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ЭЛЕМЕНТОВ МИКРОИСТОРИИ В ПРОЦЕССЕ
ИЗУЧЕНИЯ ИСТОРИИ ШКОЛЬНИКАМИ 5–9 КЛАССОВ
THE USE OF MICRONISTORY ELEMENTS IN THE PROCESS OF
STUDYING HISTORY BY SCHOOLCHILDREN IN GRADES 5-9**

Корчагин Никита Юрьевич

Студент 3 курса, кафедра истории и философии, Гуманитарно-педагогическая академия (филиал) Крымского федерального университет имени В. И. Вернадского в г. Ялта

Korchagin Nikita Yurievich

3rd year student Department of History and Philosophy, Humanitarian and Pedagogical Academy (branch) of the Vernadsky KFU in Yalta

Научный руководитель: Бекирова Эльмира Шевкетовна, кандидат педагогических наук, доцент, доцент кафедры истории и философии Гуманитарно-педагогической академии (филиал) Крымского федерального университет имени В. И. Вернадского в г. Ялта

Supervisor: Bekirova Elmira Shevketovna, PhD in Pedagogical Sciences, Associate Professor, Institute of Pedagogy, Humanitarian and Pedagogical Academy (branch) of the Vernadsky KFU in Yalta

+

Аннотация. Современное историческое образование ориентировано не только на усвоение фактического материала, но и на формирование у обучающихся целостного представления о прошлом, развитие исторического мышления и личностного отношения к истории. В этой связи особую значимость приобретает микроисторический подход, позволяющий рассматривать крупные исторические процессы через призму локальных событий, судеб отдельных

людей и сообществ. Цель данной статьи – проанализировать возможности использования элементов микроистории в преподавании истории учащимся 5–9 классов.

Abstract. Modern historical education is focused not only on the assimilation of factual material, but also on the formation of students' holistic view of the past, the development of historical thinking and personal attitude to history. In this regard, the micro-historical approach is of particular importance, allowing us to consider major historical processes through the prism of local events, the fate of individuals and communities. The purpose of this article is to analyze the possibilities of using microhistory elements in teaching history to students in grades 5-9.

Ключевые слова: микроистория, педагогика, история, история семьи, приземленность, наглядность, историческая преемственность, культурная идентичность.

Keywords: microhistory, pedagogy, history, family history, mundanity, visibility, historical continuity, cultural identity.

Микроистория как направление исторической науки сформировалась во второй половине XX века и связана с именами таких исследователей, как Карло Гинзбург и Эмманюэль Ле Руа Ладюри. Её ключевая особенность – внимание к «малому масштабу»: отдельной личности, семье, деревне или локальному сообществу. Такой ракурс позволяет реконструировать повседневную жизнь, менталитет и культурные практики людей прошлого, которые часто остаются вне поля зрения традиционной «большой истории».

Так, в работе К. Гинзбурга «Сыр и черви» на основе материалов инквизиционного процесса воссоздается картина мира мельника XVI века, что позволяет проследить взаимодействие народной культуры с официальной религиозной доктриной [1]. Исследователь подчеркивает, что доступ к народной культуре затруднен: чаще всего она фиксируется косвенно – через документы, созданные представителями властных структур [1]. Э. Ле Руа Ладюри в исследовании «Монтайю, окситанская деревня» анализирует жизнь средневекового крестьянского сообщества, опираясь на протоколы инквизиционных допросов. Такой подход дает возможность воссоздать повседневность, социальные связи и ментальные установки жителей деревни [2]. Оба труда демонстрируют потенциал микроистории как метода глубокого погружения в прошлое.

Включение элементов микроистории в школьное обучение помогает решать ряд педагогических задач. Прежде всего, оно конкретизирует историческое знание: абстрактные процессы – такие как Реформация,

Средневековые или социальные изменения – становятся понятнее через судьбы конкретных людей. Кроме того, усиливается личностная вовлеченность учащихся: история перестает восприниматься как набор дат и превращается в осмысленное повествование.

Микроистория играет важную роль и в формировании гражданской и культурной идентичности. Как отмечает М. С. Адамчик, обращение к локальной истории формирует у учащихся чувство принадлежности к своему региону, способствует пониманию культурного многообразия и исторической преемственности [3]. Изучение истории семьи, родного края, биографий местных жителей связывает личный опыт школьника с историческим знанием.

В образовательной практике элементы микроистории реализуются через разные формы работы. Одна из наиболее эффективных – анализ источников личного характера: писем, дневников, судебных протоколов. Например, адаптированные фрагменты инквизиционных процессов, использованные Гинзбургом и Ладюри, можно применять на уроках для анализа исторического мышления людей прошлого.

Другой важной формой выступает проектная деятельность. Учащиеся исследуют историю своей семьи, школы или населенного пункта, привлекая архивные материалы, устные свидетельства и фотографии. Такая работа развивает исследовательские навыки и формирует представление об истории как процессе, в котором участвуют обычные люди.

Эффективен и метод исторической реконструкции, при котором учащиеся моделируют жизненные ситуации прошлого. Например, школьники могут заручиться поддержкой местного исторического клуба и становятся участниками тех или иных исторических событий, попутно ознакамливаясь и изучая микроисторические данные. Это развивает эмпатию и историческое воображение.

При этом важно учитывать возрастные особенности учащихся 5–9 классов. Для данного возраста характерно наглядно-образное мышление, поэтому микроисторический подход с его конкретностью и «человеческим измерением» оказывается особенно продуктивным. Однако материал следует адаптировать, избегая избыточной сложности и соблюдая баланс между научной достоверностью и доступностью.

В то же время использование микроистории имеет ограничения. Существует риск фрагментарного восприятия прошлого: не все эпохи и регионы обеспечены достаточным количеством источников, часть архивных материалов утрачена, а степень изученности территорий неравномерна. Это может смещать акценты в сторону лучше исследованных кейсов. Поэтому микроисторический

подход целесообразно сочетать с макроисторическим, чтобы сохранять целостное представление об историческом процессе.

В заключении стоит сказать, что элементы микроистории могут выступать эффективным инструментом преподавания истории в 5–9 классах. Они конкретизируют знания, могут повышать учебную мотивацию, развивать критическое мышление и формировать личностное отношение к прошлому. При грамотной методической организации микроистория соединяет «большую» и «малую» историю, делая обучение более комплексным, осмысленным и содержательным.

Литература

1. Гинзбург К. Сыр и черви. Картина мира одного мельника, жившего в XVI в. — М.: РОССПЭН, 2000 – 271 с.
2. Ле Руа Ладюри Э. Монтайю, окситанская деревня (1294–1324). – Екатеринбург: Изд-во Уральского университета, 2001 – 536 с.
3. Адамчик М. С. Микроистория в пространстве гражданско-патриотического воспитания // Интеграция образования. – 2012 – № 2 – С. 83-88.
4. Казус: Индивидуальное и уникальное в истории – 2014–2016. Вып. 11 / Под ред. О. И. Тогоевой и И. Н. Данилевского; Институт всеобщей истории РАН. – М.: «Индрик», 2016 – 392 с.
5. Казус: Индивидуальное и уникальное в истории – 2017. Вып. 12 / Под ред. О. И. Тогоевой и И. Н. Данилевского; Институт всеобщей истории РАН. – М.: «Индрик», 2017. – 336 с.

УДК 372.893

**ХУДОЖЕСТВЕННАЯ ЛИТЕРАТУРА КАК СРЕДСТВО ФОРМИРОВАНИЯ
ИСТОРИЧЕСКОГО МЫШЛЕНИЯ И ВООБРАЖЕНИЯ НА УРОКАХ
ИСТОРИИ В СРЕДНЕЙ ШКОЛЕ
FICTION AS A MEANS OF DEVELOPING HISTORICAL THINKING AND
IMAGINATION IN HISTORY LESSONS IN SECONDARY SCHOOLS**

Лузанов Елисей Павлович

Студент 4 курса, кафедра истории и философии, Гуманитарно-педагогическая академия (филиал) Крымского федерального университет имени В. И. Вернадского в г. Ялта

Luzanov Elisey Pavlovich

4rd year student Department of History and Philosophy, Humanitarian and Pedagogical Academy (branch) of the Vernadsky KFU in Yalta

Научный руководитель: Бекирова Эльмира Шевкетовна, кандидат педагогических наук, доцент, доцент кафедры истории и философии Гуманитарно-педагогической академии (филиал) Крымского федерального университет имени В. И. Вернадского в г. Ялта

Supervisor: Bekirova Elmira Shevketovna, PhD in Pedagogical Sciences, Associate Professor, Institute of Pedagogy, Humanitarian and Pedagogical Academy (branch) of the Vernadsky KFU in Yalta

Аннотация. В статье рассматривается проблема формирования исторического мышления у школьников в условиях преобладания описательного подхода в преподавании истории. На основе анализа трудов отечественных методистов выявлены образовательные, воспитательные и развивающие возможности интеграции художественных текстов в учебный процесс, а также предложена классификация произведений и методических приемов работы с ними. Особое внимание уделяется роли художественных образов в преодолении модернизации истории и активизации познавательной деятельности современных школьников.

Abstract. This article examines the development of historical thinking in schoolchildren in the context of the predominantly descriptive approach to history teaching. Based on an analysis of the works of Russian methodologists, the educational, developmental, and pedagogical potential of integrating literary texts into the educational process is identified, and a classification of works and methodological approaches for working with them is proposed. Particular attention is given to the role of artistic images in overcoming the modernization of history and activating the cognitive activity of modern schoolchildren.

Ключевые слова: художественная литература, историческое мышление, методика преподавания истории, уроки истории, познавательная активность.

Key words: fiction, historical thinking, methods of teaching history, history lessons, cognitive activity.

Введение

В современной практике школьного исторического образования существует противоречие между целью, поставленной Федеральным государственным образовательным стандартом (формирование у учащихся мышления), и реальным положением дел. Зачастую преподавание истории носит описательный характер: учитель транслирует факты, а ученик занимает пассивную позицию. Это приводит к разрыву между знанием фактов и их

пониманием, что препятствует формированию исторического мышления. Суть исторического мышления заключается в способности анализировать процессы, выявлять причинно-следственные связи и структурировать информацию, опираясь не на разрозненные сведения, а на целостную систему знаний о прошлом [5, с. 260–262].

Многие педагоги (А. А. Вагин, К. Д. Ушинский) сходились во мнении, что мышление невозможно без базы знаний, которая, в свою очередь, должна опираться на конкретные образы. Чем ярче исторические образы, тем содержательнее система исторических понятий. В связи с этим актуальной становится проблема использования художественной литературы как средства, позволяющего создавать эти образы и формировать на их основе историческое мышление и воображение школьников. Цель данной работы – обобщить теоретико-методические основы использования художественной литературы на уроках истории и показать ее потенциал для развития познавательной активности учащихся.

Теоретической базой исследования послужили труды отечественных методистов и педагогов, посвященные вопросам интеграции художественных текстов в процесс обучения истории. В частности, были проанализированы работы А. А. Вагина, М. Т. Студенкина, И. З. Озерского, С. А. Ежовой, А. В. Дружковой и др. Методологическую основу составил анализ психолого-педагогической и методической литературы по проблеме исследования.

В ходе работы была рассмотрена классификация художественной литературы, предлагаемая для использования на уроках истории. Выделены две основные группы: литературные источники (памятники эпохи, созданные очевидцами или современниками событий) и историческая беллетристика (романы, повести, созданные на основе изучения автором исторических материалов) [2, с. 241]. Ключевыми критериями отбора произведений являются их историческая достоверность и высокая художественная ценность.

Особое внимание в исследовании уделено методическим приемам работы с текстом, которые классифицируются по уровням познавательной самостоятельности учащихся: воспроизводящий, преобразующий и творческо-поисковый [3, с. 72].

Анализ научно-методической литературы позволил систематизировать образовательные, воспитательные и развивающие возможности использования художественной литературы на уроках истории.

1. Образовательные результаты. Использование литературных фрагментов позволяет существенно повысить уровень развития творческих способностей, воспитать интерес к предмету и познакомить с литературным наследием

России [6]. Литература помогает школьникам погрузиться в исторический период, ярче воспринимать образы личностей, прочувствовать моральный выбор людей прошлого [4, с. 25-27]. Это способствует формированию конкретных и четких представлений о быте, людях и событиях прошлого.

2. Воспитательные результаты. Художественные образы, воссоздавая картины прошлого, пробуждают у учащихся эмоции, что содействует формированию нравственных ориентиров и жизненных идеалов, культивирует бережное отношение к отечественной истории.

3. Развивающие результаты. Работа с художественными текстами активизирует мыслительные процессы. В условиях современного снижения читательской активности, когда учащиеся получают информацию преимущественно из мультимедийных источников, использование литературы способствует развитию образного и текстового мышления, учит анализировать и запоминать информацию.

На практике эффективность демонстрируют следующие приемы работы: прямое цитирование, анализ литературных памятников, краткий пересказ, включение образов в изложение нового материала, а также построение урока на основе одного произведения [1, с. 58]. В зависимости от уровня познавательной деятельности (воспроизводящий, преобразующий, творческо-поисковый) эти приемы реализуются в индивидуальной, групповой или фронтальной работе учащихся [3, с. 72].

Проведенный анализ позволяет сделать вывод, что художественная литература является не просто иллюстративным материалом, а действенным педагогическим инструментом, решающим комплекс образовательных и воспитательных задач.

Интеграция художественных текстов в урок истории выходит за рамки просто углубления знаний. Она позволяет решить проблему «модернизации» истории, когда учащиеся судят о прошлом с позиций современности. Создавая яркие, достоверные образы, литература помогает преодолеть этот разрыв и способствует формированию подлинного исторического мышления, основанного на понимании духа эпохи.

Кроме того, использование литературы частично компенсирует проблему снижения читательской активности: работа с небольшими, но эмоционально насыщенными фрагментами на уроке активизирует мыслительные процессы и развивает образное восприятие материала. Грамотный отбор произведений с точки зрения их исторической достоверности и художественной ценности гарантирует высокую педагогическую эффективность, позволяя учащимся не

просто запомнить факты, а осмыслить их, пропустить через воображение и сделать частью своей картины мира.

Литература

1. Аксенова, Л. Н. Произведения Л. Н. Толстого как источник формирования исторических представлений / Л. Н. Аксенова // Л. Н. Толстой - мыслитель, художник, педагог и современность : Материалы международной научной конференции, посвященной 100-летию со дня смерти Л. Н. Толстого, Орехово-Зуево, 15 мая 2011 года. – Орехово-Зуево: МГОГИ, 2011. – С. 58.

2. Батаргалиева Н. А. Методика использования художественной литературы на уроках истории // Актуальные проблемы Российской цивилизации. – 2024. – С. 241.

3. Дергачева Н. С. Использование художественной литературы на уроках истории в средней школе. – 2015. – С. 72.

4. Кирдяшев, М. С. Целесообразность использования художественной литературы на уроках истории / М. С. Кирдяшев // Сборник научных трудов преподавателей, магистрантов и аспирантов юридического факультета СФ МГПУ. Том Выпуск 2. – Самара: Московский городской педагогический университет, 2018. – С. 25-27.

5. Лыскова М. И. Влияние художественной литературы на формирование массового исторического сознания // Научно-методический электронный журнал «Концепт». – 2013. – Т. 3. – С. 2961–2965. – URL: <http://e-koncept.ru/2013/53598.htm>.

6. Носова О. В. Использование художественной литературы на уроках истории и обществознания для подготовки ОГЭ. URL: <http://www.imc-new.com/summaryatt/995-2017-03-03-12-04-19> (дата обращения: 25.11.2025).

УДК 008:004.7

Национальная культура в условиях новой цифровой реальности National culture in the context of the new digital reality

Максимович Валерий Александрович

*д-р филол. наук, профессор, заведующий кафедры философии
литературы и эстетики Института философии Национальной академии наук
Беларуси*

Maximovich Valery Alexandrovich

Doctor of Philology, Professor, Head of the Department of Philosophy of Literature and Aesthetics at the Institute of Philosophy of the National Academy of Sciences of Belarus

Аннотация. Статья посвящена анализу трансформации национальной культуры в условиях тотальной цифровизации, которая выступает не просто инструментом, а конститутивной средой культурного бытия. Цифровая реальность рассматривается как гибридное пространство, сочетающее глобальный универсализм с возможностями для новой партикулярности и актуализации знаково-символических форм. Обосновывается тезис о том, что жизнеспособность национальной культуры в XXI веке определяется не степенью изоляции, а способностью к «культурному экспорту» собственных смыслов в конкурентоспособных цифровых форматах. Особое внимание уделяется процессам децентрализации и демократизации культурного кода, где традиционные архетипы и мифологемы обретают новую форму бытования через визуальные сети. На примере литературного классического наследия показано, как цифровая среда превращает канонический текст в открытый код для сотворчества и диалога поколений. Формулируется вывод о том, что цифровая реальность выступает сложным культурным катализатором, требующим перевода национальных кодов на язык новой эпохи, что открывает перспективы для актуализации духовно-творческого потенциала культуры.

Abstract. The article is devoted to the analysis of the transformation of national culture in the context of total digitalization, which acts not just as a tool, but as a constitutive environment of cultural existence. Digital reality is considered as a hybrid space combining global universalism with opportunities for new particularity and actualization of symbolic forms. The thesis is substantiated that the viability of national culture in the 21st century is determined not by the degree of isolation, but by the ability to "culturally export" its own meanings in competitive digital formats. Special attention is paid to the processes of decentralization and democratization of the cultural code, where traditional archetypes and mythologems take on a new form of existence through visual networks. Using the example of literary classical heritage, it is shown how the digital environment turns canonical text into open-source code for co-creation and dialogue between generations. The conclusion is formulated that digital reality acts as a complex cultural catalyst requiring the translation of national codes into the language of a new era, which opens up prospects for actualizing the spiritual and creative potential of culture.

Ключевые слова: Национальная культура, цифровая реальность, культурные коды, цифровая трансформация, знаково-символические формы,

семиотическая система, культурная идентичность, цифровое культуротворчество, образная модель мира, глобализация.

Keywords: National culture, digital reality, cultural codes, digital transformation, symbolic forms, semiotic system, cultural identity, digital cultural creation, figurative model of the world, globalization.

Введение. На рубеже XX–XXI веков человечество вступило в фазу тотальной цифровой трансформации, оказывающей свое влияние на самые глубинные основы культурного бытия. Цифровая реальность, представляющая собой гибридное пространство, сотканное из информационных потоков, интерактивных интерфейсов и алгоритмических сред, перестала быть просто «инструментом» или «новой площадкой» для культуры. Она стала ее конститутивной средой – новым онтологическим условием, в котором рождается, транслируется и переживается смысл. Реалии времени дают основания для констатации факта фундаментальной трансформации культуротворческого потенциала в этой новой реальности, в которой значимое место занимает цифровая среда, парадоксальным образом сочетающая глобальный универсализм и потенциал для новой партикулярности и создающая беспрецедентные возможности для развития, актуализации и инновационного формирования ценностно-смысловых и знаково-символических форм национальной культуры. Национальная культура в цифровую эпоху – это уже не только сокровищница охраняемых памятников, но и **динамический проект по производству смыслов**, в котором могут участвовать как государственные институты, так и цифровые сообщества, художники, программисты и ученые. «Культура становится программным обеспечением. Теперь она не просто хранится в цифровом формате – она создается, распространяется и потребляется с использованием инструментов программирования, что делает ее текучей и глобально доступной» [1, с. 64]. Ее жизнеспособность определяется не степенью изоляции от глобального потока, а **способностью к культурному экспорту собственных смысловых миров**, упакованных в убедительные и конкурентоспособные цифровые форматы – от игровых вселенных до виртуальных музеев и образовательных платформ. Вместе с тем, современная эпоха ставит перед национальным культуротворчеством беспрецедентные вызовы. Процессы цифровизации общества, глобализация культурных форм, деинституционализация традиционного искусства создают критическую ситуацию, в которой прежние механизмы трансмиссии культурных кодов функционируют неоптимально. В ситуации происходящих трансформаций в традиционных формах искусства обнаруживаются некоторые проблемные зоны

социально-гуманитарного и ценностно-смыслового плана, что чревато не просто исчезновением определённых эстетических модусов, но и может иметь своим следствием редукцию самих каналов, через которые осуществляется генерирование и циркуляция образной модели мира.

Методы и материалы. Философско-культурологический анализ сочетается с диалектическим методом и методом структурно-функционального анализа, связанного с выявлением изменений в механизмах трансмиссии культурного наследия и адаптации образной модели мира к новым цифровым форматам. Понятийно-категориальный аппарат опирается на концепты «цифровая реальность», «образная модель мира», «культурный код», «семиотическая система», «культурный экспорт», что позволяет выстроить междисциплинарную рамку исследования на стыке философии культуры, семиотики и медиатеории.

Обсуждение и заключения. Процессы социокультурных изменений убеждают в том, что насыщение и обогащение ценностно-смысловых и знаково-символических форм национальной культуры в условиях цифрового общества происходит через качественную трансформацию художественных практик. Цифровая среда парадоксальным образом создаёт новые возможности для артикуляции и демонстрации знаково-символических форм национальной культуры. Интернет как пространство культурного творчества становится той ареной, где традиционные мифологические архетипы находят новые формы экспрессии – через визуальные сети, текстовые практики, цифровые нарративы. Эти формы, будучи технически опосредованы, тем не менее сохраняют органическую связь с глубинными культурными кодами и семиотическими системами, сформировавшимися в недрах национального исторического опыта. Исследователи отмечают в этой связи, что «цифровой образ не просто дублирует реальность, он становится новой формой бытования культурного кода. Традиционные смыслы сегодня обретают устойчивость только через технологическое воплощение, где медиа среда выступает не внешним инструментом, а внутренним условием актуализации национального наследия» [2, с. 174].

Существенное значение имеет то, что процесс трансформации национальной образной модели мира в цифровом пространстве предполагает не столько её эрозию, сколько её миграцию и адаптацию. Традиционные символические формы переживают не рецессию, а метаморфозу – они переконтекстуализируются в новые семиотические системы, приобретают новые функциональные характеристики, но при этом сохраняют семантическую генеалогия.

Цифровая среда одновременно *сжимает* культурное время и пространство, мгновенно тиражируя образы и нарративы, и *взрывает* их изнутри, генерируя бесконечные вариации, ремиксы и альтернативные прочтения. Так, национальный миф, помещенный в мем-культуру или интерактивный сериал, теряет монолитность, но обретает искомую актуальность, вовлекая аудиторию в активную интерпретацию. Это процесс не разрушения, а **децентрализации и демократизации культурного кода**, который из догмы превращается в живой язык для диалога. При этом цифровая культура не отменяет традицию, но превращает ее из коллективной памяти в **активную, интерактивную и «ответствующую» среду**. К примеру, оцифрованный фольклорный архив, дополненный реальностью, может «откликаться» на запрос пользователя, а историческая реконструкция в VR позволяет не просто увидеть, но и «пережить» событие. Это создает основу для **эмоционально-когнитивного присвоения наследия**, где знание превращается в опыт, а идентичность – в личностно проживаемое путешествие сквозь слои времени. Успех в этой трансформации будет означать не сохранение культуры в музейном смысле, а обретение ею нового **культуротворческого потенциала – способности быть вечно укорененным и постоянно обновляющимся языком, на котором говорит и творит нация в XXI веке**.

Литературное классическое наследие тоже является показательной **конкретизацией** и демонстрацией действия цифрового катализатора / цифровой платформы, превращающей канонический, «музейный» текст в живой, вовлекающий и смыслообразующий совместный проект, в котором текст становится открытым кодом, являющимся основой для модификации, переосмысления в рамках новой этики со-творчества. Интерактивные адаптации, подкаст-сериалы с альтернативными точками зрения персонажей, цифровые карты перемещений героев, коллективные аннотации, фанфикшн-вселенные, разветвленные сюжеты, созданные сообществом на основе исходного текста, краудсорсинговые исследования – все это превращает национального классика из единоличного гения в **соавтора диалога с поколениями**. Именно поэтому национальное культуротворчество остаётся жизнеспособным именно благодаря своей гибкости, способности к семиотическому трансцендированию и инновационной интеграции традиционных форм в новые медийные и технологические контексты.

Основные выводы исследования. Перспективы дальнейшего исследования открываются в направлении детальной экспликации механизмов, посредством которых традиционные мифологические структуры и культурные архетипы адаптируются к цифровым форматам и новым эстетическим модусам.

Особое внимание требует вопрос о том, как процессы гибридизации культурных форм – встреча национального с глобальным, традиционного с инновационным – трансформируют саму семиотическую ткань образной национальной модели мира. Кроме того, требует дальнейшей разработки проблема степени и характера сохранения культурной идентичности в условиях, когда трансляция национальных знаково-символических форм осуществляется преимущественно через цифровые каналы, опосредованные алгоритмическими системами отбора и дистрибуции информации.

Все вышесказанное позволяет сделать вывод, что национальное культуротворчество, понимаемое как художественное отражение действительности через специфические ценностно-смысловые и знаково-символические формы, сохраняет свою экзистенциальную значимость и философскую актуальность именно в момент своего кризиса. Кризис традиционных форм является не признаком исторической исчерпанности национальной культуры, но свидетельством её вступления в новую фазу развития, характеризуемую радикальной трансформацией механизмов семиотического конструирования реальности. Образная модель мира, основанная на национальных культурных кодах и архетипах, продолжает функционировать как необходимая основа для конструирования смысла и интерпретации опыта, однако сами носители и формы выражения этой модели претерпевают глубокую метаморфозу. Известный российский философ-культуролог А. С. Панарин утверждает, что «национальные архетипы не исчезают под натиском глобальных технологий, а уходят в глубинные слои семиотической системы, чтобы затем возродиться в новых, порой неожиданных конфигурациях, становясь основой для смыслового ответа на вызовы современности» [3, с. 312]. Это требует от философской мысли пересмотра устоявшихся представлений о природе культурной трансмиссии и развития новых концептуальных инструментов для анализа гибридных форм культуротворчества, возникающих на пересечении национального наследия и цифровой действительности.

Таким образом, следует констатировать, что новая цифровая реальность выступает не как угроза самобытности, а как сложный культурный катализатор диалектического свойства. Её роль заключается в радикальной интенсификации и усложнении всех процессов смыслообразования, что ставит национальные культуры перед сущностным выбором и открывает перед ними стратегические возможности, связанные с необходимостью перевода своих кодов на язык новой эпохи, что неизбежно ведет к их трансформации, но одновременно открывает

путь к беспрецедентному расцвету и способствует актуализации духовно-творческого потенциала.

Литература

1. Манович Л. Язык новых медиа / Перевод с английского Д. Кульчицкой / Л. Манович. – М.: Ад Маргинем Пресс, 2018. – 400 с.
2. Савчук В. В. Философия образа : монография / В. В. Савчук. – Санкт-Петербург : Издательство С.-Петербургского университета, 2011. – 436 с.
3. Панарин А. С. Православная цивилизация / А. С. Панарин; составитель и предисловие В. Н. Расторгуева. – М.: Институт русской цивилизации, 2014. — 1248 с.

УДК 378.147:81'243:37.017.4

**ФОРМИРОВАНИЕ ПОЛИКУЛЬТУРНЫХ ГРАЖДАНСКИХ
КАЧЕСТВ БУДУЩИХ ПЕДАГОГОВ: ТЕОРЕТИЧЕСКАЯ МОДЕЛЬ И
РЕЗУЛЬТАТЫ ОПЫТНО-ЭКСПЕРИМЕНТАЛЬНОЙ РАБОТЫ
FORMATION OF MULTICULTURAL CIVIC QUALITIES OF
FUTURE TEACHERS: THEORETICAL MODEL AND RESULTS OF
EXPERIMENTAL WORK**

Мезенцева Анна Игоревна

*кандидат педагогических наук, доцент кафедры «Дидактика, методика,
технологии обучения»*

ФГАОУ ВО «Севастопольский государственный университет»

г. Севастополь, Российская Федерация

anna87-05.86@mail.ru

Mezentseva A. I.

PhD in Pedagogical Sciences, Associate Professor of the Department of

Didactics, Methods and Teaching Technologies

Sevastopol State University

Sevastopol, Russian Federation

Аннотация. В статье представлены результаты многолетнего исследования проблемы формирования поликультурных гражданских качеств будущих педагогов средствами иностранного языка в условиях культурного многообразия Крыма и Севастополя. Теоретически обоснована и разработана структурно-функциональная модель, включающая четыре взаимосвязанных компонента (когнитивный, эмоционально-ценностный, поведенческий,

гражданско-правовой) и четыре уровня формирования (индивидуально-личностный, образовательно-воспитательный, социально-психологический, культурно-исторический). Раскрыта специфика онлайн-видеокурса «Я-гражданин Крыма и Севастополя» как инструмента формирования исследуемых качеств. Представлены результаты лонгитюдного эксперимента (N=176), подтверждающие эффективность разработанной технологии: рост объективных знаний о регионе (с 14,2 до 22,8 баллов, $p < 0,01$), усиление общероссийской идентичности при сохранении регионального патриотизма, снижение этнических стереотипов на 18 %, рост вовлеченности студентов в межкультурные проекты с 23 % до 67 %. Обоснована возможность адаптации разработанной модели для других поликультурных регионов РФ (Северный Кавказ, Поволжье).

Abstract. The article presents the results of a long-term study on the formation of multicultural civic qualities of future teachers by means of a foreign language in the conditions of cultural diversity of Crimea and Sevastopol. A structural-functional model is theoretically substantiated and developed, including four interrelated components (cognitive, emotional-value, behavioral, civil-legal) and four levels of formation (individual-personal, educational, socio-psychological, cultural-historical). The specifics of the online video course "I am a Citizen of Crimea and Sevastopol" as a tool for forming the studied qualities are revealed. The results of a longitudinal experiment (N=176) confirming the effectiveness of the developed technology are presented: growth of objective knowledge about the region (from 14.2 to 22.8 points, $p < 0.01$), strengthening of all-Russian identity while maintaining regional patriotism, reduction of ethnic stereotypes by 18%, increase in student involvement in intercultural projects from 23 % to 67 %. The possibility of adapting the developed model for other multicultural regions of the Russian Federation (North Caucasus, Volga region) is substantiated.

Ключевые слова: поликультурные гражданские качества, будущие педагоги, технология формирования, иностранный язык, гражданская идентичность, онлайн-образование, Крым, Севастополь, межкультурная компетентность.

Keywords: multicultural civic qualities, future teachers, formation technology, foreign language, civic identity, online education, Crimea, Sevastopol, intercultural competence.

Введение. В условиях уникального культурного многообразия Крыма и Севастополя, где веками переплетались судьбы русских, крымских татар, армян, греков, караимов и других народов, формирование поликультурных гражданских качеств (ПГК) у педагогов приобретает критическое значение как фактор

социальной стабильности и гражданского согласия [1, с. 202]. Исторические трансформации региона, включая депортацию 1944 года и события 2014 года, создали сложный социально-культурный ландшафт, где задача воспитания гражданской солидарности на основе взаимного уважения к культурным различиям становится ключевой для системы образования.

Современные исследования подчеркивают, что педагог выступает ключевым агентом социализации, транслирующим подрастающему поколению не только знания, но и ценностные установки [2, с. 66; 10]. Как отмечает Л. И. Васильева, формирование гражданской идентичности будущих педагогов в поликультурном социуме требует специально организованной педагогической работы, учитывающей сложный, неоднородный социальный контекст [2, с. 66]. В работах О. Ю. Зайцевой и И. В. Михайловой обоснована необходимость педагогического моделирования процесса формирования поликультурной компетентности будущего педагога, включающего концептуально-целевой, содержательный, организационный и критериально-результативный блоки [4, с. 165].

Проблема современной подготовки педагогов заключается в том, что традиционные формы обучения (прежде всего пассивные лекционные занятия) оказываются недостаточными для формирования сложных, интегративных качеств. Они часто обеспечивают лишь поверхностное усвоение информации, не затрагивая глубинные ценностные установки, не развивая практические навыки межкультурного взаимодействия и не создавая условий для личностной рефлексии [6, с. 162].

Иностранный язык в этом процессе играет уникальную роль. Выступая не просто как средство коммуникации, но и как носитель культурных кодов, он позволяет будущему педагогу выйти за пределы собственной культуры, увидеть мир глазами других народов, осмыслить универсальные и специфические черты различных культур. Через изучение иностранного языка происходит естественное погружение в поликультурную среду, что создает благоприятные условия для развития межкультурной компетентности, толерантности и гражданской идентичности.

Цель статьи – представить теоретическую модель формирования поликультурных гражданских качеств будущих педагогов средствами иностранного языка, раскрыть ее компонентную структуру и уровневую организацию, а также проанализировать результаты опытно-экспериментальной работы по внедрению авторского онлайн-видеокурса «Я-гражданин Крыма и Севастополя».

Теоретико-методологические основания исследования.

Методологическую основу исследования составляют системный, компетентностный и культурологический подходы. Системный подход позволяет рассматривать технологию формирования ППК как целостную совокупность взаимосвязанных компонентов. Компетентностный подход обеспечивает ориентацию на формирование комплекса профессионально значимых компетенций. Культурологический подход определяет понимание педагога как посредника между ребенком и культурой.

Теоретическую базу исследования составляют:

- концепция поликультурного образования Дж. Бэнкса, включающая интеграцию культурного контента в образовательный процесс [10];
- теория межкультурной коммуникативной компетенции М. Байрама;
- концепция гражданской идентичности Л. М. Дробижевой, включающая когнитивный, эмоционально-ценностный и поведенческий компоненты;
- модель онлайн-обучения G. Salmon, акцентирующая интерактивность и рефлексию.

Анализ научной литературы позволил выявить противоречие между объективной потребностью общества в педагогах, обладающих сформированными поликультурными гражданскими качествами, и недостаточной разработанностью целостных технологий их формирования средствами иностранного языка в условиях поликультурного региона.

В ходе теоретического исследования была разработана структурно-функциональная модель формирования поликультурных гражданских качеств будущих педагогов, включающая четыре взаимосвязанных компонента.

Когнитивный компонент предполагает осознанное усвоение знаний о культурном многообразии мира. Он включает изучение истории, традиций, обычаев и ценностей различных народов, понимание религиозных, этнических и социальных особенностей разных культур, знакомство с языковым разнообразием и невербальными средствами коммуникации. Без этой базы невозможно сформировать уважительное отношение к другим культурам, поскольку стереотипы и предрассудки часто возникают именно из-за недостатка информации. Однако, как справедливо отмечают исследователи, знания сами по себе не гарантируют толерантного поведения. Исследования показывают, что использование только когнитивного компонента в тренинге может даже увеличить этноцентризм у участников [6, с. 163].

Эмоционально-ценностный компонент отражает внутреннее принятие ценностей поликультурного гражданского общества. Он включает формирование

уважения к культурным различиям как самооценности, развитие эмпатии и способности к сопереживанию представителям иных культур, осознание собственной культурной идентичности, принятие ценностей гражданского патриотизма, толерантность к неопределенности и открытость новому опыту. Как отмечается в исследованиях, люди с закрытым мышлением имеют гораздо более низкую толерантность к неопределенности, что препятствует эффективному межкультурному взаимодействию [5, с. 16].

Поведенческий компонент охватывает практические навыки взаимодействия и воплощение ценностных установок в реальных действиях. Он предполагает развитие коммуникативных навыков в межкультурной среде, освоение медиативных техник для разрешения межэтнических и межконфессиональных конфликтов, практику социального партнерства через участие в межкультурных проектах и волонтерских инициативах, а также способность к адаптации в мультикультурных коллективах. Поведенческий компонент выступает связующим звеном между внутренним миром личности и внешней социальной реальностью. Качественные данные программ с только когнитивным компонентом показывают, что участники постоянно отмечают отсутствие практики поведенческих кросс-культурных навыков как барьер на пути к достижению мультикультурной компетентности [6, с. 164].

Гражданско-правовой компонент выводит формирование поликультурных качеств за пределы межличностного взаимодействия на уровень социальной ответственности и глобальных ценностей. Он включает понимание прав человека, включая права меньшинств и мигрантов, формирование экологического сознания как осознания взаимосвязи культур и природы, развитие глобальной ответственности через участие в международных гуманитарных проектах, осмысление роли гражданского общества в поддержании межкультурного диалога [3, с. 125; 8].

Взаимосвязь компонентной структуры и уровней формирования поликультурных гражданских качеств может быть представлена следующим образом (таблица 1).

Таблица 1 – Взаимосвязь компонентов и уровней формирования ПГК

Компонент	Уровень формирования	Механизмы реализации
Когнитивный	Образовательно-воспитательный	Включение знаний о культурах в содержание образования
Эмоционально-ценностный	Индивидуально-личностный	Рефлексия, эмпатия, ценностное самоопределение

Компонент	Уровень формирования	Механизмы реализации
Поведенческий	Социально-психологический	Межкультурное взаимодействие, проекты, волонтерство
Гражданско-правовой	Культурно-исторический	Институциональная поддержка, гражданское участие

Когнитивный компонент формируется преимущественно на образовательно-воспитательном уровне через включение соответствующих знаний в содержание образования, но закрепляется и углубляется на всех остальных уровнях. Эмоционально-ценностный компонент зарождается на индивидуально-личностном уровне, но получает развитие и коррекцию в процессе социального взаимодействия. Поведенческий компонент наиболее тесно связан с социально-психологическим уровнем, но его формирование требует также институциональной поддержки и учета культурно-исторического контекста. Гражданско-правовой компонент интегрирует влияние всех уровней, выводя формирование поликультурных качеств на уровень социальной ответственности и глобального гражданства.

Для реализации разработанной модели был создан онлайн-видеокурс «Я-гражданин Крыма и Севастополя» (ЯГКС), интегрирующий историко-культурный контент, интерактивные задания и рефлексивные практики [1, с. 204]. Курс включает следующие модули:

1. «Крым и Севастополь в исторической ретроспективе» – формирование объективных знаний о поликультурной истории региона, понимание вклада различных народов в развитие Крыма.

2. «Культурное многообразие региона» – знакомство с традициями, обычаями, культурными кодами основных этнокультурных групп: русской, крымскотатарской, армянской, греческой, караимской, крымчакской.

3. «Диалог культур в истории и современности» – анализ исторических примеров межкультурного взаимодействия, формирование навыков межкультурной коммуникации.

4. «Я-гражданин: права, обязанности, ответственность» – формирование гражданско-правового компонента, понимание прав меньшинств и мигрантов, осмысление роли гражданского общества.

5. «Медиация и предотвращение конфликтов» – освоение медиативных техник для разрешения межэтнических и межконфессиональных конфликтов.

6. «Проектная деятельность и волонтерство» – практика социального партнерства через участие в межкультурных проектах.

Курс построен на принципах интерактивности, проблемности и рефлексивности. Каждый модуль включает видеолекции, работу с аутентичными материалами, кейс-стади, ролевые игры, дискуссии, рефлексивные эссе и проектные задания.

Методы и организация исследования. Исследование проводилось на базе Севастопольского государственного университета (СевГУ) и Крымского федерального университета им. В. И. Вернадского (КФУ) в период с 2021 по 2026 год. Общая выборка составила 176 студентов 3-4 курсов педагогических специальностей.

Дизайн исследования: смешанные методы (quant + qual) с предварительным (pre) и итоговым (post) тестированием, а также лонгитюдным наблюдением за динамикой изменений.

Методики измерения:

1. Авторский когнитивный тест – 30 вопросов по истории и культуре Крыма и Севастополя (α Кронбаха = 0,82).

2. Опросник гражданской идентичности Л. М. Дробижевой – шкалы «Общероссийская идентичность», «Региональный патриотизм», «Этническая толерантность».

3. Шкала этнических стереотипов – авторская разработка для измерения степени стереотипизации.

4. Портфолио достижений – учет участия студентов в межкультурных проектах и волонтерских инициативах.

5. Тематический анализ эссе и фокус-группы – качественная оценка изменений в ценностно-смысловой сфере.

Результаты исследования и их обсуждение. Результаты лонгитюдного эксперимента подтвердили эффективность разработанной технологии [1, с. 207].

Динамика когнитивного компонента: Зафиксирован значимый рост объективных знаний о регионе: средний балл по авторскому тесту повысился с 14,2 до 22,8 (при максимальном 30), что составляет прирост 60 % ($p < 0,01$). Наибольшая динамика отмечена в вопросах, касающихся культурного многообразия региона (знание традиций крымских татар, армян, греков) и ключевых исторических событий.

Динамика эмоционально-ценностного компонента: Выявлено усиление общероссийской идентичности при сохранении регионального патриотизма. По шкале «Общероссийская идентичность» средний показатель увеличился с 3,2 до 4,1 баллов (по 5-балльной шкале). По шкале «Региональный патриотизм» изменения оказались статистически незначимыми (с 4,3 до 4,4), что

подтверждает возможность сочетания общероссийской и региональной идентичности.

Динамика поведенческого компонента: Зафиксировано снижение этнических стереотипов на 18 % ($p < 0,05$). Качественный анализ эссе показал переход от обобщенных, часто стереотипных суждений к более дифференцированным, основанным на личном опыте взаимодействия. Значительно выросла вовлеченность студентов в межкультурные проекты и волонтерские инициативы.

Динамика гражданско-правового компонента: По данным портфолио, количество студентов, вовлеченных в волонтерские инициативы межкультурной направленности, выросло с 23 % до 67 %. Участие в гуманитарных проектах, культурном обмене и образовательных инициативах способствовало укреплению взаимопонимания между представителями разных культур [3, с. 128; 8].

Качественные результаты: Тематический анализ эссе и фокус-групп выявил следующие тенденции:

- переход от восприятия культурного разнообразия как «проблемы» к восприятию как «ресурса развития»;
- рост интереса к изучению культурных особенностей разных народов;
- осознание собственной культурной идентичности как основы для понимания других культур;
- понимание роли гражданского общества в поддержании межкультурного диалога.

Полученные результаты согласуются с данными современных исследований, подчеркивающих, что эффективность формирования межкультурной компетентности зависит от сочетания когнитивных, аффективных и поведенческих компонентов [6, с. 165; 7, с. 23]. Как отмечается в исследовании, посвященном ценностным ориентациям педагогов в условиях многонационального вектора развития российского государства, ключевым риском остается зависимость процесса формирования гражданской идентичности от личностных качеств самих педагогов [7, с. 24]. Поэтому особое значение приобретает целенаправленная работа с эмоционально-ценностной сферой будущих учителей.

Заключение. Проведенное исследование позволяет сделать следующие выводы:

1. Формирование поликультурных гражданских качеств будущих педагогов представляет собой сложный, многоуровневый процесс, требующий интеграции когнитивного, эмоционально-ценностного, поведенческого и гражданско-правового компонентов.

2. Разработанная структурно-функциональная модель, включающая четыре компонента и четыре уровня формирования, обеспечивает целостность педагогического воздействия и позволяет диагностировать результаты на каждом этапе.

3. Онлайн-видеокурс «Я-гражданин Крыма и Севастополя» доказал свою эффективность как инструмент формирования ПГК, обеспечивая интеграцию историко-культурного контента, интерактивных заданий и рефлексивных практик.

4. Иностранный язык выступает эффективным средством формирования поликультурных гражданских качеств, поскольку позволяет будущему педагогу выйти за пределы собственной культуры, увидеть мир глазами других народов, осмыслить универсальные и специфические черты различных культур.

5. Результаты лонгитюдного эксперимента подтвердили значимый рост всех компонентов ПГК: когнитивного (прирост знаний на 60 %), эмоционально-ценностного (усиление общероссийской идентичности), поведенческого (снижение этнических стереотипов на 18 %, рост вовлеченности в проекты с 23 % до 67 %).

Перспективы дальнейших исследований связаны с адаптацией разработанной модели для других поликультурных регионов РФ (Северный Кавказ, Поволжье), а также с разработкой диагностического инструментария для оценки сформированности отдельных компонентов ПГК у разных категорий обучающихся.

Литература

1. Мезенцева А. И. Онлайн сопровождение формирования поликультурных гражданских качеств будущих педагогов // Цифровая гуманитаристика и технологии в образовании (ДНТЕ 2025): сб. статей VI Международной научно-практической конференции / Под ред. В. В. Рубцова, М. Г. Сороковой, Н. П. Радчиковой. – М.: ФГБОУ ВО МГППУ, 2025. – С. 202–211.

2. Васильева Л. И. Формирование гражданской идентичности будущих педагогов в поликультурном социуме Приднестровья // Начальная школа. – 2025. – № 2. – С. 66–68.

3. Корякина А. А. О межкультурной политике в гражданском обществе // Общественные науки и современность. – 2024. – № 2. – С. 123–136.

4. Зайцева О. Ю., Михайлова И. В. Педагогическое моделирование формирования поликультурной компетентности будущего педагога // Балтийский гуманитарный журнал. – 2016. – Т. 5, № 4 (17). – С. 165–168.

5. Алдакимова О. В. Межкультурная компетентность в структуре профессиональной деятельности преподавателя педагогического вуза // Проблемы современного педагогического образования. – 2023. – № 78-1. – С. 15–18.

6. Bhawuk D. P. S., Brislin R.W. Cross-cultural training: A review // Applied Psychology: An International Review. – 2000. – Vol. 49, No. 1. – P. 162–191.

7. Ценностные ориентации специалистов дошкольных организаций в условиях многонационального вектора развития российского государства // Научный вестник Крыма. – 2025. – № 3. – С. 21–28.

8. Смирнов З. О роли институтов гражданского общества в вопросах сохранения и гармонизации межнационального согласия // Общественная палата Республики Крым: [сайт]. – 2025. – 23 мая. – URL: <https://opcrimea.ru/mneniya/zaur-smirnov-o-rol-i-institutov-grazhdanskogo-obshhestva-v-voprosah-sohraneniya-i-garmonizacii-mezhnacionalnogo-soglasiya.html> (дата обращения: 02.03.2026).

9. Хренов Н. А. Цивилизационная идентичность России и культура. Часть первая // Манускрипт. – 2025. – Т. 18, Вып. 3. – С. 112–118.

10. Banks J. A. Transforming Multicultural Education: Equity and Social Justice in the 21st Century. – New York: Teachers College Press, 2022. – 256 p.

УДК 930.2:16

**РАБОТА С ИСТОРИЧЕСКИМ ИСТОЧНИКОМ И
КОНСТРУИРОВАНИЕ СМЫСЛОВ: ОТ ФАКТА К КАРТИНЕ МИРА
WORKING WITH HISTORICAL SOURCES AND CONSTRUCTING M
EANINGS: FROM FACT TO WORLDVIEW**

Оганезова Циала Акоповна

Студентка 3 курса, кафедра истории и философии, Гуманитарно-педагогическая академия (филиал) Крымского федерального университет имени В. И. Вернадского в г. Ялта

Tsiala Akopovna Oganezova

4rd year student Department of History and Philosophy, Humanitarian and Pedagogical Academy (branch) of the Vernadsky KFU in Yalta

Научный руководитель: Акишева Мария Сергеевна, кандидат педагогических наук, доцент, доцент кафедры истории и философии Гуманитарно-педагогической академии (филиал) Крымского федерального университет имени В. И. Вернадского в г. Ялта

Supervisor: Maria Sergeevna Akisheva, PhD in Pedagogical Sciences, Associate Professor, Institute of Pedagogy, Humanitarian and Pedagogical Academy (branch) of the Vernadsky KFU in Yalta

Аннотация. Статья посвящена проблеме формирования общероссийской идентичности у школьников через системную работу с историческими источниками. В условиях «войн памяти» и информационной нестабильности традиционный подход, сводящий анализ документа к извлечению фактов, оказывается недостаточным. Автор обосновывает необходимость перехода от формального изучения источников к личностному смыслопорождению на стыке эвристического (умение задавать вопросы контексту и автору) и герменевтического (способность присваивать духовные смыслы) подходов. Особое внимание уделяется визуальным источникам (плакаты, кинохроника, фотографии, интернет-мемы) и вызовам «цифрового поворота», когда алгоритмы платформ влияют на восприятие истории. В статье предлагаются конкретные методические приёмы: алгоритм «трёх вопросов», проблемно-ценностные ситуации, идентификационное эссе, а также трёхкомпонентная стратегия (эвристическая грамотность, герменевтическая чуткость, смыслопорождающая рефлексия). Апробация показывает, что такая работа повышает не только предметные результаты, но и эмоциональную вовлечённость, превращая исторический факт в элемент личного мировоззрения.

Abstract. This article explores the development of a pan-Russian identity among schoolchildren through systematic work with historical sources. In the context of "memory wars" and information instability, the traditional approach, which reduces document analysis to factual extraction, is insufficient. The author argues for a shift from the formal study of sources to personal meaning-making at the intersection of heuristic (the ability to question the context and the author) and hermeneutic (the ability to assimilate spiritual meanings) approaches. Particular attention is paid to visual sources (posters, newsreels, photographs, internet memes) and the challenges of the "digital turn," when platform algorithms influence the perception of history. The article proposes specific methodological approaches: the "three questions" algorithm, problem-based and value-based situations, an identification essay, and a three-component strategy (heuristic literacy, hermeneutic sensitivity, and meaning-generating reflection). Testing shows that such work increases not only substantive results, but also emotional engagement, transforming historical fact into an element of personal worldview.

Ключевые слова: исторический источник, конструирование смыслов, общероссийская идентичность, эвристический подход, герменевтический подход, картина мира.

Keywords: historical source, meaning-making, Russian national identity, heuristic approach, hermeneutic approach, worldview.

Ни для кого не секрет, что сегодня мы живём в эпоху «войн памяти», когда разные силы активно конструируют удобные им версии прошлого. В этой ситуации то, как школьник учится иметь дело с историческим источником, – это уже не вопрос узкой методики, а вопрос цивилизационный. Любой источник – пусть это берестяная грамота, письмо солдата или плакат военных лет – никогда не бывает стопроцентно нейтральным. У каждого из них есть своя ценностная окраска, свой мировоззренческий посыл, своё представление о том, каким было прошлое. Проблема в том, что обычная школа зачастую подходит к этому формально: ученика учат извлекать факты, отвечать на вопросы, находить сходства и различия [5]. А вот самое важное – личностный смысл, который рождается, когда ребёнок по-настоящему вступает в диалог с документом, – остаётся за скобками.

А ведь на самом деле именно это – рождение личностных смыслов в диалоге с источником – и есть главный механизм, который формирует общероссийскую идентичность. Идентичность, нельзя передать простыми декларациями и лозунгами. Её можно только прожить, выстроить для себя – через эмоции, через ценностное присвоение собственной истории. Вот простой пример: когда школьник не просто читает сухие строки о подвиге, а берёт дневник блокадника, вчитывается в него и невольно спрашивает себя: «А как бы я поступил на его месте?» – в этот момент исторический факт перестаёт быть чем-то далёким, он становится частью его внутреннего мира. Источник тут превращается в мост, который соединяет прошлое и сегодняшний день. А сама работа с ним – в настоящий акт идентификации: «Это наша история, это наши предки, это моя страна» [4].

В этой статье мы как раз и будем развивать мысль о том, что по-настоящему понять историю можно только на стыке двух подходов.

Первый – эвристический: умение грамотно задавать вопросы автору документа и той эпохе, в которой он жил.

Второй – герменевтический: способность выуживать из источника глубинные, духовные смыслы и делать их своими.

Только когда эти два подхода работают вместе, возникает то самое подлинное понимание прошлого.

Особое внимание уделяется роли исторического источника как инструмента конструирования социальной реальности и патриотических нарративов в сознании школьника.

Цель работы – показать, как через системную организацию работы с разнотипными источниками (от документов до визуальных образов) учитель может целенаправленно формировать ценностные основания общероссийской идентичности, не прибегая к назиданию, но через рефлексию и смыслопорождение.

Итак, каким же образом можно перейти от извлечения фактов к конструированию смыслов? Как уже упоминалось выше, работа с историческим источником традиционно базируется на двух взаимодополняющих подходах: эвристическом и герменевтическом [3]. Первый отвечает на вопрос «Что здесь сказано?» и предполагает анализ авторства, времени создания, цели документа, выявление возможных искажений. Второй – «Что это значит для меня и моего понимания мира?» – выводит ученика на уровень личностного смыслопорождения. Именно переход ко второму уровню превращает исторический факт в живой элемент картины мира.

В современной педагогике этот переход всё чаще рассматривается сквозь призму цифрового поворота. Ученик ежедневно сталкивается с «оцифрованными» источниками – от сканов архивных документов до видеороликов в соцсетях. При этом алгоритмы поиска и интерфейсы цифровых платформ не нейтральны: они задают определённую логику восприятия, упрощают сложность, выносят на первый план одни смыслы и затемняют другие. Задача учителя – научить школьника не только пользоваться цифровой «лупой», но и критически оценивать саму оптику.

Надо сразу сказать: любой исторический рассказ – это не просто «зеркало», в котором отразились события. Это всегда результат продуманного отбора, определённый взгляд на то, что произошло. Возьмём, к примеру, официальный документ, чьи-то мемуары, простое фронтовое письмо, советский плакат или военную песню. В каждом из таких источников отпечаталась своя эпоха, свои ценности, своя система установок того, кто этот текст или изображение создавал. А теперь представьте подростка, который привык к клиповому мышлению, к коротким видео и постам. Ему особенно важно научиться за «сухими» строчками или картинкой разглядеть живого человека – с его страхами, надеждами и тем самым выбором, который он когда-то сделал.

Отдельно стоит сказать про визуальные источники. Плакаты времён Великой Отечественной, кадры кинохроники, старые фотографии – всё это требует особого, вдумчивого «чтения» [1]. Нужно видеть не только то, что лежит

на поверхности (прямой призыв, лозунг), но и те скрытые механизмы, с помощью которых формировался образ врага, укреплялось межнациональное единство, создавалась та самая эмоциональная связь между фронтом и тылом. Без этого понимания визуальный источник остаётся просто картинкой. При грамотной методической организации даже современный интернет-мем может стать полноценным историческим источником, отражающим общественные настроения и ценностные конфликты.

Необходимо сказать и о методике конструирования идентичности через работу с источником. Так как формирование общероссийской идентичности не может быть сведено к заучиванию тезиса «мы – единый народ». Оно рождается в конкретных учебных действиях, где ученик проживает историю как свою. Можно предложить следующие варианты [3]:

1. *Алгоритм «трёх вопросов».* Вместо стандартного пересказа источника учащимся предлагается ответить:

– «Какие чувства вызвал у меня этот документ/изображение?» (эмпатия);

– «Что в нём созвучно моему опыту, а что кажется чуждым?» (диалог культур);

– «Как этот источник помогает мне понять, почему мы – одна страна?» (идентификационный вывод).

2. *Проблемно-ценностные ситуации.* Ученику предъявляются два источника с противоположными оценками одного события (например, воспоминания красноармейца и белого офицера о Гражданской войне). Ставится открытый вопрос: «У кого из них правда? А можно ли говорить об одной правде для всех?». Такая ситуация не имеет единственного «правильного» ответа в учебнике, зато запускает механизм рефлексии и ценностного самоопределения.

3. *Источник как повод для идентификационного высказывания.* Эссе «Письмо из прошлого»: ученик пишет ответ вымышленному персонажу – подростку из 1941 года. Или создаёт коллаж из фотографий военных лет и современных семейных архивов. Такие задания превращают абстрактное знание в личностно окрашенный смысл, а прошлое – в часть собственной биографии.

Таким образом, испытание этих приёмы на практике показывает, что если систематически работать с источником как с живой смыслопорождающей средой, то ученики получают не только знания по предмету. Они начнут гораздо больше эмоционально включаться в историю, будут уже не просто гордиться заученными наизусть датами – в них зародится осознанная сопричастность. Исторический источник для них перестанет быть мёртвым документом, пыльным листком из архива. Он станет настоящим проводником: от позиции «я

слушаю чей-то рассказ о прошлом» ребёнок придёт к ощущению «это прошлое – моё».

Поэтому можно сделать такой вывод: исторический источник в руках учителя – это вовсе не просто картинка к параграфу и не тренажёр, чтобы выучить факты. Это ни много ни мало уникальный инструмент, который помогает конструировать личностные смыслы и, если смотреть шире, общероссийскую идентичность. В наше время, когда информационная нестабильность стала нормой, и школьник каждый день сталкивается с целым потоком противоречивых версий событий, умение вести настоящий честный диалог с прошлым становится условием его мировоззренческой устойчивости.

Как же строится та стратегия работы с источником, которую мы предлагаем? Держится она на трёх китах. Первый – эвристическая грамотность: это умение задавать автору документа неудобные, «вредные» вопросы. Второй – герменевтическая чуткость: способность считывать в документе ценностные слои, видеть то, что между строк. Третий – смыслопорождающая рефлексия: умение переводить внешнюю информацию, полученную из источника, во внутреннее, личное убеждение. Вместе эти три кита превращают обычный урок истории из простой трансляции готовых истин в пространство, где учитель и ученики ведут совместный поиск. А ищут они – ни много ни мало – собственную идентичность, через живую встречу с Тем, Другим, кто на самом деле жил в прошлом.

Вот простой пример. Когда ученик не просто заучивает фразу «русские и татары вместе сражались под Москвой», а садится и анализирует настоящее письмо солдата-татарина домой или фронтовой рисунок, – тогда историческая общность народов перестаёт быть для него пустой абстракцией. Она становится его личным, осознанным выбором. И в этом и есть высший смысл работы с историческим источником в современной школе.

Литература

1. Алиева Л. В. Плакаты по теме «Геноцид советского народа в годы Великой отечественной войны»: методические рекомендации по организации учебно-исследовательской деятельности / Л. В. Алиева, Т. В. Филиппова // Метаморфозы истории. – 2022. – № 25. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/plakaty-po-teme-genotsid-sovetskogo-naroda-v-gody-velikoy-otechestvennoy-voyny-metodicheskie-rekomendatsii-po-organizatsii-uchebno> (дата обращения: 30.04.2026).

2. Володин А. Ю. Цифровая герменевтика исторического источника: формализация как толкование / А. Ю. Володин // Вестн. Перм. ун-та. Сер. История. – 2025. – №2 (69). – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/tsifrovaya-germenevtika-istoricheskogo-istochnika-formalizatsiya-kak-tolkovanie> (дата обращения: 30.04.2026).

3. Гарастюк М.С. Опыт развития критического мышления обучающихся через анализ исторической достоверности в межпредметных проектах / М.С. Гарастюк // Исследования молодых учёных: материалы СХVII Междунар. науч. конф. (г. Казань, февраль 2026 г.). – Казань: Молодой учёный, 2026. – С. 59-62. – URL: <https://moluch.ru/conf/stud/archive/551/19279> (дата обращения: 02.04.2026).

4. Георгиева Н. Г. Мемуары – вид биографических исторических источников или источники личного происхождения: проблемы терминологии / Н. Г. Георгиева // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Всеобщая история. – 2025. – Т. 17, № 4. – С. 500-509.

5. Источниковедение: Теория. История. Метод. Источники рос. истории: учеб. пособие для гуманит. спец. / И. Н. Данилевский, В. В. Кабанов, О. М. Медушевская, М. Ф. Румянцева; Рос. гос. гуманит. ун-т, Ин-т "Открытое о-во". – М.: РГГУ, – 1998. – 701 с.

УДК 1(091)

**МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ
КОММУНИТАРИЗМА Н. А. БЕРДЯЕВА
METHODOLOGICAL ASPECTS
OF N. A. BERDYAEV'S COMMUNITARISM**

Останина Ольга Александровна

*д-р филос. наук, профессор, г. Киров, Вятский государственный университет,
профессор кафедры культурологии, социологии и философии.*

Ostanina Olga Alexandrovna

*Doctor of Philosophical Sciences, Professor, Kirov, Vyatka State University, Full
Professor of the Department of Culturology, Sociology and Philosophy*

Аннотация. В контексте глубоких трансформаций современного общества актуальны и значимы методологические вопросы, поиск новых методологических подходов или реактуализация уже известных. Коммунитаризм рассматривается как одна из альтернатив либеральных/неолиберальных и консервативных/неоконсервативных теорий. Понятие коммунитаризма/коммюнитаризма было введено Н. А. Бердяевым в ряде его работ. Философско-методологически основания его коммунитаризма – персонализм и экзистенциализм. Основные положения данного учения касаются

понимания личности, общества, сопоставления коммунитаризма и коллективизма, определения типа общества, где возможна коммюнитарность. Несмотря на противоречивый характер коммунитаризма, в нем есть методологически значимые положения.

Abstract. In the context of profound transformations in modern society, methodological issues are relevant and significant, as is the search for new methodological approaches or the reactualization of already known ones. Communitarianism is considered as an alternative to liberal/neoliberal and conservative/neoconservative theories. The concept of communitarianism was introduced by N. A. Berdyaev in a number of his works. The philosophical and methodological foundations of his communitarianism are personalism and existentialism. The main statements of this doctrine concern the understanding of personality, society, the comparison of communitarianism and collectivism, and the definition of the type of society where communitarianism is possible. Despite the controversial nature of communitarianism, it contains methodologically significant provisions.

Ключевые слова: Н. А. Бердяев, коммунитаризм, методология, персонализм, коллективизм.

Keywords: N. A. Berdyaev, communitarianism, methodology, personalism, collectivism.

Вопросы методологии выходят на первый план в периоды трансформации общества, приобретая политический характер. Методологические подходы, сформировавшиеся еще в индустриальную эпоху, во многом исчерпали себя; существует потребность в ином методологическом взгляде или, по меньшей мере, переосмыслении с методологических позиций известных учений, теорий и выявления их «работающих» компонентов. Это одна сторона проблемы. Другая сторона заключается в выборе методологии, адекватной истории России и современному российскому обществу, целям его дальнейшего развития.

В качестве альтернативы классическим идеологиям предлагается коммунитаризм как концепция социального порядка. Он нацелен на поиск баланса между индивидуальной свободой и социальными обязательствами, правами личности и общества [8]. Для него характерна критика как либерализма и индивидуализма, так и авторитаризма. Идею содержание коммунитаризма достаточно активно обсуждается в последние два десятилетия в философии, политологии, педагогике, в том числе в контексте анализа философии Н. А. Бердяева [6-11].

Идеи коммунитаризма выражены в различных культурах и философских традициях – в Ветхом и Новом Заветах, работах Платона и Аристотеля,

анархистских и коммунистических учениях и т.д.; как варианты коммунитаризма можно рассматривать народничество, толстовство. К представителям коммунитаризма относятся Д. Белл, А. Этциони, А. Макиндайр, М. Сандел; в России есть фонд «Русская идея как высокий коммунитаризм», на идеологию коммунитаризма опирается партия «Новые люди». Первым же употребил данное понятие Н. А. Бердяев.

Несмотря на неоднородность и разнообразие течений, в коммунитаризме можно выявить некоторые общие черты: критика индивидуализма, морального релятивизма, отсутствия пространства для публичной дискуссии о принципах жизни во имя общего блага; критика отделения моральных суждений от социальных практик; критика понимания человека как полностью детерминированного природой и обществом; учет значимости сообществ при разработке социальной теории; понимание справедливости во взаимосвязи с заслугами индивидов и их вкладом в достижение общего блага; роль социального капитала; ограничение распространения модели нерегулируемого рынка на ряд сфер общественной жизни и деятельности; ведущая роль сообщества в определении системы ценностных координат [10].

Остановимся на ряде положений философии Н. А. Бердяева, в которых представлено понимание им коммунитаризма/коммюнитарности. Сам термин «коммюнитарность» встречается в работах Н. А. Бердяева 30-40-х гг. XX века «Русская идея», «Истоки и смысл русского коммунизма», «О рабстве и свободе человека», «Опыт эсхатологической метафизики», «Царство Духа и царство Кесаря». Однако постановка проблемы есть в более ранних работах «Смысл истории» и «Субъективизм и объективизм в общественной философии». Так, в последней из перечисленных работ Н. А. Бердяев указывает на необходимость обоснования общественного идеала [4, с. 131], а отвергая индивидуализм, замечает: «Индивидуалистическое мировоззрение покоится на радикально неверном предположении, на фикции абстрактной личности, вырванной из общества, из исторического процесса, отделенной от тех социальных сил, которые ее породили» [4, с. 219]. Философия Н. А. Бердяева, по его собственному признанию, формировалась под влиянием работ К. Маркса, И. Канта, Г. Ибсена, Л. Толстого, Н. Чернышевского, Ф. Достоевского, Ф. Ницше, чьи идеи он пытается взаимодополнить, что и находит отражение в его коммунитаризме. Философско-методологическими основаниями коммунитаризма Н. А. Бердяева являются персонализм («коммюнитарный персонализм»), экзистенциализм, целостное (холистическое) понимание человека и общества.

Н. А. Бердяев дает свое решение таких методологически значимых, прежде всего для социально-гуманитарных наук, вопросов, как

субъективное/субъективность и объективное/объективность, личность и общество, частное и общее, свобода и равенство, справедливость.

Основные положения коммунитаризма Н. А. Бердяева можно сформулировать следующим образом.

Во-первых, философ указывает на типичность коммюнитарности для России. Говоря о русской идее, он пишет, что в ней «эсхатологическая идея принимает форму стремления к всеобщему спасению», «русская идея есть идея коммюнитарности и братства людей и народов». «Русский парадокс заключается в том, что русский народ гораздо менее социализирован, чем народы Запада, но и гораздо более коммюнитарен, более открыт для общения» [3, с. 247]. Важно заметить, что при этом Н. А. Бердяев не исключает, что качества народа исторически могут измениться.

Во-вторых, коммунитаризм отказывается от принципа приоритета прав личности над обществом, постулируя согласование, гармонию личного и общественного. Рассматривая личность как загадку, микрокосм, как этическую и духовную категорию, единство в многообразии, Н. А. Бердяев отмечает, что «личность как ценность характеризуется отношением к другому и другим, к миру, обществу, людям. Это отношение творчества и любви, а не детерминации» [1, с. 21]. Будучи свободной, личность немислима без общества, так, «проблема общения, преодоления замкнутости и уединения – основная проблема человеческой жизни» [2, с. 268]; «священнейшие идеалы личности, все самое великое и в жизни человека, для чего стоит жить, все это результат приспособления к всеобщему, связи с универсальным» [4, с. 220].

В-третьих, рассуждая об обществе, Н. А. Бердяев говорит о переплетении двух целей общественной жизни – это кооперация, сотрудничество в борьбе за жизнь (1) и общение, единение людей (2). Кроме того, общество, как и любую группу, можно мыслить лишь коммюнитарно, а не иерархически, как свободную братскую общину [2, с. 267]. Речь идет об объединяющей силе идеала, смысла, проекта.

В-четвертых, и это положение является центральным, Н. А. Бердяев раскрывает соотношение понятий «коллективизм» и «коммюнитарность» («соборность» философ определяет как религиозную коммюнитарность) [5, с. 330-333]. Данное соотношение представлено в таблице:

Коллективизм	Коммюнитарность
Коллектив как псевдореальность.	Подлинная, экзистенциальная реальность.

Деспотическая власть общего над частным.	Гармония общего и частного, основана на духовном единстве.
Человек не является высшей ценностью, антиперсоналистический характер коллективизма.	Человек – высшая ценность, свобода.
Авторитарность и отношение человека к человеку через отношение к коллективу.	Непосредственное отношение человека к человеку, общность и общинность личностей.
Социализация не только экономической, политической жизни, но и мысли, творчества, совести.	Совесть в глубине личности.
Коллектив – орудие господства одной группы над другой.	Братские отношения.
Вещное, объектное понимание коммюнитарности.	Коммюнитарность – духовное качество людей.

В-пятых, по Н. А. Бердяеву, реальная возможность коммунитаризма связана с иным, нежели нынешний, типом общества. Он полагает, что коллективизм – это порождение капитализма: «Современный коллективизм – в значительной степени результат безличного, анонимного характера капитализма. Массы склонны к коллективизму, а не к коммюнитаризму» [5, с. 332]. Новое общество определяется Н. А. Бердяевым как новое средневековье, Новый Иерусалим, для которого характерны коммюнитарность, братство людей.

Делая вывод о методологических аспектах коммунитаризма Н. А. Бердяева, можно заметить следующее: 1) коммунитарная организация обществ и сообществ является, по сути, сетевой, и здесь возникают вопросы – теоретический (о соотношении и согласовании с акторно-сетевой теорией) и практический (как и на каких уровнях общественной жизни возможны сетевые структуры); 2) на первый план в отношениях между людьми в обществе выводятся нравственность, духовность; 3) отношения между людьми рассматриваются как диалогичные, что предполагает понимание, ориентацию на смыслы, интерсубъективность; 4) позиция Н. А. Бердяева характеризуется

стремлением к целостности, синтетичности, взаимодополнению различных учений; 5) перечисленные положения не образуют завершенную концепцию, утверждения о гармонии в обществе требуют дальнейшей разработки и методологического обоснования, как и вопрос о месте и роли государства и права, их соотношении с нравственностью и духовностью, с сообществами и их сетевой структурой, как и вопрос об источниках и основаниях изменения общества.

Литература

1. Бердяев Н. А. О рабстве и свободе человека. Опыт персоналистической философии // Н. А. Бердяев. М.: Республика, 1995. – С. 4-162.
2. Бердяев Н. А. Опыт эсхатологической метафизики. Творчество и объективация // Н. А. Бердяев. М.: Республика, 1995. – С. 164-286.
3. Бердяев Н. А. Русская идея // Н. А. Бердяев. Самопознание: Сочинения. М.: Изд-во ЭКСМО-Пресс; Харьков: Изд-во Фолио, 1998. С. 11-248.
4. Бердяев Н. А. Субъективизм и индивидуализм в общественной философии. Критический этюд о Н. К. Михайловском. М.: Канон+, 1999. – 480 с.
5. Бердяев Н. А. Царство Духа и царство Кесаря // Бердяев Н. А. Царство Духа и царство Кесаря. М.: Республика, 1995. – С. 288-364.
6. Давыдов О. Б. Философский коммунитаризм как актуальная парадигма социального бытия // Современные исследования социальных проблем. 2015. № 10 (54) <https://cyberleninka.ru/article/n/filosofskiy-kommunitarizm-kak-aktualnaya-paradigma-sotsialnogo-bytiya/viewer> (дата обращения 05.04.2026).
7. Запека О. И. Учение о коммюнитарности в творчестве позднего Н. А. Бердяева // Вестник славянских культур. 2022. Т. 66. – С. 81-87.
8. Молчанов А. В. Коммунитаризм как альтернатива классическим идеологиям // Pro Nunc. Современные политические процессы. 2017 <https://cyberleninka.ru/article/n/kommunitarizm-kak-alternativa-klassicheskim-ideologiyam> (дата обращения 05.04.2026).
9. Савченко И. А. Коммунитарная идея и социокультурная практика // Современные исследования социальных проблем. 2025. № 5 (49) <https://cyberleninka.ru/article/n/kommunitarnaya-ideya-i-sotsiokulturnaya-praktika/viewer> (дата обращения 05.04.2026).
10. Сохраняева Т. В., Волкова Т. П. Проблема целей образования в контексте парадигмы коммунитаризма // Социально-политические науки. 2017 <https://cyberleninka.ru/article/n/problema-tseley-obrazovaniya-v-kontekste-paradigmy-kommunitarizma> (дата обращения 05.04.2026).

11. Юдин Г. Б. Коммунитаристский критерий для биоэтики // Этическая мысль. 2019. № 1. – С. 36-48.

УДК: 141:316.6

**ВХОЖДЕНИЕ В СУБКУЛЬТУРНОЕ ОБРАЗОВАНИЕ КАК
СВИДЕТЕЛЬСТВО ПОТЕРИ КУЛЬТУРНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ
ENTERING A SUBCULTURAL EDUCATION AS A SIGN OF LOSING
ONE'S CULTURAL IDENTITY**

Первушина Елизавета Игоревна

*рядовой полиции, курсант, Крымский филиал Краснодарского университета
МВД России.*

Pervushina Elizaveta Igorevna

*private police officer, cadet, Crimean branch of Krasnodar University of the Ministry
of Internal Affairs of Russia*

Научный руководитель: Чудина-Шмидт Наталья Витальевна

*к.филос.н., доцент кафедры гуманитарных и социально-экономических
дисциплин Крымского филиала Краснодарского университета МВД России,
г. Симферополь, Крымский филиал Краснодарского университета МВД России*

Supervisor: Natalia Vitalievna Chudina-Schmidt

*PhD in Philosophical Sciences, Associate Professor, Department of Humanities and
Socioeconomic Disciplines, Crimean Branch of the Krasnodar University of the
Ministry of Internal Affairs of Russia, Simferopol, Crimean Branch of the Krasnodar
University of the Ministry of Internal Affairs of Russia*

Аннотация. Основной целью данной работы является рассмотрение феномена вхождения в субкультурное образование как свидетельство потери культурной идентичности. В статье анализируется подростковый возраст как период для поиска идеалов и самореализации, в ходе которого внешние атрибуты и поведенческие практики субкультур замещают традиционные культурные нормы. Умеренное участие в субкультурах не угрожает идентичности, тогда как полное замещение базовой культурной матрицы ведёт к фрагментации личности, разрыву национально-культурного кода и превращению индивида в «культурного кочевника». Делается вывод, что массовый переход молодёжи в позицию культурной «внезаходимости» создаёт риски стагнации общества.

Abstract. The main goal of this work is to examine the phenomenon of entering a subcultural education as a sign of the loss of cultural identity. The article analyzes adolescence as a period for the search for ideals and self-realization, during which the

external attributes and behavioral practices of subcultures replace traditional cultural norms. Moderate participation in subcultures does not threaten identity, while a complete replacement of the basic cultural matrix leads to the fragmentation of the individual, the breakdown of the national and cultural code, and the transformation of the individual into a «cultural nomad». It is concluded that the mass transition of young people to a position of cultural «non-existence» poses risks of societal stagnation.

Ключевые слова: молодёжные субкультуры, культурная идентичность, подростковый возраст, социализация, фрагментация личности, национально-культурный код, деструктивное поведение, культурный кочевник.

Keywords: youth subcultures, cultural identity, adolescence, socialization, personality fragmentation, national-cultural code, destructive behavior, cultural nomad.

Подростковый период становится переломным периодом для многих людей. Так называемые «тинейджеры», возрастом от 13 до 19 лет максимально стараются всячески себя проявить, показать, что их мнение не зависит от кого-либо, что они самостоятельны в своём выборе и им не нужен чей-то совет. В связи с этим, подростки начинают осваивать моральные принципы и формировать свою систему взглядов. Особую роль в их жизни играет «идеалообразование» [1, с. 41] - процесс активного поиска идеалов. Стремясь выработать уникальный жизненный стиль, отличный как от детского, так и взрослого, они объединяются в сообщества, где формируются субкультуры, в которых возникают свои культурные нормы и установки, которые в значительной степени определяются эмоциональными отношением к реальности.

Чаще всего, главным признаком принадлежности подростка к молодёжной субкультуре является его внешний облик. Это может касаться как причёски, макияжа, так одежды. Накрашенные глаза, грязная, рваная одежда, бритые головы или же наоборот длинная челка, крашенные волосы – все это может идентифицировать подростка, который относится к какой-либо субкультуре. Однако не только одежда меняется у подростка после вхождения в какие-либо сообщества. Зачастую данные сообщества прививают несовершеннолетнему персонажу определенный образ жизни, например, пацифизм и употребление запрещённых препаратов у хиппи, особая любовь к компьютерным играм у геймеров [1, с. 42], нанесение повреждений самому себе (ожоги, удары по телу, порезы, вырывание волос и т. д.) у селфхарм [2, с. 94].

Данные действия позволяют подростку проявить себя и найти «своих», то есть близких по духу и разуму людей, с одной стороны, позволяя ему социализироваться, однако, с другой, когда подросток начинает

идентифицировать себя не как «русский», «француз» или «японец», а как «гот», «эмо» или «хиппи», происходит подмена понятий: общепринятая культура, которую придерживаются большинство, перестает быть для него референтной группой. Этот разрыв – маркер того, что национально-культурный код перестал работать. Человек не просто расширяет кругозор, а выходит за рамки принятой большинством системы. В данном случае, речь идет об интолерантном обществе, в котором прослеживается жесткое разделение на «Свой-Чужой». Кроме того, за «Чужого» принято понимать потенциально опасного, в связи с чем возникает необходимость защиты [3, с. 15]. Данная полярность переносится внутрь личности: прежняя большая культура становится «Чужой», а узкая группа единомышленников – единственными «Своими».

Традиционная культура строится на вертикали: знания, ритуалы и моральные нормы, которые передаются от старших к младшим, тогда как субкультура – горизонтальный конструкт, где авторитеты – не родители или деды, а лидеры мнений YouTube, Telegram или TikTok – каналов, зачастую живущие в другой стране. Чем глубже человек погружается в эту среду, тем более чуждыми и устаревшими начинают казаться ему родные традиции.

Важно отметить, что такое отрицание «большой» культуры на «свою» субкультуру не происходит резко. Негатив, непонимание в обществе, желание проявить себя – всё это копиться в человеке, однако удовлетворить данные потребности или устранить свою непригодность в обществе не получается. На фоне актуальных социокультурных изменений происходит формирование новой личности, наделённой экстремальными свойствами [4, с. 164, 5]. Такая замена кажется лицу наиболее лёгким способом проявления себя в трудном и непонятном для него обществе, особенно, когда происходит недопонимание у сверстников, что порождает буллинг, унижение, отрицание нахождения его в группе.

Субкультурное образование часто учит не синтезу, а сепарации: чтобы быть «своим» в среде готов, нужно отказаться от общепринятых ценностей, чтобы быть «правым» в среде хип-хопа – отрицать ценности рок-культуры. Все это приводит к фрагментации личности. Опасность заключается не только в том, что индивид не видит границ, но и в том, что он не чувствует меры в реализации своих эмоций. Для него это не просто игра, а суровая реальность, где в обществе он предстаёт «жертвой», а в субкультуре «героем» [5, с. 164].

Данный факт провоцирует подчинения подростка коллективным нормам и смены самообраза, причем новый образ строится на отрицании прежнего. Человек перестаёт быть многомерным носителем родной культуры и превращается в исполнителя узкой роли. В подобных случаях мы имеем дело с

приверженностью к чрезвычайным, нетрадиционным, неприятным, непримиримым, решительным, исключительным взглядам и мерам [6, с. 131]. Принятие субкультурных норм неизбежно связано с усвоением таких нетрадиционных взглядов, которые вытесняют исходную культурную идентичность.

Таким образом, подводя итог, можно сказать о том, что вхождение в субкультурное образование в малых дозах не является индикатором развала общества, ведь оно даёт возможность отдохнуть, показать свою уникальность и найти новых друзей. Но когда субкультура полностью замещает собой базовую культурную матрицу человека, это является железным свидетельством потери культурной идентичности. Человек перестает быть носителем традиции, превращаясь в культурного «кочевника» – без рода и племени, с набором мобильных масок, которые можно менять по щелчку пальцев. Общество, в котором количество таких «кочевников» превышает критическую массу, обречено на стагнацию, так как ему не на чем держаться.

Литература

1. Дементьева М. А. Роль субкультуры в формировании личности // Шаг в науку, 2015 – С. 41-43.
2. Едуш А. А. Селфхарм: анализ проблемы и пути решения // Сборник докладов XVII научно-практической конференции преподавателей, студентов, аспирантов и молодых ученых, 2016 – С. 94-97.
3. Чудина-Шмидт Н. В. Экстремальность интолерантного общества // Символ науки: Международный научный журнал, №5-3 (17), 2016 – С. 114-116
4. Чудина-Шмидт Н. В. Социальные условия перехода личности в состояние экстремала-дестроера// В сборнике: Обеспечение общественной безопасности и противодействие преступности: задачи, проблемы и перспективы. Материалы Всероссийской научно-практической конференции. 2020. С. 508-511.
5. Коноплёва А. В. Экстремальное поведение в условиях межкультурных конфликтов // Символ науки: Международный научный журнал, № 4-3 (16), 2016 – С. 164-165.
6. Смирнова М. И. Фразеологизмы с компонентом «экстрим» в сопоставительном дискурсе // Инновационная наука: Международный научный журнал, № 6-3, 2016 – С. 131-134.

УДК 1:316.6

**РОЛЬ СУБЪЕКТНОСТИ В СОЦИАЛЬНОЙ ДИНАМИКЕ
THE ROLE OF SUBJECTIVITY IN SOCIAL DYNAMICS**

Разбеглова Татьяна Павловна

Кандидат философских наук, доцент, г. Ялта. Гуманитарно-педагогическая академия (филиал) ФГАОУ ВО «КФУ имени В.И. Вернадского»

Razbeglova Tatyana Pavlovna

PhD in Philosophy, Associate Professor. Yalta.

Humanitarian and Pedagogical Academy (branch) of the V.I. Vernadsky Crimean Federal University (Yalta)

Аннотация. На основе методологии синергетики и постмодернизма обозначены такие свойства субъективности, как энергичность и трансверсальность, становящиеся основой ценностных трансформаций. Проведены различия между социальной субъективностью и субъектностью как ее действенным модусом. Рассмотрены отношения субъективности с социальными институтами и институтами власти. Выявлены зависимости систем власти в социуме от развития субъектности индивидов, значение свободы для формирования социального субъекта, определяющей роли субъектности для развития системы общества в точках бифуркации и аттракторах.

Abstract. Drawing on the methodology of synergetics and schizoanalysis, this article identifies properties of subjectivity such as energy and transversality, which form the basis for value transformations. Distinctions are made between social subjectivity and subjectivity as its effective mode. The relationship of subjectivity with social and governmental institutions is examined. The article identifies the dependence of social power systems on the development of individual subjectivity, the importance of freedom for the formation of the social subject, and the defining role of subjectivity in the development of the societal system at bifurcation points and attractors.

Ключевые слова: социальный субъект, субъектность, синергетика, трансверсальность, пассионарность.

Key words: social subject, subjectivity, synergetics, transversality, passionarity.

Введение. Сегодня мир сотрясают социальные конфликты, являющиеся следствием сложных культурных и политических процессов, в центре которых стоит человек как главный носитель социальной энергии и социального действия. Бурная история XX столетия и не менее драматическое начало века XXI побуждает вновь и вновь ставить вопрос о человеке и его сущности.

Рассматривая человека в ключе современной философии лишь как порождение социума и зеркала его недостатков, мы оказываемся в тупике непонимания многих тревожных реалий современности – мирового терроризма, фашизма в разнообразных его проявлениях, массовых психозов, войн и убийств и многого другого. Но осознание того, что именно человек является источником и носителем негативной социальной энергии (равно как и позитивной), становится ключом не только к пониманию, но и возможному урегулированию сложных социальных конфликтов. Ситуация, когда в структуре субъективности (личностной и социальной) происходят интенсивные трансформации, приводящие к смещению ценностных полюсов, сегодня становится тривиальной под зонтиком государственных идеологий. Оставив в стороне политические аспекты, попробуем дать объяснение данного феномена в контексте антропологии перехода и трансверсальности. Тем не менее, вопрос о том, является ли трансверсальность и энергичность всеобъемлющим и единственным антропологическим состоянием, не упраздняет традиционного вопроса о «сердцевине», сути человеческого – в чём она состоит, есть ли она вообще или человек всегда только «сборка». И тогда третий и четвертый вопросы Иммануила Канта – «На что я могу надеяться?» и «Что такое человек?» – становятся как нельзя более современными.

Цель статьи – анализ методологии исследования феномена интенсивных ценностных трансформаций в структуре социальной субъективности, получающих широкое распространение в рамках доминирующих социокультурных процессов; анализ механизмов формирования ценностных структур в индивидуальной психологии и психологии социальных групп, становящихся фундаментом политических действий «двигателей истории».

Материалы и методы. Современные подходы к проблемам человека сегодня претерпели существенные изменения. Традиционные субстанциальные модели классической философской антропологии показывают сегодня свою несостоятельность.

Формирование нового подхода в антропологии сложилось в рамках системного мышления как универсальной методологии. Системный подход в любой области научного знания нацелен на выявление и обоснование целостности объекта, раскрытие глубоких внутренних взаимосвязей, образующих единство. Если философское знание о человеке базировалось на дуализме, то научный системный подход предлагает многоаспектность подхода в качестве базового методологического основания.

Системность как самый общий принцип, однако, тяготеет к формированию хотя и сложных, но стационарных антропологических моделей, тогда как именно

процессуальность, изменчивость, трансверсальность (в терминологии Ф. Гваттари) в большей степени приближает нас к адекватному пониманию состояний человека и социума в их тесной сопряженности. Значительным приближением к энергийной модели человека является введенный С. Хоружим концепт границы и пограничности, предполагающий возможность постоянного перехода и преобразования. «Опыт Границы занимает все больше места в опыте человека – и здесь, в этом опыте, в настойчивом влечении к Границе, наши сегодняшние и еще более завтрашние интересы встречаются с парадигмой Духовной практики как с важнейшей стратегией Границы» [11, с 125]. Пограничная ситуация – это момент выбора и переоценки ценностей.

Понятие пограничности, пришедшее в философскую антропологию с работой К. Ясперса «Психология мировоззрения», изначально касалось кардинальных границ – между жизнью и смертью, между «подлинным» и «неподлинным бытием», страданием и счастьем и т. п. Сейчас «опыт границы» занимает все больше места в опыте человека, находя разнообразные проявления. «Пограничность и трансгрессия становятся нормой человеческого бытия – индивидуального, социального, культурного. Пограничность – не только переход, пересечение, но и взаимодействие в пограничности и пересечении, позволяющая говорить о новом синтезе и новых возможностях человека» [11, с. 130].

Синергетика, развивающая «методологию перехода», рассматривает человека на границах переходов между телами и внутри своего телесного бытия, когда из живого рождается социальное, или из тела действия возникает практика, а из нее культурная традиция. Эти сопряжения-переходы объяснимы только синергетически, через феномены самоорганизации, становления, да и сами гомеостатические процессы нормы в темпоральных телах есть диссипативные структуры в потоках вещества, энергии, информации, т. е. описываются феноменами самоорганизации бытия.

Синергетический подход к человеку и обществу достаточно эффективен в построении динамической картины функционирования социума: формируется новая система социальных понятий, обнаруживаются новые социальные закономерности, получают принципиально новое решение традиционные проблемы исторического детерминизма, критериев социального прогресса, культурного развития человека и человечества и др. [12, с. 127].

Синергетика и системный подходы дают возможность преодоления дискретности и разрозненности в понимании проблем человека на современном этапе. Человек в настоящее время является предметом изучения множества естественных и общественных наук. По мнению В. Г. Буданова, «... сегодня

антропная сфера искусственно «растолкана» по ящикам-дисциплинам слишком маленького объема, и, зачастую, их реальные пересечения-границы важнее для антрополога, чем сами эти дисциплины» [1, с. 119]. Именно междисциплинарные границы, на которых сложнее всего работать, несут в себе интегративный потенциал новой антропологии».

Понимание человека как существа «становящегося» и в своем становлении стремящегося к своей наиболее полной реализации, становление человека как сложной системы в системе культуры требует такого подхода, который смог бы объединить различные параметры измерения человека и его бытия в системе культуры. Наиболее перспективным в этом смысле становится методологическая позиция отношения к человеку как к сложной открытой саморазвивающейся системе, которая, в свою очередь, находится в тесной связи и коэволюции с социальной, культурой и природной саморазвивающимися системами. Следовательно, системный подход с неизбежностью подводит к синергетике, которая и становится основой для построения методологии антропологических исследований.

При понимании синергетики как общей методологии, в поле зрения оказывается исследование механизмов различных бифуркаций, происходящих в структурах социальной субъективности. В наблюдаемой хаотизации социальной реальности явно обнаруживаются ее субъективные основания, а именно процессы производства «желаний» субъектов, шизоидный характер их «сборок» под воздействием «социальных машин» власти и информации. Трансверсальность как принцип и методология – это всегда попытка соединить несоединимое, элементы множества, то, что до этого находилось в противоположных сторонах. Различение же субъективности и субъектности, как качественных состояний, оказывается перспективным для выявления их роли в социокультурных и политических процессах.

Результаты исследования и обсуждение. Субъективность всегда далека от равновесия. Эта мысль, высказанная Ф. Гваттари, может стать отправной точкой. Социальный субъект подвижен и перформативен. Он тесно связан со средой, которой для него становится уже не природа, а социум с его институтами власти, информации и знания.

Человек (как и любой организм) представляет собой типичную диссипативную систему, которая может существовать как физически, так и духовно только при условии постоянного обмена со средой веществом, энергией и информацией (питание, дыхание, теплообмен, выделение, размножение, общение и т. д.). Множество таких систем образуют ту или иную социальную организацию, или корпорацию (семья, школа, коллектив и т. д.). Подобная

корпорация, в свою очередь, является диссипативной системой, ибо существует за счет специфического обмена со средой веществом, энергией и информацией.

Что же касается среды, то порядки социума, порядки культуры являются устойчивыми структурами, и забота об их устойчивости имеет своей целью не только поддержание стабильности общей системы социума, но и стабильности порядков производства субъектов. Исследования М. Фуко о дискурсивизации культурных пространств свидетельствуют, что человек (субъект) формируется («производится», в терминологии структурализма) социокультурной средой, являющейся определенным дискурсивным пространством. То есть, «мы зависим от того, что говорим, в гораздо большей степени, чем от того, что думаем» [10, с. 51].

При устойчивости структур культуры и социума, а также соответствия коллективной социальной субъективности доминирующим дискурсам власти, можно рассчитывать на более-менее длительный период стабильности общей системы, ее гомеостатического состояния. Организующая роль дискурса в социуме есть та сила, которая способна создать социального субъекта, не вполне идентичного личностной субъективности. Контроль над дискурсом является важнейшим средством формирования коллективной субъективности. Носителем дискурса становится, в частности, идеология как средство осуществления внешнего контроля. Фуко подчеркивал, что процедуры внешнего контроля – это прежде всего процедуры исключения, как-то: запрет, разделение и отбрасывание, оппозиция истинного и ложного.

Что же происходит при движении системы в сторону хаотизации и что является триггерами этого процесса? Хаотизация описывается И. Пригожиным и И. Стенгерс как процесс разрушения порядка, увеличения энтропийных изменений, приводящих к разбалансировке системы и ее приближения к точке бифуркации, состоянию неравновесности, когда выбор будущей траектории может зависеть от разных факторов. В социальной сфере нарастающая энтропия выглядит как «диссоциация, рассеивание структур в социальном пространстве» [9]. Одним из факторов можно считать деятельность субъекта как носителя значимой социальной энергии (пассионарности) или определенных социальных групп, выступающих в качестве коллективных субъектов. Вхождение системы в зону аттрактора предполагает нарастание подчиненности всех элементов системы движению по общей траектории. Такими элементами становятся экономика, политика, государственные идеологии. При этом важнейшую роль играет формирование коллективного социального субъекта, энергия которого направлена в сторону движения системы (это может быть как созидательный, так и разрушительный по отношению ко всей системе процесс).

При ускоренной диссипации системы процесс формирования коллективного социального субъекта на основе интенсивных идеологических воздействий является важным фактором развития системы. В отношении же самого субъекта, это может привести к описанному ранее феномену аксиологической перформативности, расхождения ценностных ориентиров между индивидуальной субъективностью, сформированной в условиях относительной стабильности системы и ее позитивной ориентации, с новыми дестабилизирующими факторами в виде государственной политики и идеологий.

Немаловажным аспектом становится тема взаимоотношения субъективности с социальными институциями. Капитализм, базировавшийся на иерархической системе власти, стремился к формированию жестких зависимостей субъективности от доминирующих факторов развития – машинное производство, экспансия печатного текста как главного носителя дискурсов, фетишизация финансовой сферы. В современную эпоху всеобщей информатизации изменяются условия производства субъективности, появляются условия для большей свободы и самореферентности субъектов. Вместе с тем, возрастает воздействие средств массовой информации, технологии которых, при всей своей разновекторности, лишь усиливают системы отчуждения и оглушение масс, лишая их возможности самоконституирования и создавая иллюзию их самоидентичности. Средства массовой информации и телекоммуникации предлагают готовые штампы, формулы мысли, навязанные ценности (или анти-ценности), которые воспринимаются отдельными индивидами как «свои». На этой почве формируется коллективность как некий субстрат субъективности, однородная масса, лишенная признаков субъектности. Власть в условиях неантагонистичности эксплуатирует массы и использует их для реализации собственных стратегий, направляя коллективную энергию в нужное русло. Однако в условиях хаотизации системы массы могут представлять угрозу для тоталитарного управления. «Массы, говорит Ж. Бодрийяр, – это спутник власти, слепой исполнитель главной роли, неотступно ступающий по политическому лабиринту, некто, кого власти не в состоянии ни распознать, ни назвать, ни указать» [2, с. 249 – 250].

Субъектность и принцип свободы. Субъективность без субъектности – это результат доминирования власти над любыми формами социальной субъективности. Различение этих понятий в их отношении к социальным практикам состоит в степени возможной реализации в системе социального действия. Субъектность в данном случае выступает формой сознательной реализации собственной субъективности, возможной только в сфере свободы. Субъект, лишенный субъектного сознания, становится симулякром –

видимостью субъективности. Граница между субъективностью как потенциальным энергийным образованием и субъектностью, как уровнем её реализации, пролегает в области духовных и ментальных практик в сфере свободы, дающих возможность перехода.

Иерархии власти – вот что противостоит свободе как главному условию формирования субъектности и субъекта, этой высшей форме реализации социальной субъективности. Об этом писал М. Фуко в предисловии к «Анти-Эдипу»: «...самый страшный враг, стратегический противник (противостояние «Анти-Эдипа» другим врагам носит скорее тактический характер) – фашизм. И это не только исторический фашизм Гитлера и Муссолини, который сумел столь удачно мобилизовать и использовать желание масс, но также фашизм, который во всех нас, который преследует наши умы и наше повседневное поведение, - фашизм, который заставляет нас любить власть, желать именно то, что господствует над нами и эксплуатирует нас» [4, с. 8]. Фашизм как система тотального контроля над субъективностью, лишение ее свободы уже на этапе формирования – это механизм порождения социальной субъективности без субъектности и субъекта как ее носителя. В свою очередь, возникновение авторитарных (в их крайней степени – фашистских) режимов есть прямое следствие недореализованности масс, их несостоявшегося перехода из состояния управляемости в состояние способности к управлению и целеполаганию.

Роль субъектности в социальной динамике. «Признание систем открытыми равносильно признанию того факта, что Вселенная неравновесна, а значит сингулярности имеют большее значение, нежели универсальные законы» [5, с. 222]. Гваттари, опираясь на эту идею, построил систему работы с пациентами клиники «La Borde», получив важный вывод: активность индивида в областях бифуркации может породить новое состояние системы. Новизна предлагаемой психоанализом модели заключается в том, что Делёз и Гваттари отказываются от идеи внешнего обуславливания Я, акцентируя внимание на самопроизвольной процессуальности его самоорганизации: сингулярные субъективности «не объясняются никакой целью, они сами – производители всех целей» [8, с. 40].

К анализу роли личности в социальных процессах в философии подходили с разных позиций. Отметим ставших классическими теории социального действия М. Вебера и Ю. Хабермаса, действующие в обществе в его относительно стабильном состоянии. В контексте социальной антропологии роль человека в развитии общества развивал Ф. Энгельс, выделяя силу человеческих страстей как двигателей всяческих изменений.

С точки зрения формирования социальной субъектности представляет интерес энергетическое понимание исторического процесса, разработанное Львом Гумилевым, а именно его теория пассионарности. Все человеческие чувства («желания», в терминологии шизоанализа) – это модусы пассионарности, свойственной почти всем людям, но в чрезвычайно разных дозах. «Пассионарность может проявляться в самых различных чертах характера, с равной легкостью порождая подвиги и преступления, созидание, благо и зло, но не оставляя места бездействию и спокойному равнодушию» [3, с. 319]. Пассионарность, – продолжает Гумилёв, – это способность и стремление к изменению окружения, или, переводя на язык физики, - к нарушению инерции агрегатного состояния среды» [3, с. 324]. Важно, что Гумилёв считал пассионарность коренящейся в подсознательной сфере, и присуща она может быть не только индивидууму, но и обществу (популяции) в целом.

В связи пассионарности с субъектностью выделяется аспект направленности пассионарности на социально-значимые цели. «Субъектность предметно определена. Пассионарность предметно неопределённа, это просто энергетическая готовность что-то грандиозное совершить, что-то перевернуть или создать. ... Если пассионарность – это энергетическая заряженность на действие, субъектность в возможности, то реальный субъект, а значит и субъектность – это реализованная возможность и конкретизация пассионарности [7, с. 46 – 48]. Недостаточная субъектность формирует субпассионариев.

Роль субпассионариев, согласно концепции Гумилева, состоит в том, что они не изменяют мир и не сохраняют его, а существуют за его счет. Широкое распространение субпассионарности порождает феномен масс, играющих определенную роль в различные фазы существования системы: от почвы для прорастания в фазах становления и укрепления системы до стихийности и разрушения в фазах её хаотизации или ослабления. Значима их роль и в точках бифуркации. Пресловутый «русский бунт, бессмысленный и беспощадный» (А. С. Пушкин) – одна из форм действия субпассионариев с несформированной субъектностью, поскольку сформированная субъектность требует рационального целеполагания.

Основные выводы исследования. Подводя итог исследованию, следует подчеркнуть оптимизм авторов концепции шизоанализа, считавших, что непрерывность поточности, подвижности, становления, способности к модификациям, в отличие от природных объектов, и есть основная антропологическая составляющая, влияющая на позитивное развитие общества как системы.

Литература

1. Буданов В. Г. В поисках законов холизма. Синергетика, универсальный эволюционизм и универсальная история // Универсальный эволюционизм и глобальные проблемы / Под ред. В. В. Казютинского. М., 2006. С.118 – 127.
2. Бодрийяр Ж. Прозрачность зла. – М.: Добросвет, 2006. – 258 с.
3. Гумилёв Л. Н. Этногенез и биосфера земли / Сост и общ. ред. А. И. Куркчи. - М.: «Институт ДИ-ДИК», 1997. – 640 с.
4. Делёз Ж. Гваттари Ф. Анти-Эдип: Капитализм и шизофрения / Ж. Делёз, Ф. гваттари; пер. с франц. И послесловие Д. Кралечкина; науч. ред. В. Кзнецов. – Екатеринбург: У-Фактория, 2007. – 672 с.
5. Дьяков А. В. Феликс Гваттари, философ трансверсальности. – Спб.: Издательство «Владимир Даль», 2012. – 592 с.
6. Дьяков А. В. Феликс Гваттари: Шизоанализ и производство субъективности // Научный редактор - А.С. Колесников. – Курск: Изд-во Курск. гос. ун-та, 2006. – 246 с.
7. Лобанкова И. П. Социальная трансформация пассионарности и субъектность. Вестник Челябинского Государственного Университета, [S.l.], n. 8 (502), p. 44-49, oct. 2025. ISSN 2782-4829. Доступно на: <<https://journals.csu.ru/index.php/bulletincsu/article/view/2937>>. Дата доступа: 25 oct. 2025 doi: <https://doi.org/10.47475/1994-2796-2025-502-8-44-49>.
8. Мирошников О. А., Разбеглова Т. П. Целеполагающий субъект: мифы и реалии. Монография / Симферополь: ИТ «АРИАЛ», 2019. – 270 с.
9. Овшинов Алексей Николаевич Социальный порядок и хаос - динамическое равновесие (синергетический подход) // Гуманитарий Юга России. 2018. №2. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sotsialnyy-poryadok-i-haos-dinamicheskoe-ravnovesie-sinergeticheskiy-podhod-1> (дата обращения: 23.10.2025).
10. Фуко М. Порядок дискурса. Инаугурационная лекция в Коллеж де Франс, прочитанная 2 декабря 1970 года. – В книге: Фуко М. Воля к истине: По ту сторону власти и сексуальности. Работы разных лет. / Составитель и переводчик: С. В. Табачникова. – М.: Касталь, 1996. – 448 с.
11. Хоружий С. С. К Антропологической модели третьего тысячелетия // Философия науки и техники. Т. 8, 2002. С. 108 – 137, с. 125 – 130.
12. Экофилософские основания психического и психологического развития личности: ретроспекция и практическая философия: коллективная монография / отв. научный редактор Г. И. Колесникова. – Москва: АНО ЦЭМИ, Архонт, 2022. – 386 с.

УДК: 141: 316.6

**ВЛИЯНИЕ СЕТИ ИНТЕРНЕТ НА ПОТЕРЮ КУЛЬТУРНОЙ
ИДЕНТИЧНОСТИ**
**THE IMPACT OF THE NETWORK AND THE INTERNET ON THE LOSS
OF CULTURAL IDENTITY**

Ромашкин Николай Дмитриевич

Курсант 1 курса Крымского филиала Краснодарского университета

Министерства Внутренних Дел Российской Федерации

Romashkin Nikolay Dmitrievich

First-year student at the Crimean affiliate of the Krasnodar University of the

Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation

Научный руководитель: Чудина-Шмидт Наталья Витальевна

*к.филос.н., доцент кафедры гуманитарных и социально-экономических
дисциплин Крымского филиала Краснодарского университета МВД России,
г. Симферополь, Крымский филиал Краснодарского университета МВД России*

Supervisor: Natalia Vitalievna Chudina-Schmidt

PhD in Philosophical Sciences, Associate Professor, Department of Humanities and

Socioeconomic Disciplines, Crimean Branch of the Krasnodar University of the

Ministry of Internal Affairs of Russia, Simferopol, Crimean Branch of the Krasnodar

University of the Ministry of Internal Affairs of Russia

Аннотация. В статье рассматривается проблема потери культурной идентичности под влиянием сети Интернет. Анализируются основные механизмы, при помощи которых цифровая среда приводит к потере культурной идентичности и создает новые формы культурной самоидентификации. Автор признает проблему потери культурной идентичности под воздействием сети Интернет, изучает причины и факторы, влияющие на это. Однако, в работе делается важный акцент на то, что Интернет не просто уничтожает культурную идентичность, а создает сетевую культуру, с каждым годом набирающую все больше влияния на самоидентификацию индивидов. В статье выдвигается тезис о том, что влияние сетевой культуры на самосознание индивида с каждым годом будет только увеличиваться, и ради сохранения культурной идентичности необходимо не бороться с сетевой культурой, а искать способы адаптации национальной культуры под нынешние условия и приводятся примеры, как это можно осуществить.

Abstract. The article examines the problem of loss of cultural identity under the influence of the Internet. It analyzes the main mechanisms through which the digital

environment leads to the loss of cultural identity and creates new forms of cultural self-identification. The author acknowledges the problem of cultural identity loss due to the Internet and studies the causes and contributing factors. However, the paper places an important emphasis on the fact that the Internet does not simply destroy cultural identity but rather creates a network culture, which is gaining increasing influence on individual self-identification each year. The article puts forward the thesis that the influence of network culture on individual self-consciousness will only grow over time, and that in order to preserve cultural identity, it is necessary not to fight network culture, but to seek ways to adapt national culture to current conditions. Examples of how this can be achieved are provided.

Ключевые слова: культурная идентичность, Интернет, цифровая среда, сетевая культура, глобализация, самоидентификация, культурная гомогенизация, национальная культура, цифровое общество, гибридная идентичность.

Keywords: cultural identity, Internet, digital environment, network culture, globalization, self-identification, cultural homogenization, national culture, digital society, hybrid identity.

Введение

Современный этап развития человечества характеризуется масштабным проникновением цифровых технологий во все сферы общественной жизни. Если буквально 30 лет назад понятия социальных сетей не существовало в целом, то сейчас, в 2026 году, существует реальная проблема зависимости человек от них, а количество авторизованных интернет пользователей достигло, по данным Международного Союза Электросвязи, 6 миллиардов человек, что составляет примерно 74 % от всего населения земли [1, с. 22].

В контексте столь масштабной цифровизации закономерно возникает вопрос о сохранении культурной идентичности, которая напрямую связана с языком, территорией, исторической памятью, обычаями и традициями. Согласно данным многочисленных исследований, глобальное интернет-пространство стирает границы между культурами и способствует распространению массовой культуры, снижая роль национальной [2, с. 130]. Особенно остро это проблема проявляется в среде молодежи, где интернет, а в частности социальные сети, а не авторитетные интернет-издания, являются основным источником информации о мире.

Однако, неправильно было бы сводить влияние сети интернет лишь к деструктивному влиянию, так как цифровая среда не только разрушает традиционные формы идентификации индивида, но и создает принципиально новые возможности для культурного самовыражения и формирования

идентичности [3, с. 3]. В современном обществе существует феномен цифровой культуры – культуры, независимой от цензуры, авторитетов и правил, способной максимально полно отражать общественное мнение, интересы и потребности общества, в том числе и в духовном плане.

Цель настоящей статьи – комплексно проанализировать проблему утраты культурной идентичности в интернет-среде, выявить основные механизмы этого процесса, но также обосновать становление сетевой культуры как новой формы культурной самоидентификации, предложить пути решения проблемы через целенаправленное воздействие на цифровую среду.

Методологическая основа исследования базируется на междисциплинарном подходе, интегрирующем методы культурологии, социологии и философии культуры. В работе применялись следующие методы научного анализа: системный подход, позволивший рассмотреть Интернет как целостную социокультурную систему, воздействующую на различные аспекты идентичности; сравнительно-исторический метод, использованный для выявления динамики трансформации культурной идентичности в доцифровую и цифровую эпохи; метод концептуального анализа, примененный для уточнения ключевых понятий исследования - «культурная идентичность», «сетевая культура», «цифровая социализация».

Теоретическую базу исследования составили труды отечественных и зарубежных ученых, посвященные проблемам культурной идентичности в условиях глобализации [2, 7], концепции сетевого общества и цифровой культуры [6, 8], а также современные исследования, анализирующие влияние интернет-среды на процессы самоидентификации личности [1, 3-5]. Эмпирическим материалом послужили данные международных и национальных статистических отчетов за 2025 год: отчеты Международного союза электросвязи (ITU Facts and Figures 2025), глобальный отчет Digital 2025 (We Are Social / DataReportal), данные социологических опросов Левада-центра и ВЦИОМ, а также результаты специализированных исследований этнокультурной уязвимости в цифровой среде.

Цифровая среда создаёт принципиально иные условия формирования самосознания, в которых традиционные основания идентичности подвергаются системному воздействию. Анализ позволил выделить несколько основополагающих механизмов этого процесса.

Культурная гомогенизация. Глобальное интернет-пространство, регулируемое небольшим числом международных платформ, транслирует унифицированные культурные образцы – от форматов потребления до ценностных установок [2, с. 132]. Алгоритмическое продвижение контента,

ориентированное на массовую аудиторию, вытесняет локальные культурные коды [4, с. 25]. Наиболее уязвимыми оказываются малые языки и традиции, не обладающие достаточным «цифровым весом». В результате формируется не просто переориентация с национальной культуры на глобальную, но и отрицательный образ собственной культуры, которая начинает восприниматься как устаревшая и постыдная. Ослабление традиционных институтов социализации. Семья, школа и другие малые сообщества веками обеспечивали передачу языка, обрядов и исторической памяти. В цифровую эпоху их влияние сокращается прямо пропорционально времени, проводимому человеком – особенно в молодом возрасте – в виртуальной среде [5, с. 309]. Ценности, нормы и модели поведения всё чаще черпаются не из непосредственного окружения, а из глобальных сетевых сообществ, что снижает интенсивность внутрисемейной культурной преемственности.

Языковая унификация. Интернет как коммуникативное пространство исторически сложился вокруг нескольких доминирующих языков, поставив носителей иных традиций перед выбором: адаптироваться или остаться на периферии [1, с. 23]. Это ведёт к сужению сферы использования национальных языков в онлайн-коммуникации и к обеднению языковой картины мира: упрощённые сетевые формы, англицизмы и эмодзи вытесняют сложные конструкции, несущие уникальный культурный опыт, и переносятся в реальное общение [7, с. 156]. Однако, признавая эрозию традиционной идентичности, важно зафиксировать встречный процесс: Интернет созидает сетевую культуру – закономерный этап эволюции социальности в условиях информационного общества [6, с. 312]. Сетевая культура обладает устойчивыми характеристиками. Она интернациональна: её ценности, символика и нормы возникают в спонтанном взаимодействии миллионов пользователей и не привязаны к конкретному государству или нации [3, с. 5]. Она глубоко интерактивна: каждый участник одновременно потребляет и создаёт культурные объекты [8, с. 203]. Сетевая культура вырабатывает собственное ценностное ядро – открытость, децентрализацию, приоритет личного выбора, толерантность к разнообразию, иронию как способ коммуникации [3, с. 7]. Сетевая культура не отменяет этническую или национальную идентичность, а надстраивается над ней, образуя гибридные формы самосознания [8, с. 205]. Глубинная этническая идентичность демонстрирует относительную устойчивость, тогда как более «поверхностные» слои – досуговые предпочтения, потребительские стили, даже гражданские чувства – легче вбирают глобальные культурные коды [5, с. 310]. Возникает множественная идентичность, в которой человек одновременно ощущает себя и носителем локальной традиции, и частью мирового сетевого сообщества.

Понимание неизбежного роста влияния сетевой культуры переводит проблему сохранения культурной идентичности из плоскости сопротивления в плоскость адаптации. Речь идёт не об отказе от самобытности, а о её репрезентации на языке, понятном современному цифровому обществу. Практика предлагает несколько работающих моделей. Интеграция национального контента в сетевые форматы: не лекции, а увлекательные цифровые продукты – интерактивные карты диалектов, виртуальные туры по местам наследия, подкасты об истории на родном языке, короткие видео, где фольклорные сюжеты переосмысляются через современную эстетику [1, с. 24].

Развитие локальных платформ и сообществ: национальные социальные сети или тематические сообщества внутри глобальных платформ с общением на родном языке станут центрами кристаллизации идентичности. Они удовлетворяют потребность в принадлежности, не требуя изоляции от остального интернета, но при этом должны сохранять ценностное ядро цифровой культуры [8, с. 207].

Включение механизмов самой сетевой культуры: мемы, челленджи, вирусный юмор, являющихся языком цифрового поколения. Наполнение этих форм национально-специфичным содержанием позволяет транслировать культурные коды ненавязчиво и органично [3, с. 9]. Исторический сюжет, поданный через формат короткого комикса, способен вызвать гораздо больший резонанс, чем традиционная публикация.

Проведённый анализ показал, что проблема утраты культурной идентичности под влиянием Интернета реальна и масштабна. Действие культурной глобализации, ослабления институтов социализации и языковой унификации создаёт условия, при которых традиционная идентичность без целенаправленной поддержки деградирует [2, 4, 7]. Параллельно формируется сетевая культура – надэтническая и надгосударственная общность с собственными ценностями и коммуникативными кодами [6, 8]. Она не уничтожает идентичность, а предлагает более гибкий, множественный способ её конструирования, основанный на личном выборе и соучастии. Эта культура уже стала важной частью самосознания миллиардов людей.

Главный вывод состоит в том, что влияние сетевой культуры на самоидентификацию будет лишь усиливаться – в силу роста числа пользователей, увеличения времени онлайн-присутствия и углубления интеграции цифровых технологий в повседневность [1, 5]. Сохранение культурной идентичности в XXI веке немыслимо без её адаптации к реалиям сетевой культуры. Стратегия должна строиться не на борьбе, а на насыщении востребованных цифровых форматов национальным содержанием. Примеры

цифровых архивов, языковых моделей, национальных платформ и культурно-специфичного вирусного контента доказывают, что такая адаптация осуществима [1, 3]. Она позволяет национальной культуре не исчезнуть, а перейти в новое качество, сохранив своё ядро и вступив в диалог с глобальным сообществом на его языке. Задача – сделать этот переход осознанным и системным, привлечь к его реализации современных пользователей сети интернет, понимающих механизмы его функционирования.

Основные выводы исследования:

1. Впервые в рамках единого анализа систематизированы три ведущих механизма утраты культурной идентичности в цифровой среде – культурная гомогенизация, ослабление традиционных институтов социализации и языковая унификация – и показана их взаимосвязь, что углубляет понимание природы культурных рисков информационного общества [2, 5, 7].

2. Обоснован тезис о том, что Интернет не только разрушает, но и порождает качественно новый феномен – сетевую культуру, которая, надстраиваясь над этнической и национальной идентичностью, формирует гибридные формы самосознания [3; 6; 8]. Тем самым преодолена упрощённая дихотомия «сохранение или разрушение» культурной идентичности.

3. Доказано, что влияние сетевой культуры на самоидентификацию личности будет неуклонно возрастать, а потому единственной продуктивной стратегией является не сопротивление, а адаптация национальной культуры к цифровым форматам [1; 4]. Предложены конкретные модели такой адаптации (цифровые архивы, интерактивные карты, подкасты, локальные платформы, национально-окрашенный вирусный контент), практическая эффективность которых подтверждена современными кейсами.

4. Научный вклад исследования заключается в разработке концептуального перехода от конфронтационной парадигмы к адаптационной, что открывает новые направления для культурной политики, образования и цифрового проектирования, ориентированных на сохранение культурного разнообразия в условиях глобальной сетевой среды [8].

Литература

1. Кузбекова К. И. Глобальная цифровизация: влияние на культуру и идентичность в эпоху интернета / К. И. Кузбекова, К. О. Кротова, В. А. Кордо, А. И. Мухутдинова // Стратегии устойчивого развития: социальные, экономические и юридические аспекты: материалы VI Всерос. науч.-практ. конф. – Чебоксары: ИД «Среда», 2025. – С. 22–24.

2. Терлецкий В. А. Проблема социокультурной идентичности в интернет-пространстве на примере идеологии космополитизма // Векторы благополучия: экономика и социум. – 2024. – Т. 52, № 3. – С. 128–135.

3. Ивахнов В. Ю. Проблема культурной идентичности человека в цифровой среде: автопроект личности в условиях «сетевой культуры» / В. Ю. Ивахнов, И. А. Герасимова, Ю. П. Дубровченко, Н. А. Куликова // Мир науки. Социология, филология, культурология. – 2025. – Т. 16, № 4. – URL: <https://sfk-mn.ru/PDF/13KLSK425.pdf>

4. Николай Ф. В. Алгоритмы, коммуникативная память и трансформации идентичностей в новых медиа // Вопросы философии. – 2026. – № 3. – С. 22–33.

5. Теоретические основания трансформации идентичности в цифровую эпоху: от Эрика Эриксона к Мануэлю Кастельсу // Труды Ангарского государственного технического университета. – 2025. – С. 307–311.

6. Кастельс М. Власть коммуникации / пер. с англ. Н. М. Тылевич; под науч. ред. А. И. Черных. – М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2016. – 564 с.

7. Бауман З. Текущая современность / пер. с англ. Ю. В. Асочакова. – СПб.: Питер, 2008. – 240 с.

8. Немчина В.И. Векторы идентичности в глобально-цифровом мире: между гибридизацией и аутентичностью // Гуманитарий Юга России. – 2026. – Т. 15, № 1. – С. 198–209.

УДК 372.8

РОЛЬ НАГЛЯДНЫХ СРЕДСТВ ОБУЧЕНИЯ ПРИ ИЗУЧЕНИИ ИСТОРИИ

THE ROLE OF VISUAL LEARNING TOOLS IN STUDYING HISTORY

Самойлова Юлия Сергеевна

Студентка 4 курса, кафедра истории и философии, Гуманитарно-педагогическая академия (филиал) Крымского федерального университет имени В. И. Вернадского в г. Ялта

Samoilova Julia Sergeevna

4rd year student Department of History and Philosophy, Humanitarian and Pedagogical Academy (branch) of the Vernadsky KFU in Yalta

Научный руководитель: Бекирова Эльмира Шевкетовна, кандидат педагогических наук, доцент, доцент кафедры истории и философии Гуманитарно-педагогической академии (филиал) Крымского федерального университет имени В. И. Вернадского в г. Ялта

Supervisor: Bekirova Elmira Shevketovna, PhD in Pedagogical Sciences, Associate Professor, Institute of Pedagogy, Humanitarian and Pedagogical Academy (branch) of the Vernadsky KFU in Yalta

Аннотация. В работе обосновывается роль наглядных средств обучения в школьном историческом образовании. Раскрывается эволюция принципа наглядности от древности до современности. Далее рассматривается классификация видов наглядности. Приводятся примеры работы с исторической картиной, способствующей формированию УУД. В статье акцентируется внимание на том, что эффективность наглядности достигается только при методически грамотном сочетании с рассказом учителя и соблюдении методики ее применения.

Abstract. The paper substantiates the role of visual teaching aids in school history education. It reveals the evolution of the principle of visualization from antiquity to the present day. The paper then discusses the classification of types of visualization. It provides techniques for working with historical paintings that contribute to the development of universal educational skills. The article emphasizes that the effectiveness of visualization can only be achieved through a well-structured combination with the teacher's narration and adherence to the appropriate methodology.

Ключевые слова: наглядные средства обучения, классификация видов наглядности, историческая картина, принцип наглядности, визуальная грамотность.

Keywords: visual teaching aids, classification of types of visualization, historical picture, principle of visualization, and visual literacy.

Введение. В условиях стремительного развития цифровых технологий формируется образовательная среда, где значимыми источниками информации становятся медиаисточники. В связи с этим очевидно, что современное поколение чаще отдает предпочтение визуальной информации, а не вербальному тексту. Поэтому важную роль играют наглядные средства обучения.

Сейчас, когда реклама, социальные сети и средства массовой информации оказывают большое воздействие на сознание человека, навязывая лживые образы – успешного человека, врага, патриота, экстремиста, школьников необходимо учить анализировать визуальные образы, осмыслять и критически оценивать информацию, представленную в наглядной форме.

Цель исследования – теоретически обосновать роль наглядных средств обучения (как в целом, так и отдельных их видов) в преподавании истории, определить вклад педагогов в развитие принципа наглядности на разных исторических этапах, а также обозначить приемы работы с историческими картинками для эффективного обучения.

Теоретическая значимость – систематизировать знания о развитии принципа наглядности. Практическая значимость – возможность использования описанных приемов в работе учителя.

Среди проблем использования наглядных средств обучения – недостаточное использование активных форм работы с исторической картиной в школьной практике, преобладание иллюстративного, а не аналитического подхода.

Методы и материалы. В исследовании использованы методы теоретического анализа, синтеза, классификации и обобщения педагогического опыта. Материалом послужили труды классиков педагогики (Я. А. Коменский, Ж.-Ж. Руссо, К. Д. Ушинский), работы российских методистов (М. В. Короткова, Д. Н. Никифоров и С. Ф. Складенко, О. В. Яблонская и др.).

Результаты. Принцип наглядности – один из старейших принципов школьной дидактики. В школах Древнего Китая, Египта, Греции, Рима, использовали визуальные материалы (без теоретического обоснования) для более эффективного усвоения знаний и облегчения учебного процесса учащихся. В раннем Средневековье, когда уровень грамотности среди населения Европы был низким, наглядные образы заменяли вербальный текст. Картины, живопись в церквях становились понятным для всех языком, независимо от образования и положения в обществе. С помощью фресок, витражей, миниатюр и скульптур люди узнавали библейские истории, правила поведения и имели какое-то представление о мире. Изобразительная наглядность выполняла не только декоративную, но и обучающую функцию, формируя общее мировоззрение и укрепляя религиозные ценности в обществе. В позднее Средневековье педагоги (гуманисты) начали теоретически осмысливать необходимость наглядности.

Т. Мор (1478 – 1535) в «Утопии» указывал на необходимость наглядных пособий при изучении астрономии [8]. Систематическое обоснование принципа дал Я. А. Коменский (1592 – 1670). Он сформулировал «золотое правило дидактики»: обучение начинать не со слов, а с реального наблюдения [13, с.11]. Создал первый в истории иллюстративный учебник для детей «Мир чувственных вещей в картинках». Это было практическое воплощение теории.

Ж.-Ж. Руссо (1712 – 1778) критиковал книжность, считая, что обучение не должно сводиться только к работе со словом и текстом. Он восклицал: «Вещей, вещей давайте! Я не перестану повторять, что мы слишком много значения придаем словам; своим болтливым воспитанием мы создаем лишь болтунов». По мнению Ж.-Ж. Руссо, наглядность заключается в самой природе и реальных жизненных фактах [4, с .65].

Родоначальник русской научной педагогики К. Д. Ушинский (1823 – 1871) утверждал, наглядные образы развивают мышление, формируют умение «наблюдать верно» и наполняют духовный мир ребенка яркими образами. В своей работе он писал, что, объясняя даже самую простую мысль, можно не добиться понимания со стороны ребенка, но если тому же ребенку разъяснить сложную картину, то он пойм`т учителя значительно быстрее [11, с. 39]. XIX в. отечественные педагоги проделали большую работу по развитию теоретических основ и определению условий эффективного применения средств наглядности в обучении.

В начале 2000-х, М. В. Короткова разработала практический материал по использованию меловых рисунков, схем, исторических картин, хронологических комплексов, репродукций произведений искусства и таблиц [6].

О. В. Яблонская подчеркивает, что работа с историческими картинками способствует развитию: критического мышления, исторической эмпатии, умения работать с источниками и т. д. [13]. Особенно важно отметить В. В. Шогана и Е. В. Сторожкову, которые рассматривают историческую картину как средство погружения в эпоху, так же подчеркивают ее эмоционально-ценностный потенциал. Отмечают важность сочетания словесного и визуального метода в работе с учащимися [12]. Идея наглядности не осталась в прошлом, она получила новое развитие в современных методических исследованиях.

Методисты Д. Н. Никифоров и С. Ф. Складенко придавали большое значение использованию наглядных средств на уроках истории. Они выделили образовательную и развивающую функцию наглядности. Наглядные средства помогает конкретизировать исторические представления и понятия, развивают воспроизводящее и творческое воображение, служат основой для обобщения и понимания закономерностей исторического процесса [9, с. 7]. Наглядность выполняет и воспитательную функцию. Воздействуя на эмоции учащихся, она формирует эстетические взгляды, развивает вкус. Интеграция шедевров мирового искусства в учебный процесс способствует развитию эстетических потребностей и воспитанию чувства прекрасного.

Существует огромное количество классификаций наглядных средств обучения. Наиболее распространенной является классификация по содержанию

и характеру [10, с. 90]. Классификация наглядных средств по содержанию включает в себя: естественную монументальную наглядность (памятники: Колизей, Софийский собор); подлинные предметы материальной культуры (орудия труда, посуду, элементы военной экипировки, монеты, украшения, предметы одежды); искусственно созданную предметную наглядность (макеты, модели, реконструкции); изобразительную наглядность (учебные картины, репродукции, портреты, карикатуры); условно-графическую наглядность (карты, схемы, хронологические таблицы, диаграммы); технические средства (презентации, виртуальные экскурсии и 3D-модели).

Развитие ИКТ и мультимедийных технологий предоставляет огромные возможности для учебной деятельности. Активизировать внимание и интерес учащихся к истории помогают такие нестандартные формы урока как кино-, видео-, и телеуроки. Использование киноматериалов в игровом учебном процессе сделают его интереснее и увлекательнее. Не выходя из школьного кабинета, такой урок дает возможность знакомиться с культурным наследием отечественной и зарубежной истории. В этом направлении особое внимание заслуживают документальные фильмы и телепередачи.

Преимущество использования данных средств экранной наглядности, состоит в оперативности, возможности повторной демонстрации, применение стоп-кадра. Делают исторические события более понятными и способствуют появлению эмоций у ребят. Школьники с большим интересом смотрят различного рода обучающие передачи, фильмы, участвуют в их обсуждениях. Это способствует развитию критического мышления. Следует помнить, что показ фильма не является развлечением. Это часть целенаправленного процесса обучения, соответствующего методическим требованиям и способствующего развитию познавательного интереса учащихся [7].

В процессе обучения преподаватели истории используют различные наглядные пособия, однако особое место отводят работе с историческими картинами. Историческая картина показывает не только само событие, но и то, как его осмысливал автор, благодаря этому у учащихся формируется более полное представление о прошлом.

Наглядности на уроках применяется не ради оформления урока, а для решения конкретных учебных задач и является средством обучения. Поэтому учителю необходимо подбирать исторические картины, которые способствуют раскрытию содержания темы урока и соответствуют его целям и задачам [3, с. 68].

Картина играет важную роль при изучении исторического материала: она формирует наглядные образы, демонстрирует теоретический материал, служит источником получения новых знаний, усиливает эмоциональное воздействие [5].

Она обладает значительным нравственным и эмоциональным потенциалом. Целесообразно использовать произведения большого искусства. На уроках, посвященных Великой отечественной войне, можно рассмотреть картины: «Оборона Севастополя» А. А. Дейнеки, «Письмо с фронта» А. И. Лактионова, «Триумф победившей Родины» М. И. Хмелько. Такие произведения искусства вызывают глубокие эмоциональные и нравственные переживания. Тема войны сильнее всего затрагивает человеческие чувства.

Изображение обороны Севастополя решает несколько задач. Во-первых, мотивационную и проблемно-поисковую. Наблюдая за напряженным боем и страданиями солдат, учащиеся начинают задаваться вопросами и стремятся понять причины войны и ее последствия. Во-вторых, выполняет воспитательную задачу, формируя нравственные ценности: сострадание, уважение к подвигу, осознание трагедии войны. В-третьих, она способствует развитию межпредметных связей. Учащимся, интересующимся искусством, будет интересно анализировать, как художник передает напряжение через цвет, композицию и т. д.

Произведение может быть эффективно использовано для организации творческой деятельности. Одной из форм такой работы является «оживление» образов картины путем драматизации и персонификации персонажей. Ученики исполняют роли персонажей известных исторических картин, выбранных учителем [1].

Для того чтобы побудить учеников к анализу и построению логического последовательного рассказа, учитель может использовать следующий прием: учащимся предлагается составить план рассказа по изображению [2]. Например, план повествования по картине «Куликовская битва» может включать такие пункты: историческое событие; дата и место события; противостоящие стороны; ход сражения, изображенный на картине; значение победы русских войск. Учителю необходимо научить детей правильно составлять планы по картине, после чего можно давать такое задание для самостоятельного выполнения.

Хронологический ряд. Для закрепления и обобщения пройденного материала, школьникам дается задание разместить в хронологической последовательности ряд картин по определенной теме или блоку тем.

Работа с визуальным рядом. При повторении изученного материала по теме «Петр I» семиклассникам предлагается рассмотреть ряд иллюстраций: портреты

Петра I, А. Д. Меншикова, Б. П. Шереметева, картины Н. Ге «Петр I допрашивает царевича Алексея в Петергофе», В. А. Серова «Петр Великий», В. И. Сурикова «Утро стрелецкой казни», гравюры «Гангутское сражение». Далее по иллюстрациям задаются вопросы: особенности личности Петра I? С какими историческими событиями связано его именем? Какую роль в этих событиях сыграли люди из ближайшего окружения царя? [2].

Обсуждение и заключение. Проведенный анализ подтверждает, что наглядные средства обучения выполняют не только иллюстративную, но и образовательную, развивающую и воспитательную функции. Вклад педагогов в развитие принципа наглядности определен поэтапно: от эмпирического использования в древности до теоретического обоснования. Роль наглядных средств обоснована через их функции: конкретизацию исторических представлений, развитие воображения, эмоционально-нравственное воздействие. Нестандартные приемы работы с историческими картинками способствуют повышению эффективности обучения, ведь они вызывают интерес у школьников, это приводит к активизации познавательной деятельности. Использование исторических картин положительно сказывается на развитии интеллектуальных способностей. Происходит увеличение нагрузки на память и мышление, а также развивается самостоятельность.

Таким образом, работа с наглядностью на уроках истории являются актуальной. Применение соответствует требованиям ФГОС, поскольку в ходе такой деятельности формируются все черты вида универсальных учебных действий (УУД): личностные, коммуникативные, регулятивные и познавательные.

Литература

1. Алексеев С. В. Использование средств наглядности на уроках истории в условиях ФГОС : бакалаврская работа [Электронный ресурс] / С. В. Алексеев. – Пенза, 2018. – 88 с. – Режим доступа: <https://elib.pnzgu.ru/files/eb/doc/7yDvCYjAimCD.pdf>

2. Балабанова О. О. Применение изобразительной наглядности на уроках истории в школах (на примере 7 класса) [Электронный ресурс] / О. О. Балабанова // Теория и права межгосударственных отношений. – 2021. – С. 133–140. – Режим доступа: https://www.elibrary.ru/download/elibrary_46706279_95145089.pdf

3. Буланова А. С. Теоретическое обоснование принципа наглядности и особенности применения средств наглядности на уроках истории [Электронный ресурс] / А. С. Буланова // Журнал педагогических исследований. – 2024. – Т. 9. – № 1. – С. 101. – Режим доступа: <https://naukaru.ru/ru/storage/viewWindow/152945>

4. Гусейнов А. З. Развитие принципа наглядности в истории педагогики [Электронный ресурс] / А. З. Гусейнов, Г. Л. Турчин // Известия Саратовского университета. Педагогика. – 2007. – С. 65–67. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/razvitie-printsipa-naglyadnosti-v-istorii-pedagogiki>

5. Диденко Д. А. Приемы работы с историческими картинками и иллюстрациями на уроках истории [Электронный ресурс] / Д. А. Диденко, М. В. Реймер // Сборник научных трудов. – Калуга, 2018. – С. 107–115. – Режим доступа: https://elibrary.ru/download/elibrary_37023802_56356484.pdf

6. Короткова М. В. Наглядность на уроках истории: практическое пособие для учителей / М. В. Короткова. – М.: ВЛАДОС-ПРЕСС, 2000. – 176 с.

7. Молотов К. С. Использование кинофильмов на уроках истории разных форм / К. С. Молотов // Наука и школа. – 2012. – № 6. – С. 69-100.

8. Мор Т. Утопия / Т. Мор. – М.: Издательство академии наук СССР, 1953.

9. Никифоров Д. Н. Наглядность в преподавании истории и обществознания: пособие для учителей / Д. Н. Никифоров, С. Ф. Складенко. – 2-е изд. – М.: Просвещение, 1978. – 319 с.

10. Студеникин М. Т. Методика преподавания истории в школе: учеб. для студ. высш. учеб. Заведений / М. Т. Студеникин. – М.: Владос, 2000. – 240 с.

11. Ушинский, К. Д. Родное слово. В 2 ч. Ч. 1 / К. Д. Ушинский. – М.: Юрайт, 2025. – 233 с.

12. Шоган В. В. Методика преподавания истории в школе : учебное пособие для вузов / В. В. Шоган, Е. В. Сторожакова. – 2-е изд., перераб. и доп. – М.: Юрайт, 2022. – 433 с.

13. Яблонская О. В. Методика обучения истории и обществознанию. Работа с изображениями: учебник для вузов / О. В. Яблонская. – М.: Юрайт, 2025. – 138 с.

УДК [008 +130.2]: 7.01

ИСКУССТВО ЦИФРОВОЙ ЭПОХИ

ART OF THE DIGITAL AGE

Свечникова Елена Владимировна

*кандидат культурологии, бакалавр искусств, старший научный сотрудник
ГНУ «Институт философии Национальной академии наук Беларуси»*

Elena Vladimirovna Svechnikova

*PhD in Cultural Studies, Bachelor of Arts, Senior Researcher
at the State Scientific Institution "Institute of Philosophy of the National Academy of
Sciences of Belarus"*

Аннотация. Рассматриваются основные черты искусства цифровой эпохи в аксиологическом и эстетическом аспектах. Особое внимание уделено цифровому искусству и научному искусству, на которое сильное влияние оказывают NBIC-технологии. Подчеркиваются характерные черты современного искусства: интерактивность, мультимедийность, дигитализация, процессуальность, замена творческого субъекта искусственным интеллектом. Раскрывается консолидирующая роль цифрового искусства как фактора культурной диффузии, способствующей укреплению межкультурных связей.

Abstract. This article examines the key features of digital art from both axiological and aesthetic perspectives. Particular attention is paid to digital art and scientific art, which are strongly influenced by NBIC technologies. Characteristic features of contemporary art are highlighted: interactivity, multimedia, digitalization, processuality, and the replacement of the creative subject by artificial intelligence. The article explores the consolidating role of digital art as a factor in cultural diffusion, fostering stronger intercultural ties.

Ключевые слова: цифровое искусство, научное искусство, NBIC-технологии, искусственный интеллект, постгуманистический поворот, культурная диффузия

Keywords: digital art, scientific art, NBIC technologies, artificial intelligence, posthumanist turn, cultural diffusion

Введение

Искусство – одна из важнейших сфер культуры, в которой концентрируются ценности, созданные в различные исторические периоды, отражаются общественное сознание, этическая и эстетическая парадигма эпохи. Целью настоящего исследования является выявление наиболее важных культурно обусловленных особенностей современного искусства и ключевых тенденций, которые предопределяют развитие искусства в ближайшие десятилетия; задачами исследования являются: анализ ключевых характеристик искусства XXI века, выявление его связи с наукой и технологиями, раскрытие аксиологических аспектов искусства в эпоху глобализации и дигитализации в контексте глобального культурного процесса.

Методы и материалы

Культурологическое исследование проведено на актуальном материале и представляет собой анализ современных художественных практик и их культурного контекста, включая междисциплинарные взаимодействия искусства и науки. Использовались общенаучные методы (анализ, синтез, индуктивный метод) и аксиологический подход.

Отдельные аспекты современного искусства были раскрыты с опорой на актуальные исследования – монографию кандидата философских наук В. В. Путинцевой-Арданской, в которой рассматривается «цифровой поворот» в искусстве, и монографию историка искусств К. Гровье, посвященную анализу ключевых течений и концептуальных подходов в искусстве последних десятилетий, а также художественным произведениям в социокультурном контексте [1; 2].

Результаты

Важными направлениями в современном искусстве, отражающими его новизну, формирующиеся ценности и тенденции, являются цифровое искусство (digital art) и научное искусство (science art).

В урбанистической информационной культуре развивается цифровое искусство, которое становится символическим языком этой культуры, выразителем общественных настроений, целей и идеалов. Цифровое искусство – «создаваемое на базе информационно-коммуникационных виртуальных пространств и цифровых медиа, а также нейросетей» [1, с. 6]. Каждое художественное произведение является текстом культуры, имеющим возможность влиять на будущее – в эстетическом, этическом, психологическом, мировоззренческом аспектах.

Специфику актуальному искусству придают усиленно развивающиеся технологии – искусственный интеллект, робототехника, биотехнологии, Big Data; наука оказывает сильное влияние на все сферы жизни, включая искусство и порождая гибридные формы – «научное искусство» (биоарт, робототехническое искусство, нейроарт, дата-арт).

Научное искусство (science art) использует робототехнику и наработки хирургии (как в произведениях Стеларка), работает с геномами живых существ, как в опытах Э. Каца, создавшего трансгенного флуоресцирующего кролика в 2000 г., или в проекте К. Бёка «Ксенотекст» (2002–2025 гг.), редактирующего геном бактерии с целью шифрования в нем стихотворения и получения дешифрованного ответа (то есть, нового текста) от бактерии. То есть, наблюдается сильное влияние NBIC-технологий на искусство. Художник начинает осмысливать генетические структуры, эволюцию и будущее человеческого вида – «потенциальные отношения между человечеством и синтетическими формами жизни, которые вполне могут возникнуть в ближайшие тысячелетия» [2, с. 135]. То есть, с точки зрения аксиологии, современное технологичное искусство отражает происходящий постгуманистический поворот.

Современное искусство интерактивно, мультимедийно, дигитализированно, процессуально (не статично). Компьютерная графика, цифровая живопись прочно вошли в искусство, появились новые специальности («режиссер мультимедиа», «художник виртуального персонажа», «ИИ-художник» и т. д.), новые среды для художественного творчества: виртуальные пространства. Происходит процесс виртуализации искусства и художественных произведений, то есть, в каком-то смысле дематериализация: теперь скульптура существует как 3D-объект в виртуальном пространстве; цифровая живопись создается в компьютерных программах; вокалоид (вокальный андроид) не существует в реальности – он является цифровым изображением с синтезированным голосом. В виртуальное пространство переходят художественные экспозиции и обсуждения произведений искусства – все это снижает значимость реального общения, посещения учреждений культуры. Авторы, представленные в Интернете, получают бóльшую аудиторию: успех зависит от способа коммуникации и самопрезентации.

Развитие цифрового искусства ведет к тому, что постепенно полномочия творца-человека передаются творцу – искусственному интеллекту. Компьютер творит вместо человека, интерпретирует артефакты культуры вместо человека – происходит смена субъекта творчества. Разумеется, это творчество не человеческое (у компьютерной программы нет психики как основы творческого процесса) – оно комбинаторное, алгоритмизированное, тем не менее по некоторым приемам (абстрагирование и интерпретация, комбинация уже известного или коллажирование, стилизация, создание образов по принципу ассоциации, производство нового на основе уже имеющегося, транспонирование смыслов и вербального компонента в визуальный, музыкальный) это именно творчество. Когда генеративный ИИ преобразует текстовые дескрипторы в аудиосигналы (промпт в музыку), осуществляется символический процесс: нейросеть анализирует слова и выявляет цепь ассоциаций, имитирует синестезию, которая присуща людям, передает настроение, то есть переводит метафоры из естественного языка и языка литературы на язык музыки или изобразительного искусства. То есть, у творчества искусственного и естественного интеллекта есть много общего, что неудивительно, поскольку это человек созидает технику и культуру, он – «мера всех вещей».

В перспективе искусственный интеллект перейдет от слабого к сильному или универсальному ИИ, который будет значительно мощнее и сможет действовать в условиях неопределенности, неполноты сведений, воспринимать окружающую среду и чувства людей и др. «Система сильного ИИ <...> – интеллектуальная система, обладающая технотропной психикой, технотропным

сознанием и способностью к программно-аппаратной самоорганизации» [3, с. 6]. Сильный ИИ будет создавать художественные произведения совершенные, многоплановые, разнообразные в стилевом и жанровом отношении.

Уже сейчас применение генеративного ИИ лишает заработков многих иллюстраторов, дизайнеров, художников-мультипликаторов, музыкантов. Это вызывает акции протеста, в которых принимают участие тысячи представителей творческих профессий. В 2023 г. 148 дней бастовали сценаристы Голливуда (свыше 9000 человек), одним из требований было ограничить использование ИИ. В марте 2026 г. около 10000 писателей приняли участие в публикации книги «Don't Steal This Book», в которой все страницы были пустыми. «Творческие луддиты» восстали против обучения ИИ на текстах литераторов. Однако, как показывает история, борьба с научно-техническим прогрессом никогда не увенчивалась победой, он работает, как эволюция, неуклонно и неудержимо. Поэтому должно возобладать спокойное прагматичное отношение к искусственному интеллекту как к полезному инструменту и ассистенту человека.

Цифровые технологии помогают налаживать межкультурные связи, облегчая коммуникацию и распространение универсальных мультимедийных произведений искусства. Визуальные и музыкальные произведения распространяются поверх национальных барьеров, фильмы и тексты переводятся на другие языки – так происходит «сшивание», объединение мирового культурного пространства посредством искусства. Например, видеоролик (ИИ-анимация) публикуется в Интернете с субтитрами на многих языках мира и становится общедоступным; медиапродукт может осуществлять массовое идеологическое воздействие.

Как точно подметил специалист по глобальным исследованиям и исследователь современных медиа Т. Дуранте, «визуальные изображения являются мощными „культурными объектами“, способными передавать сложное представление о социальном мире, и, поскольку изображения не создаются в вакууме, они неизбежно содержат встроенные системы ценностей и идеологий» [4]. Искусство становится не только хранителем ценностей, но и источником идентичности, фактором консолидации общества. В информационном обществе, в эпоху дигитализации, искусство быстрее и легче распространяется в мировой культуре, ризомообразно проникает из одной культуры в другие и тем самым создает общий мировоззренческий и аксиологический фундамент для культурно-различных сообществ.

Обсуждение и заключения

Цифровые технологии ускоряют процесс культурной диффузии, которая способствует объединению локальных культур в общемировую. Сегодня, как

никогда раньше, ярко проявляется роль искусства как объединяющего начала. Искусство – универсальный язык мировой культуры.

Основные выводы исследования:

Научное и генеративное искусство отражают совершающийся постгуманистический поворот. Сильнейшее воздействие на художественный процесс оказывают наука и технологии, это выражается как в смене творческого субъекта (творческий акт делегируется компьютеру, биологическим организмам – например, бактериям), так и в содержании произведений искусства, направленных на осмысление коэволюции человека и машины, эстетических возможностей генетики и т. д. Не слишком далекой перспективой становится творчество на основе технологии сильного искусственного интеллекта.

Дигитализация меняет само искусство и жизнь профессиональных творческих сообществ. Цифровое искусство способствует укреплению межкультурных связей и консолидирует мировое сообщество.

Литература

1. Путинцева-Арданская В. В. Искусство и философия в цифровую эпоху: от человека к машине : монография / В. В. Путинцева-Арданская. – Москва: Проспект, 2025. – 112 с.

2. Гровье К. Искусство с 1989 года. / К. Гровье; [пер. с англ. О. Гаврикова]. – Москва: Ад Маргинем Пресс, 2020. – 214 с.

3. Скиба И. Р. Философско-методологические основания объектно-ориентированного программирования в концепции сильного искусственного интеллекта: автореф. дис. ... канд. филос. наук: 09.00.08 / Скиба Иван Рауфович; Ин-т философии НАН Беларуси. – Минск, 2025. – 22 с.

4. Durante T. Visual Culture and Globalization: The Visual Archive Project of the Global Imaginary / T. Durante // Global-e journal. – 2014, June 1. – Vol. 8. – Issue 4. – URL: <https://globalejournal.org/global-e/june-2014/visual-culture-and-globalization-visual-archive-project-global-imaginary> (date of access: 27.03.2026).

УДК 316.723-053.81

РОСТ МОЛОДЕЖНЫХ СУБКУЛЬТУР КАК РЕЗУЛЬТАТ ПОТЕРИ КУЛЬТУРНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ

THE GROWTH OF YOUTH SUBCULTURES AS A RESULT OF THE LOSS OF CULTURAL IDENTITY

Солдатов Артем Евгеньевич

*Командир отделения 0723 взвода, г. Симферополь, Крымский филиал
Краснодарского университета МВД России*

Soldatov Artem Evgenievich

*Commander of the 0723th platoon, Simferopol, Crimean branch of the Krasnodar
University of the Ministry of Internal Affairs of Russia*

Научный руководитель: Чудина-Шмидт Наталья Витальевна

*к.филос.н. доцент кафедры гуманитарных и социально-экономических
дисциплин Крымского филиала Краснодарского университета МВД России,
г. Симферополь, Крымский филиал Краснодарского университета МВД России*

Supervisor: Natalia Vitalievna Chudina-Schmidt

*PhD in Philosophical Sciences, Associate Professor, Department of Humanities
and Socioeconomic Disciplines, Crimean Branch of the Krasnodar University of the
Ministry of Internal Affairs of Russia, Simferopol, Crimean Branch of the Krasnodar*

Аннотация. Основной целью данной работы представляется рассмотрения феномена роста численности молодежных субкультур как результат потери культурной идентичности.

Abstract. The main goal of this work is to examine the phenomenon of growth in the number of youth subcultures as a result of the loss of cultural identity.

Ключевые слова: культурная идентичность, молодежь, субкультура, деструктивные сообщества.

Keywords: cultural identity, youth, subculture, destructive communities.

Культурная идентичность - принадлежность индивида к какой-либо культуре или культурной группе, формирующая ценностное отношение к себе, другим людям, обществу и миру в целом.

В Российской Федерации на сегодняшний день проводится огромное количество мероприятий для молодежи, которые направлены на духовное и умственное развитие, укрепление патриотизма и воспитание социально устойчивой личности. Так, например, создан национальный проект «Молодежь и дети» по указу Президента России Владимира Путина от 7 мая 2024 года № 309. Одним из ведущих направлений является формирование суверенной системы образования и создание необходимой инфраструктуры.

Но, существует острая проблема, которая развивается с момента начала развала Советского Союза. Она заключается в том, что дети, в большинстве своем, предоставлены сами себе в связи с тем, что они не получают должного внимания от родителей. Вместо получения образования и выстраивания планов на будущее, молодежь все больше подвержена влиянию интернета, лиц из

неблагополучных семей и бывших заключенных, но они осознают это очень поздно, а иногда, не осознают вовсе. По мнению Чудиной-Шмидт Н. В. и Дайнега Ж. А., такое распространение радикальных идей среди молодёжи напрямую зависит от социальных и психологических реакций: «стремление к объединениям» и «желание отделиться от подчинения со стороны старших» - классические маркеры, которые при утрате культурной идентичности направляют молодёжь в деструктивные группы [1, с. 93]. Причиной этой проблемы стал резкий рост бандитизма, упадок экономики и развал государства в целом, жившее на тот момент поколение должно было самостоятельно выбрать свой путь, чтобы прокормить себя и своих близких. Кто-то смог найти работу и выбраться из нищеты, другие же ушли в криминальную среду, общество разделилось на два лагеря и в каждом лагере были свои лидеры. Как подчеркивает Чудина Н. В., «субъект экстрима – это индивид, который обладает сильной волей, что включает механизм отсутствия боязни негативной оценки его поведения со стороны окружающих». Кроме того, автор считает, что данное лицо не боится ставить под сомнение границы своего существования, предпринимая шаги, которые идут вразрез с общепринятым порядком [2, с. 213].

Преступная среда начала активную работу с молодёжью, появилось новое движение, получившее название АУЕ*³ (арестантский уклад един), его деятели вели свою деятельность среди подростков, которым нужны были деньги и еда, давая им простые задания и увеличивая сложность с каждым разом, эти дети становились участниками ОПГ или даже их руководителями. У подростка появляется зависимость к совершению противоправных действий, ведь, если человек привык добиваться желаемого (в том числе на что у него нет законного права) с помощью насилия, он и впредь будет действовать незаконно. Подобное маргинальное поведение подростков постепенно перерастает в откровенно противоправные действия, причём эта тенденция заметно усиливается, когда в окружении молодого человека оказываются взрослые, разделяющие экстремистские взгляды [2, 3].

Это движение с каждым годом становилось все более массовым после того, как арестанты смогли найти доступ в социальные сети, которые набирали популярность ежедневно. На данный момент явно виден упадок данной субкультуры, но, так же виден рост новых, не менее опасных врагов современной молодёжи.

* На основании Федерального закона от 25 июля 2002 года №114-ФЗ «О противодействии экстремистской деятельности»

АУЕ (Арестантский уклад един) признано судом экстремистским и его деятельность на территории России запрещена.

Культурная идентичность России берет свое начало еще с Древнерусского государства несмотря на то, что прошли столетия еще остается множество традиций, чествуемых нами и сегодня, это и уважение к старшим, передача семейных реликвий, застолья и многие другие. Большая и долгая история создала свой, особый менталитет, который включает в себя широту души, искренность и эмоциональность, терпение и выносливость, щедрость и гостеприимство у всех, живущих на этой территории. И наша задача - сохранить его и передавать следующим поколениям. Как справедливо отмечает А. А. Коноплёва в настоящее время серьёзную угрозу для национальной безопасности государства представляет активное противостояние между населяющими его этническими группами, которое создаёт почву для развития экстремизма. Именно поэтому профилактика экстремистских проявлений должна опираться на государственную поддержку сохранения и развития национальных культур, развития духовных ценностей и толерантного отношения и к чужим традициям [4, С. 73].

Какие же варианты решения данной проблемы можно предложить?

1) Изменить подход к образованию- перестать преподавать культуру как музейный экспонат, молодежи сейчас нужно не только слышать и видеть, но и чувствовать. Помимо рассказов необходимо дать возможность почувствовать на себе, что такое труд, и каким он был раньше (гончарное дело, ткачество, кузнечное дело и т.д.). Вместо рассказов о истории – выезды, походы и экспедиции.

2) Создание «идентичного» интернет-пространства – помимо копирования зарубежных «трендов» необходимо создавать свои, которые будут связаны с культурой государства, начиная с видеоконтента и заканчивая видеоиграми. Хорошим опытом стала игра от российских разработчиков «Смута» 2024 года. Действия разворачиваются в 1612 году, в смутное время- голод, войны, польская интервенция, самозванцы пытаются занять престол. Подобный подход дает возможность не просто прочесть историю, а побыть в ней самому и увидеть все, что происходило в то время. Тоже относится и к кинематографу, фильм «Екатерина Великая» 2025 года показывает историю восхождения императрицы на престол и ее деятельность по укреплению Российской империи. Такой подход поможет молодому поколению лучше запомнить деятельность правителей и улучшить знания истории своего государства.

3) Создание собственной моды – молодёжь идентифицирует себя через то, что носит и потребляет. Необходимо ввести в моду этнические костюмы, но не в привычном их понимании, а в новом молодежном стиле. Создание брендов

одежды и обуви, подчеркивающей отношение к Российскому государству или даже к конкретной ее части.

Исходя из вышесказанного необходимо сделать вывод о том, что современное общество должно подстраиваться под нынешние реалии не только исходя из модернизации технологий и иных сфер производства, но и исходя из потребностей молодого поколения, которое является будущим Российского государства, ведь власть, рано или поздно сменится нашим поколением, которое очень сильно отличается от предыдущих из-за глобализации всего мирового пространства, в следствии чего и развивается оно иначе, необходимо создавать новые стандарты, но, при всем этом, необходимо помнить что Родина у нас одна, и история всегда неизменна.

Литература

1. Чудина-Шмидт Н. В., Дейнега Ж. А. Экстремальное поведение современной молодежи как реакция на ментальное воздействие извне // электронный научный журнал «Архонт», № 1 (28), 2022 – С. 90-95.

2. Чудина-Шмидт Н. В. Влияние экстремалов на развитие современного общества // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология, искусствоведение. Вопросы теории и практики. Издательство «Грамота», № 4 (66), 2016 – С. 212-214.

3. Чудина-Шмидт Н. В. Воля к власти как условие формирования экстремального поведения // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2015. № 11-2 (61). С. 204-207.

4. Коноплева А. А. Регулирование межэтнических взаимоотношений в Республике Крым в рамках профилактики развития экстремизма // международный научный журнал «Символ науки», № 11, 2015 – С. 72-74

УДК 371.21/93

РАЗВИТИЕ ЖЕНСКОГО ОБРАЗОВАНИЯ В РОССИИ В НАЧАЛЕ XX ВЕКА THE DEVELOPMENT OF WOMAN'S EDUCATIONS IN RUSSIA AT THE BEGINNING OF THE 20TH CENTURY

Сосновская Вероника Расуловна

Студентка 4 курса, кафедра истории и философии, Гуманитарно-педагогическая академия (филиал) Крымского федерального университет имени В. И. Вернадского в г. Ялта

Sosnovskaya Veronika Rasulovna

4rd year student Department of History and Philosophy, Humanitarian and Pedagogical Academy (branch) of the Vernadsky KFU in Yalta

Научный руководитель: Есип Игорь Михайлович, кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры истории и философии, Гуманитарно-педагогическая академия (филиал) ФГАОУ ВО «КФУ им. В.И. Вернадского» в г. Ялта

Supervisor: Esip Igor Mikhailovich, PhD in Historical Sciences, Associate Professor, Humanitarian and Pedagogical Academy (branch) of the Vernadsky KFU in Yalta, Russia

Аннотация. Статья посвящена анализу процесса развития женского образования в России в начале XX века в контексте общественно-педагогического движения второй половины XIX – начала XX столетия. В работе показана динамика роста числа учебных заведений: с 1906 по 1916 год их количество удвоилось, что отражало актуальные социокультурные процессы и усиление значимости женщин в общественной жизни. Особое внимание уделяется структуре женского образования – от начальных церковно-приходских школ и епархиальных училищ до женских гимназий, профессиональных школ и высших женских курсов. Анализируется переход женщин к профессиональной деятельности, прежде всего в педагогической сфере (к 1917 году женщины составляли около 38 % работников образования и до 80 % домашних учителей), а также влияние идей К. Д. Ушинского, Н. И. Пирогова, Н. Г. Чернышевского и Н. А. Добролюбова на содержание педагогической подготовки.

Abstract. The article analyzes the development of women's education in Russia at the beginning of the 20th century in the context of the social and pedagogical movement of the second half of the 19th century and the early 20th century. The article shows the dynamics of the growth in the number of educational institutions, which doubled from 1906 to 1916, reflecting the current socio-cultural processes and the increasing importance of women in public life. The article focuses on the structure of women's education, from primary parish schools and diocesan colleges to women's gymnasiums, vocational schools, and higher education courses for women. The article analyzes the transition of women to professional activities, primarily in the field of education (by 1917, women accounted for about 38 % of educational workers and up to 80 % of home teachers), as well as the influence of the ideas of K. D. Ushinsky, N. I. Pirogov, N. G. Chernyshevsky, and N. A. Dobrolyubov on the content of pedagogical training.

Ключевые слова: женское образование, общественно-педагогическое движение, революционно-демократическая интеллигенция, высшие женские курсы, профессиональное образование, гендерное равноправие, Россия начала XX века.

Keywords: women's education, social and pedagogical movement, revolutionary-democratic intelligentsia, higher women's courses, professional education, gender equality, early 20th-century Russia.

Введение

Общественно-педагогическое движение второй половины XIX – начала XX века сыграло решающую роль в развитии женского образования. Активные деятели революционно-демократической интеллигенции выступали за расширение прав женщин на образование, что отражалось в создании женских гимназий, училищ, курсов, а затем и высших учебных заведений. Они продвигали идеи равноправия, доступности образования и необходимости формирования всесторонне образованной личности, способной влиять на общественную и культурную жизнь.

Рост числа учебных заведений в стране в конце XIX и начале XX веков стал показателем всеобъемлющих изменений в образовательной системе, что также способствовало увеличению числа женщин, стремящихся к обучению. За недолгое время с 1906 по 1916 гг. количество средних и высших учебных заведений удвоилось, что выделяло женское образование на фоне общей динамики роста образовательного пространства. Это обилие новых учебных мест отразило актуальные социокультурные процессы и усиливало значимость женщин в общественной жизни.

Методы и материалы

В статье используется комплекс методов, обеспечивающих анализ развития женского образования в России в начале XX века.

Историко-сравнительный метод используется для сопоставления: учебных программ женских и мужских заведений; различных типов женских учебных заведений; показателей грамотности и охвата образованием в России и европейских странах.

Архивно-статистический метод предполагает работу с тремя категориями источников: законодательные акты, статистические данные и делопроизводственная документация.

Проблемно-хронологический метод позволяет выделить сквозные проблемы развития женского образования и проследить их трансформацию на каждом историческом отрезке.

Результаты

Ситуация с высшим образованием для женщин в России конца XIX – начала XX века находилась в контексте изменяющихся социальных ожиданий и норм. Властные структуры поначалу вели себя настороженно, относительно образования гражданок, откликаясь на вызовы времени медленно. Однако со временем всё больше женщин смогли поступать в учебные заведения, что стало проявлением их стремления к равноправию и активному участию в обществе [2]. В этом контексте женское образование полностью перестало быть уделом узкой группы женщин и охватило более широкий круг девушек из различных слоёв общества.

Рост образовательного уровня женщин вёл к трансформации общественных отношений и культуры. Связь между образованием и получением избирательных прав дополнила образовательный прогресс мощным политическим эффектом, который стал одним из аспектов глобального женского движения начала XX века [1].

Революционно-демократическая интеллигенция в России начала XX века сыграла ключевую роль в продвижении идей равноправия женщин в образовании, связывая их с более широкими задачами общественного прогресса и социальной справедливости. Представители этого слоя общества рассматривали женское образование не только как средство личностного развития, но и как важный фактор преобразования российского общества и расширения демократических прав. Взгляды революционно-демократической интеллигенции ориентировались на преодоление патриархальных и сословных ограничений, препятствовавших полноценному участию женщин в общественной жизни [3].

Важным этапом становления влияния интеллигенции стали события после 1905 года, когда учебные программы в женских учебных заведениях постепенно приближались к тем, что существовали в мужских школах. Общественная поддержка и политическая борьба интеллигенции стали предпосылкой для введения совместного обучения девочек и мальчиков после революции 1917 года, а также расширения образовательных программ для женщин на всех уровнях [5].

Начальный уровень женского образования в России начала XX века преимущественно реализовывался через церковно-приходские школы и начальные женские училища. Религиозные учебные заведения обеспечивали базовую грамотность и элементарные знания, сосредоточенные на чтении, письме, арифметике, а также религиозном воспитании. Они играли значительную роль в обеспечении начального образования для девушек,

особенно в провинциальных городах и сельских районах, где другие формы обучения были менее доступны. Начальное образование рассматривалось как фундамент для дальнейшего продвижения в системе женского образования несмотря на то, что уровень грамотности среди женщин все ещё оставался низким по сравнению с мужчинами и европейскими странами [11].

Средний уровень женского образования к началу XX века был представлен в основном женскими гимназиями и епархиальными училищами. Женские гимназии, основанные начиная с XVIII века, ориентировались на подготовку девушек из дворянских и купеческих семей к роли образованных членов общества. Программа гимназий включала углублённое изучение гуманитарных предметов, иностранных языков, элементов естественных наук и истории, что отличало женские учебные заведения от многих мужских школ, уделявших больше внимания точным наукам и техническим дисциплинам [4]. Епархиальные училища, возникшие в середине XIX века, имели более узкую направленность, акцентируя внимание на религиозном воспитании, а также подготовке к педагогической деятельности в церковных школах [10].

Переход девушек к профессиональному обучению осуществлялся через создание специализированных женских профессиональных школ, число которых к началу XX века достигло 129 учреждений с почти десятью тысячами учащихся. Эти школы подготавливали к различным профессиям, прежде всего педагогическим, медицинским и социальным, что способствовало появлению новых возможностей для женщин вне домашнего круга. Важным историческим примером профессионального женского образования стал Смольный институт – первый учебный дом для благородных девиц, где происходила целенаправленная подготовка к роли просвещённых женщин, способных влиять на общественную мораль и культуру [4].

Государственный контроль и финансирование женского образования осуществлялись через систему школ различных типов и уровней - от начальных епархиальных училищ до профессиональных училищ и гимназий. Уже в середине XIX века законодательство предписывало открывать женские школы в населённых пунктах с числом девочек старшего школьного возраста не менее 25, что свидетельствовало о целенаправленных усилиях по созданию образовательной инфраструктуры даже в сравнительно малых общинах [1]. Наряду с этим сохранялись элементы сословного распределения, затруднявшие равный доступ к образованию, но постепенно государственная политика ориентировалась на расширение кругов обучающихся за счёт низших сословий.

Женщины стали массово вовлекаться в профессию учителя, особенно в начальных классах и сельской школе, где к 1917 году женщины составляли около

38% работников образовательной сферы и до 80% домашних учителей [12]. Такая тенденция была связана, с одной стороны, с растущей потребностью в педагогических кадрах, а с другой – с традиционным восприятием преподавания как «женской профессии», приемлемой для социальной роли женщины.

С конца XIX века и до начала XX происходило активное расширение учреждений, готовящих профессиональных педагогов-женщин. Это были не только педагогические училища и техникумы, но и высшие педагогические курсы, создававшие условия для углублённого изучения методики и теории преподавания. Высшие женские курсы, возникшие в 1870-х годах, хоть и не предоставляли официального права на получение диплома, позволяли женщине получить интеллектуальное образование, важное для профессионального и личностного роста [12].

Подготовка педагогов-женщин опиралась на идеи таких классиков педагогики XIX века, как Константин Дмитриевич Ушинский, Николай Иванович Пирогов, а также представителей революционно-демократического движения Николая Гавриловича Чернышевского и Николая Александровича Добролюбова, которые подчёркивали необходимость доступного и гуманного образования для всех, включая женщин, и считали преподавательство важным элементом новой социальной структуры [7].

В процессе формирования системы женского образования также возникли вопросы юридического характера. Женщины нередко не имели права на высшее образование и профессиональные профессии, что требовало законодательных изменений и перекройки подходов к образованию. Всевозможные законодательные инициативы с целью улучшения ситуации выявляли необходимость создания единой системы образования для женщин, в которой было бы предусмотрено развитие прав на обучение. Николай Иванович Кареев, как один из первых учёных, поднявших этот вопрос, указывал на важность расширения возможностей для женщин и формирования научной базы, что подтверждает его значимость в контексте реформ [9].

Рост женского движения, активная борьба суфражисток за политические права, а также изменения в социально-экономической сфере способствовали формированию нового общественного представления о роли женщины в обществе. Важную роль в этом процессе сыграло сохранение и изучение исторического наследия. Известные учёные и исследователи, анализируя исторические документы, статистические данные и свидетельства современников, демонстрировали несостоятельность аргументов противников женского образования. Параллельно с этим, активистки женского движения, зачастую не имея доступа к формальному

образованию, самостоятельно изучали историю, философию, литературу, формируя интеллектуальную основу для своей борьбы [8].

Поворотным моментом в борьбе за права женщин в высшем образовании стала революция 1905 – 1907 гг. В этот период вольнослушательницы вновь получили возможность учиться в университетах, а с 1907 года в Санкт-Петербургский политехнический институт начался приём женщин наравне с мужчинами. Такое реформирование связано с общественным давлением и изменениями в законодательстве, которые частично сняли ограничения для женщин. К 1913 году в России действовало более тридцати высших женских курсов, что свидетельствовало о росте спроса на профессиональное и академическое образование среди женщин и расширении спектра доступных для них дисциплин [9].

Однако противостояние консервативных сил было значительным. Некоторые политические фигуры и общественные деятели, включая Владимира Пуришкевича, выступали против равноправного доступа женщин к университетам, аргументируя это нарушением социальных норм и «неприличием» женского образования. Споры касались также формы обучения - с разделением по полу или совместного, что стало предметом интенсивных дискуссий в педагогической и общественной среде. Несмотря на оппозицию, процесс разрушения традиционных ограничений и расширения возможностей для женщин в высшем образовании продолжался под влиянием идей реформаторов и революционно-демократической интеллигенции [9].

Государственная политика в отношении женского образования отвечала задачам модернизации общества и образовательной системы, а также социально-экономическим преобразованиям страны. Власть стремилась сочетать расширение образовательных прав женщин с контролем над содержанием и формами обучения, что проявлялось в постепенной систематизации учебных заведений, расширении их сети и регулировании доступа для представителей различных социальных слоёв. Это позволило создавать условия для интеграции женщин в профессиональные сферы, что в дальнейшем содействовало их расширенному участию в общественной жизни [6].

Основные выводы исследования

Подводя итог, можно утверждать, что развитие женского образования в России начала XX века стало результатом сложного взаимодействия общественно-педагогического движения, государственной политики и международных влияний. Решающую роль в этом процессе сыграла революционно-демократическая интеллигенция, которая не только теоретически обосновала необходимость

равноправного доступа женщин к знаниям, но и на практике способствовала созданию разветвлённой сети учебных заведений - от начальных церковно-приходских школ до высших женских курсов.

В первое десятилетие XX века произошёл резкий скачок числа средних и высших школ для девушек - их количество выросло вдвое. Государство поначалу относилось к женскому образованию с недоверием и реагировало на общественные требования с опозданием, но под давлением обстоятельств доступ к учёбе получили девушки из более широких социальных слоёв. Повышение образовательного уровня напрямую стимулировало вовлечение женщин в профессии, общественную деятельность и борьбу за избирательные права.

Литература

1. Васильева С. П. Женское начальное народное образование в системе народного просвещения во второй половине XIX – начале XX вв. / С. П. Васильева // Вестник Тамбовского государственного университета. 2010. №2 // [Электронный ресурс]. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/zhenskoe-nachalnoe-narodnoe-obrazovanie-v-sisteme-narodnogo-prosvescheniya-vo-vtoroy-polovine-xix-nachale-xx-v> (дата обращения: 10.04.2026).

2. Васильева С. П. Женское образование в России в середине XIX – XX вв.: процесс становления и развития. Типы женских учебных заведений / С. П. Васильева // Вестник Тамбовского государственного университета. 2010. № 6 // [Электронный ресурс]. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/zhenskoe-obrazovanie-v-rossii-v-seredine-xix-xx-v-protsess-stanovleniya-i-razvitiya-tipy-zhenskih-uchebnyh-zavedeniy> (дата обращения: 10.04.2026).

3. Верременко В. А. Пансионы в России во второй половине XIX – начале XX вв. / В. А. Верременко // Вестник Ленинградского государственного университета им. А. С. Пушкина. 2015. №3 // [Электронный ресурс]. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/pansiony-v-rossii-vo-vtoroy-polovine-xix-nachale-xx-v> (дата обращения: 10.04.2026).

4. Днепро Э. Д., Усачева Р. Ф. Среднее женское образование в России: учебное пособие для студентов высших учебных заведений / Э. Д. Днепро, Р. Ф. Усачева. – М: Дрофа, 2009. – 285 с. // [Электронный ресурс]. – URL: <https://search.rsl.ru/ru/record/01004260852> (дата обращения: 10.04.2026).

5. Колточихина А. А. Роль Общества и российской интеллигенции в становлении высшего женского образования в России / А. А. Колточихина // Научные исследования и разработки молодых ученых. 2015. №5 // [Электронный ресурс]. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/rol-obshchestva-i-rossiyskoy>

intelligentsii-v-stanovlenii-vysshego-zhenskogo-obrazovaniya-v-rossii(дата обращения: 10.04.2026).

6. Косетченкова Е. А. Государственные преобразования системы женского профессионального образования в конце XIX – начале XX вв. / Е. А. Косетченкова // Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки. 2008. №8 // [Электронный ресурс]. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/gosudarstvennye-preobrazovaniya-sistemy-zhenskogo-professionalnogo-obrazovaniya-v-kontse-xix-nachale-hh-v> (дата обращения: 10.04.2026).

7. Косетченкова Е. А. История становления женского профессионального образования в России во второй половине XIX начале XX в.: Дис. канд. ист. наук: 07.00.02 / Косетченкова Елена Александровна. – Курск, 2005. – 233 с // [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.dissercat.com/content/stanovlenie-i-razvitie-zhenskogo-professionalnogo-obrazovaniya-v-rossii-v-kontse-xix-nachale> (дата обращения: 10.04.2026).

8. Крыкова И. В. Суфражизм как политическое направление феминизма / И. В. Крыкова // Аналитика культурологии. 2009. №13 // [Электронный ресурс]. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sufrazhizm-kak-politicheskoe-napravlenie-feminizma> (дата обращения: 10.04.2026).

9. Куликова Т. Н. Развитие высшего образования для женщин в конце XIX – начале XX века: на примере курсов Герье / Т. Н. Куликова // Вестник Московского городского педагогического университета. Серия: Исторические науки. 2019. №1(33) // [Электронный ресурс]. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/razvitie-vysshego-obrazovaniya-dlya-zhenschin-v-kontse-xix-nachale-xx-veka-na-primere-kursov-gerie> (дата обращения: 10.04.2026).

10. Михеева В. В. Образовательно-воспитательная деятельность в епархиальных женских училищах (вторая половина XIX – начало XX века): синтез светского и церковного начал / В. В. Михеева // Манускрипт. 2025. №4 // [Электронный ресурс]. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/obrazovatelno-vospitatelnaya-deyatelnost-v-eparhialnyh-zhenskih-uchilischah-vtoraya-polovina-xix-nachalo-xx-veka-sintez-svetskogo-i> (дата обращения: 10.04.2026).

11. Перцев В. В. Гимназическое образование в дореволюционной России: вторая половина XIX – начало XX века / В. В. Перцев // Концепт. 2013. №1(17) // [Электронный ресурс]. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/gimnazicheskoe-obrazovanie-v-dorevoljutsionnoj-rossii-vtoraya-polovina-xix-nachalo-xx-veka> (дата обращения: 10.04.2026).

12. Реушенко А. А., Шакурова М. В. Переустройство женского профессионального образования на территории России второй половины XIX – начала XX века / А. А. Реушенко, М. В. Шакурова // Вестник Бурятского

государственного университета. Философия. 2017. №7 // [Электронный ресурс]. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/pereustroystvo-zhenskogo-professionalnogo-obrazovaniya-na-territorii-rossii-vtoroy-pолоviny-xix-nachala-xx-veka> (дата обращения: 10.04.2026).

УДК101.1:316+140.8+130.2

**МОДЕРНИЗАЦИЯ КАК ДВИЖУЩАЯ СИЛА И МЕХАНИЗМ РАЗВИТИЯ
ЦИВИЛИЗАЦИИ ИННОВАЦИОННОГО ТИПА
MODERNIZATION AS A DRIVING FORCE AND A MECHANISM FOR THE
DEVELOPMENT OF AN INNOVATIVE CIVILIZATION**

Сухина Игорь Григорьевич

*доктор философских наук, профессор кафедры философии
и русской филологии, ФГБОУ ВО «Донецкий национальный университет
экономики и торговли имени Михаила Туган-Барановского», г. Донецк*

Sukhina Igor Grigorievich

*Doctor of Philosophy, Professor of the Department of Philosophy and Russian
Philology, Donetsk National University of Economics and Trade named after Mikhail
Tugan-Baranovsky, Donetsk*

Шлетгавер Даниил Витальевич

*аспирант кафедры философии и русской филологии,
ФГБОУ ВО «Донецкий национальный университет экономики и торговли
имени Михаила Туган-Барановского», г. Донецк*

Shletgaver Daniil Vitalievich

*Postgraduate Student of the Department of Philosophy and Russian Philology,
Donetsk National University of Economics and Trade named after Mikhail Tugan-
Baranovsky, Donetsk*

Аннотация. Исследуется феномен модернизации как движущая сила и механизм социального развития цивилизации инновационного типа. Даны определения понятий: цивилизации как социокультурной суперсистемы и цивилизации инновационного типа, которая самоорганизуется и развивается в модальности модернизации на основе инновационных достижений научно-технического прогресса. Модернизация понимается как системная социальная трансформация общества и цивилизации в целом, доминантой которой является НТП в его растущем социальном влиянии. Она представлена интегральной совокупностью этапов развертывания НТП, и магистральным процессом социально-цивилизационного развития, который, с эпохи Нового времени, и

особенно в эпоху Новейшего времени, определяет ход всемирной истории. Модернизация представлена как философский концепт осмысления современных социально-цивилизационных реалий, определяемых НТП и его социальным влиянием на развитие общества и мировой цивилизации в целом.

Abstract. The phenomenon of modernization is investigated as a driving force and mechanism for the social development of an innovative type of civilization. Definitions of concepts are given: civilization as a sociocultural supersystem and civilization of an innovative type, which self-organizes and develops in the modality of modernization on the basis of innovative achievements of scientific and technological progress. Modernization is understood as a systemic social transformation of society and civilization as a whole, dominated by the NTP in its growing social influence. It is represented by an integral set of stages of NTP deployment, and the main process of socio-civilizational development, which, from the era of modern times, and especially in the era of modern times, determines the course of world history. Modernization is presented as a philosophical concept of comprehension of modern socio-civilizational realities determined by NTP and its social influence on the development of society and world civilization as a whole.

Ключевые слова: цивилизация, цивилизационная система, цивилизация инновационного типа, научно-технический прогресс, технологии, социальное развитие, инновации, инновационное развитие, модернизация, глобальный.

Keywords: civilization, civilization system, innovation-type civilization, scientific and technological progress, technology, social development, innovation, innovation development, modernization, global.

Цивилизация являет собой устойчивую, исторически формирующуюся, социокультурную целостность, характеризующуюся: социальной организацией, и динамикой, средствами коммуницирования, информационным обеспечением, объективными знаниями, технологиями, способами материального и духовного производства, формами общественного сознания, единящимися в коллективный интеллект как структуру управления, общезначимыми ценностями и нормами.

Собственно человеческая история в организационных формах и динамике развития, в логике и перспективе своего вершения есть история цивилизации. Это – универсальный цивилизационный процесс, который разворачивается в пространстве и времени, и включает в себя все многообразие конструктивных проявлений человеческого бытия в социокультурных формах его организации. В русле этого процесса происходит становление самобытных цивилизаций, их развитие и взаимодействие, конституирующее общецивилизационную фактуру человеческого бытия в мире как универсального цивилизационного процесса.

Человеческое бытие с позиции конструктивной социокультурной субъектности есть бытие как цивилизация, есть цивилизационный процесс освоения мира, его преобразование в цивилизацию как антропогенный мир человеческого бытия.

Цивилизация является собой социокультурную суперсистему, в которой происходит формирование, организующая интеграция, развитие человеческого бытия, его оптимизация, – такую социокультурную суперсистему, которая имеет самоорганизующийся в пространстве и времени характер. И способность цивилизационной суперсистемы к самоорганизации находит воплощение в её структурной организации, функционировании, социальной динамике развития.

Как системное социокультурное образование, цивилизация в ходе своего поступательного развития неразрывно связана с естественно-природными процессами, осуществляя их преобразование в процессы социальные. Это обуславливает динамику самоорганизации цивилизации в процессе ее развития.

В самом социально-цивилизационном процессе исторического развития человечества выделяются две универсальные стадии – традиционная и инновационная, с соответственными им историческими типами цивилизации.

Традиционная стадия – цивилизация традиционного типа – отличается: устойчивостью социального развития и его эволюционным характером, традиционностью и невысокими темпами социальной динамики и изменений. Это – аграрная, доиндустриальная, цивилизация, которая отличается ретроспективными ориентирами мировоззрения, несовременными технологиями и средствами коммуникации, синкретизмом знаний, нормативной регламентацией социального поведения и деятельности. Примеры: цивилизации Древнего Востока, античная цивилизация, европейская и арабо-мусульманская цивилизации Средних веков, страны «третьего мира» – большинство стран Африки, ряд стран Южной Азии и Латинской Америки.

Инновационная стадия – цивилизация инновационного типа – отличается: самодовлеющим социальным развитием и его прогрессирующим характером, инновационностью и растущими темпами социальной динамики и изменений.

Цивилизация инновационного типа – это: во-первых, индустриальная цивилизация, отличающаяся перспективистскими ориентирами мировоззрения, научно-техническим прогрессом, совершенствующимися на научной основе технологиями и средствами массовой коммуникации, кумуляцией научных знаний, инициативной, – креативной и новаторской социальной субъектностью; во-вторых, пост - или сверх - индустриальная цивилизация, представляющая собой техногенную модификацию цивилизации индустриальной. Примеры: европейская цивилизация Нового времени, страны «первого мира», особенно – страны «большой семерки» (G7), индустриальные страны «второго мира».

Высокотехнологичную сверх-индустриальную цивилизацию американский философ Э. Тоффлер номинировал цивилизацией «третьей волны», исходя из того, что в истории человечества произошли три иницируемые технологиями крупномасштабные революции, которые стали инновационными транзитами общества и цивилизации: от архаического состояния – к аграрной стадии (первая волна); от аграрной – к индустриальной стадии (вторая волна); от индустриальной – к супериндустриальной стадии (третья волна) [8, с. 31-34].

Цивилизации инновационного типа присущ соответствующий ей код генерирования потенциала ее самоорганизации, ориентирующий на создание, использование, распространение и культивирование нового в его социальной значимости. Этот код новаторства определяет самую ее сущность и специфику.

➤ В общем, цивилизация инновационного типа характеризуется:

- преимущественным ориентиром на социальный прогресс в развитии, и высокими темпами динамики социального развития и социальных новаций;
- постоянным и целенаправленным генерированием новых представлений, идей, образцов, проектов, предполагающих как текущую, так и перспективную свою практическую объективацию в инновационной социальной практике;
- инновационным типом мышления – культивированием креативной, эвристической способности мышления находить и реализовывать новые идеи и подходы к эффективному решению практических задач;
- инновационной культурой, в которой культивируется персонифицированная культуротворческая субъектность, и в которой культурогенные инновации начинают системным образом преобладать над традициями, определять их;
- всемерной активизацией инновационной социальной субъектности, – деятельности предпринимателей, менеджеров, инженеров, учёных;
- социальной приоритетностью инновационного развития науки, научного знания и техники на основе институционально производимого научного знания;
- переходом на нематериальную сферу производства и ее ресурсы, – научные знания, социальная информация, интеллектуальная деятельность и творчество;
- системным преобразованием общества в техносферу;
- либеральными ценностями и нормами, соответственными ориентиру общества на инновационное развитие, инициативной социальной субъектности.

Становление и первоначальный этап исторического развертывания цивилизации инновационного типа в индустриальной модальности произошел в эпоху Нового времени всемирной истории человечества (XVII - начало XX вв.). Последующий этап ее исторического развертывания в сверх-индустриальной модальности осуществляется в эпоху Новейшего времени (XX - XXI вв.) – эпоху

инициированной этой цивилизационной трансформацией глобализации.

Вместе с тем прогрессирующее социальное развитие инновационной цивилизации как таковой определяется модернизацией на генеративной основе НТП. Модернизация (от англ. modern – современный, передовой) представляет собой интегральный для общества и цивилизации в целом социальный процесс системного их обновления в ходе развития, придающий ему поступательность и динамизм. В широком смысле модернизация – это интегральный процесс инновационного обновления цивилизации как системы в самоорганизующемся ее развитии, предполагающем переход на более высокие уровни организации.

Наиболее существенно модернизация проявляется в сфере социального позиционирования и влияния НТП, в сфере продуцируемых им современных, – наукоемких (высоких) технологий. В общем, модернизация может мыслиться «синонимом социокультурной современности как интегральной совокупности интеллектуальных, социальных, экономических, политических, идеологических трансформаций, происходящих на основе и в результате НТП» [6, с. 314].

Модернизация – это, прежде всего, инновационный процесс внедрения, направленной кумуляции и адаптации достижений НТП в цивилизационной системе в целом, воплощающий собой логику социального вершения НТП.

Модернизация выступает фокусом социальной генерации потенциалов НТП, его технологических достижений, и их адаптации к обществу, и цивилизации в целом. Она является движущей силой инновационного развития цивилизации, и механизмом ее самоорганизации в развитии и функционировании. Она не просто опосредует собой системное влияние НТП и его достижений на цивилизационную социосферу человеческого бытия, но выступает механизмом самоорганизации цивилизационной системы в ее инновационной модальности. Она – универсальный механизм инновационной модальности цивилизации. В ней социальные инновации обретают определенность и предметный характер.

Как таковая, модернизация, на современном этапе своего вершения – со 2-й половины XX века, определяет ведущие мировые тенденции социального развития, его мегатренды (термин американского социолога и футуролога Д. Нейсбита). Д. Нейсбит выделил **10 мегатрендов** современного социального развития как следствия модернизации общества на научно-технической основе [4, с. 8-9], среди которых следует отметить следующие мегатренды: - переход «...от индустриального общества к обществу, в основе которого лежит производство и распределение информации» [4, с. 8], т.е. обществу информационному; - технический прогресс в области высоких технологий – hightech [4, с. 8]; - переход от национальной экономики к мировой [4, с. 8]; - новаторская субъектность [4, с. 9]; - выбор в пользу неформальных

коммуникативных сетей [4, с. 9]; - переход к свободному обществу с многовариантным поведением [4, с. 9]. Нейсбит представляет мегатренды как «основные направления движения, которые определяют облик и суть нового общества» [4, с. 9]. Все эти мегатренды современного социального развития – важнейшие характеристики модернизации, которые инициированы НТП.

Научно-технический прогресс – это инновационный и модернизационный процесс и результат взаимосвязанного развития науки и техники, их взаимного совершенствования. НТП предполагает креативную синергию взаимодействия науки и техники в их совместном развитии, которая является его движущей силой, как и развития общества и цивилизации, их модернизации. НТП – это инновационный техногенный процесс преобразующего освоения доступной человеку-субъекту реальности. «Составными частями НТП являются: наука, техника, технология, а также производство, управление» [5, с. 270]. Именно модернизация связывает социальные генерации НТП с обществом, цивилизацией, она придает НТП макромасштабный характер системного социального влияния.

В общем, логика становления и развития инновационной цивилизации такова – НТП как креативный доминион инноваций; системные социальные инновации на его основе; модернизация как средоточие социальных инноваций, социально-цивилизационный механизм их генерирования и адаптации. По мере своего утверждения модернизация начинает оказывать системное воздействие на цивилизацию в инновационной модальности ее самоорганизации и развития. Именно через механизм модернизации, объективирующий его потенции, НТП выступает движущей силой инновационного развития общества и цивилизации.

В общем, модернизация – это мировой, глобально развертывающийся социальный процесс развития и позиционирования в мире цивилизации инновационного типа, который в поступательности своего вершения проходит ряд последовательных этапов, детерминированных этапами НТП, таких как:

- механизация – техногенный процесс замены в общественном производстве ручного труда и технологий машинами и механизмами, начало которого было положено промышленной революцией 2-й половины XVIII века как переходом к фабричной системе производства, опирающейся на машинную технику;

- электрификация – техногенный процесс создания и системного использования электроэнергии в общественном производстве, транспорте и быту, начало которого было положено второй промышленной революцией 2-й половины XIX - начала XX вв. как переходом к применению электрических машин с соответствующим электрификации инфраструктурным обеспечением

общества;

- автоматизация – техногенный процесс замены в общественном производстве механических устройств автоматическими устройствами, с их внедрением в систему управления; начало автоматизации было положено в 50-е гг. XX века как переходом к системному использованию автоматизированных(высоких) технологий: устройствам с числовым программным управлением, ЭВМ, робототехнологиям, автоматизированным системам управления, и т.д.

- информатизация – техногенный процесс создания и системного применения информационных технологий в общественном производстве, управлении, и практически во всех сферах общества и цивилизации для их эффективного информационного обеспечения на этой высокотехнологичной основе, которая делает информацию стратегическим ресурсом социального развития; начало информатизации было положено в 70-е гг. XX века, с переходом к системному использованию информационных микропроцессорных (высоких) технологий: компьютерам и серверам, интернету, мобильным устройствам и средствам связи, системам спутниковой навигации, искусственному интеллекту, и т. д.

Информатизация ориентирована на становление информационного общества и цивилизации, – социальной техногенной реальности, в которой производство, обработка, хранение, передача и внедрение, использование информации становится всеобъемлющим. При этом информация выступает источником кумуляции актуальных – научных знаний, которые программируют инновационное развитие, системную модернизацию общества. Информация и знания в информационном обществе становятся главными продуктами системы общественного производства, ресурсом инновационного социального развития.

Информатизация, в своей сущности, – это социотехногенный процесс овладения информацией как стратегическим ресурсом развития и управления с помощью информационных технологий, направленный на формирование информационного общества, и на этой основе – обеспечения дальнейшего модернизационного развития, прогресса цивилизации инновационного типа.

При этом универсальной технологической платформой информационного общества и цивилизации, представленной в их системной организации, является Интернет. Это – универсальная коммуникативная компьютерная сеть, объединяющая отдельные локальные, региональные и глобальные сети в единое информационное миро-пространство, информационную миро-систему. Так, американский социолог М. Кастельс рассматривает интернет глобальной совокупностью компьютерных сетей [2, с. 23], а также открытой системой

компьютерных коммуникаций, способной охватить собой весь мир [2, с. 34].

Интернет – глобальная технологическая мега-система, интегрирующая информационно-коммуникативные сети всевозможных уровней, и самым существенным образом влияющая на модернизацию современного общества и цивилизации в целом, придавая ей глобальную, всемирную масштабность.

Процесс информатизации удостоверяет собой модернизационный транзит развития инновационной цивилизации на нематериальную сферу детерминации – сферу социального действия информационных технологий, информации, знаний, распространяющегося на всю цивилизационную систему. Э. Тоффлер подчеркивал, что «самым важным (и неистощимым) сырьем для цивилизации Третьей волны станет информация, включая воображение» [8, с. 560].

При этом механизация и электрификация как макро - социотехногенные процессы, взаимно дополняющие друг друга, в становлении и развитии своем сыграли определяющую роль в формировании общества и цивилизации индустриального типа как первоначального этапа инновационной цивилизации.

В свою очередь автоматизация и информатизация как макро - социотехногенные процессы, взаимно переходящие и дополняющие друг друга, в становлении и развитии своем сыграли определяющую роль в формировании общества и цивилизации сверх-индустриального типа как самого современного этапа развития инновационной цивилизации в его глобальной масштабности. Сверх-индустриальная цивилизация – цивилизация нового технологического уровня, – уровня автоматизированных и информационных технологий. Это – современные – высокие, наукоемкие, технологии, к которым также можно отнести любое производство, где задействован крупный объем наукоемкой информации и сложных материальных ресурсов при разработке [5, с. 269].

Все эти макро - социотехногенные процессы, удостоверяющие собой этапы поступательного хода развертывания НТП в его системном социальном влиянии, являются составляющими магистрального для всемирной истории Нового и Новейшего времени процесса модернизации, встраиваются в него. Российский математик, философ Н. Моисеев отмечал, что в современном мире со 2-й половины XX века, и особенно в XXI веке, модернизация социального развития имеет непрерывно происходящий характер [3, с. 173]. Моисеев указывал на роль коллективного разума в социальном развитии. Он отмечал: «я определяю информационное общество как общество, в котором Коллективный Интеллект (Коллективный Разум) играет в его функционировании роль, аналогичную той, которую играет разум человека в его организме, т.е. содействует развитию общества ... И действует во благо всего человечества, формируя новый гомеостаз! ... Когда мы говорим об информационном обществе, то речь идет

именно о планетарном обществе в целом, а не об отдельных избранных группах и даже группах стран» [3, с. 87]. Модернизация выступает инновационным каналом социальной субъектности Коллективного Разума человечества, прежде всего в его научном и технологическом аспектах.

Модернизация, воплощающая собой социально направленные генерации и достижения НТП в ходе его развертывания, выступает движущей силой и механизмом развития инновационной цивилизации, определяющим его логику. Как механизм социального развития, она аккумулирует достижения НТП, и осуществляет их внедрение в цивилизационную систему, их адаптацию к ней.

Системное инновационное социальное развитие общества и цивилизации в целом осуществляется и прогрессирует именно в модальности модернизации. Модернизация переводит креативный потенциал НТП в социальное русло, что имеет особое значение, поскольку главная цель НТП не в самодостаточности развития науки и техники, а именно в их социально и гуманитарно значимом модернизирующем влиянии на развитие общества и цивилизации в целом.

Модернизация оказывает обратное влияние на НТП, его поступательный ход в плане социально-гуманитарных его ориентиров и целей как нормативных. Социально-цивилизационное развитие в принципе, как и его модальность – модернизация, имеет исходное – антропологическое, антропогенное субъектное основание, и призвано служить человечески-значимым, гуманитарным целям. Российский философ В. Тихонова утверждает, что «основой цивилизационного развития является сам человек с его потребностями познания, преодоления отсталости, качественно новых условий жизни, что, в конечном счете, и мотивирует потребность в цивилизационной модернизации» [7, с. 16].

Зародившаяся в недрах инновационной культуры эпохи европейского Возрождения, модернизация сформировалась в качестве магистрального цивилизационно-исторического мега-процесса, который, с эпохи Нового времени, существенным образом определяет вершение современной истории. Собственно сама история модернизации начинается с Европы, с начала НТП в виде промышленных революций во 2-й половине XVIII века; промышленная революция началась в Великобритании, приобрела с 1-й половины XIX века всеобъемлющий характер, и стала отправным пунктом, посылом глобального развертывания процесса модернизации, конституирующего цивилизационную современность, определяющего собой современный мир-систему. Английский социолог Э. Гидденс констатирует, что «начиная с XVIII века, и до наших дней в мире происходят стремительные социальные изменения. Возможно, что за этот период – ничтожный по меркам истории – человечество изменялось быстрее, чем за все предыдущее время своего существования» [1, с. 54].

Модернизация инициировала существенный цивилизационный сдвиг в человеческой истории, который стал транзитом в её современное состояние, и стал магистральным путем, глобально масштабным процессом ее вершения. Она удостоверяет собой логику прогрессирующего социального развития.

Таким образом, философский концепт модернизации представляет собой ключевую идею осмысления закономерностей и особенностей социального развития и социально-цивилизационных реалий современной эпохи всемирной истории человечества, – эпохи НТП, модернизации, и глобального позиционирования в мире цивилизации инновационного типа. В семантическом плане модернизация предстает в качестве ключевого цивилизационного кода современного социального развития и цивилизованного мира-системы.

Литература

1. Гидденс Э. Социология / При участии К. Бердсолл: Пер. с англ. // Э. Гидденс. – М.: Едиториал УРСС, 2005. – 320 с.
2. Кастельс М. Информационная эпоха: экономика, общество и культура / М. Кастельс; пер. с англ. – М.: ГУ ВШЭ, 2000. – 608 с.
3. Моисеев Н. Н. Судьба цивилизации. Путь Разума / Н. Н. Моисеев. – М.: Языки русской культуры, 2000. – 224 с.
4. Нейсбит Д. Мегатренды / Д. Нейсбит; пер. с англ. – М.: ООО «Издательство АСТ»; ЗАО НПП «Ермак», 2003. – 380, [4] с.
5. Сухина И. Г. Философия и история науки: Учебное пособие для студентов всех направлений подготовки (профилей) очной и заочной форм обучения, образовательно-квалификационного уровня магистратура / И. Г. Сухина. – Донецк: ГОВПО ДонНУЭТ, 2019. – 320 с.
6. Сухина И. Г. Ценности и человеческое бытие в хронотопе культуры: монография / И. Г. Сухина. – Донецк: ГОВПО ДонНУЭТ, 2016. – 444 с.
7. Тихонова В. Модернизация в контексте цивилизационного развития: социально-философский аспект / В. Тихонова // Вестник Московского государственного университета культуры и искусств. 2016. №2 (70) март – апрель. – С. 15-20.
8. Тоффлер Э. Третья волна / Э. Тоффлер; пер. с англ. – М.: ООО «Фирма «Издательство АСТ», 1999. – 784 с.

УДК 372.893:004.9

ЦИФРОВЫЕ ТЕХНОЛОГИИ В ФОРМИРОВАНИИ ИСТОРИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЫ ОБУЧАЮЩИХСЯ: СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ

DIGITAL TECHNOLOGIES IN THE FORMATION OF HISTORICAL CULTURE: CURRENT STATE AND DEVELOPMENT PROSPECTS

Теряев Владислав Максимович

Студент 4 курса, кафедра истории и философии, Гуманитарно-педагогическая академия (филиал) Крымского федерального университет имени В. И. Вернадского в г. Ялта

Teryaev Vladislav Maksimovich

4rd year student Department of History and Philosophy, Humanitarian and Pedagogical Academy (branch) of the Vernadsky KFU in Yalta

Научный руководитель: Атик Аниса Ахмедовна, кандидат философских наук, доцент, Гуманитарно-педагогическая академия (филиал) ФГАОУ ВО «КФУ им. В.И. Вернадского» в г. Ялта, Россия

Supervisor: Atik Anisa A., PhD in Philosophical Sciences, Associate Professor, Humanitarian and Pedagogical Academy (branch) of the Vernadsky KFU in Yalta

Аннотация: В статье проводится анализ изменения процесса формирования исторической культуры под влиянием цифровых технологий. Рассматриваются возможности включения информационно-коммуникационных технологий в современное историческое образование, а также их виды. Анализируются, как основные проблемы, которые могут быть вызваны цифровизацией образования, так и их преимущества. В работе, также обозначаются возможные перспективы развития методов формирования исторической культуры при помощи информационно-коммуникационных технологий, которые направлены на переход к более интерактивным методам преподавания, которые бы способствовали более глубокому погружению в контекст изучаемой исторической темы.

Abstract: The article analyzes the changes in the process of forming historical culture under the influence of digital technologies. It examines the possibilities of incorporating information and communication technologies into modern historical education, as well as their types. The article also analyzes the main challenges and benefits that may arise from the digitalization of education. Additionally, the article highlights the potential for developing methods of forming historical culture through the use of information and communication technologies, which aim to transition to more interactive teaching methods that promote a deeper understanding of historical topics.

Ключевые слова: историческая культура, информационно-коммуникационные технологии, историческое образование, цифровизация образования, методика преподавания истории.

Keywords: historical culture, information and communication technologies, historical education, digitalization of education, methods of teaching history.

В современном обществе, где цифровые технологии интегрировались во все его сферы и уже стали частью нашей повседневной жизни, система образования не стала исключением. Историческая культура, которая представляет из себя совокупность таких факторов как: исторические знания, ценностно-эмоциональное отношение к событиям и персоналиям прошлого, на современном этапе формируется, не только в образовательной среде, но и при помощи цифровых технологий в медиасреде. Так сегодняшний обучающийся, может столкнуться с большим количеством различных версий того или иного исторического события или процесса, которые распространяются по средством сети интернет. Поэтому, проблема применения информационно-коммуникационных технологий при формировании исторической культуры является необходимой. Основываясь на этом, необходимо провести анализ современного состояния и перспектив применения цифровых технологий в формировании исторической культуры у современных обучающихся.

Сначала необходимо сказать о том, что же из себя представляет историческая культура. Историческая культура – это понятие, которое обозначает комплекс различных методов по сохранению исторического прошлого на уровне, как отдельного человека, так и групп индивидов, а также методов его воспроизводства и отношения к нему, которые сложились в тех или иных социальных и исторических условиях.

Историческую культуру, можно определить как «отношение людей к прошлому», как целостную концепцию, которая дает возможность исследовать разные способы предания значения прошлому. Если определять историческую культуру в узком смысле, то она «предстает в качестве особого явления, которое представляет для общества актуальную проблему по сохранению и воспроизводству прошлого». Историческая культура вписывается в конкретный исторический контекст, «она динамична и изменяется в зависимости от запросов и условий конкретного общества, и при этом она сохраняет связь с предшествующими формами и способами воспроизводства прошлого» [4, с. 87].

Для того, чтобы понимать, как формировать историческую культуру у обучающихся при помощи цифровых технологий, сначала необходимо сказать о компонентах, которые включает в себя историческая культура. Первый

компонент - когнитивный, он включает в себя информацию о исторических событиях, личностях, причинно-следственные связи и т.д. Второй компонент - ценностно-эмоциональный, в него можно отнести оценочные суждения, например, об исторических личностях или эпохах, а также чувство исторической принадлежности или идентичности. Практический компонент включает в себя деятельность, направленную на формирование представлений обучающегося об историческом прошлом, путём непосредственного участия учащегося в такой деятельности. И последний компонент – материальный, он является носителем исторической памяти и основой исторического знания. Материальный компонент включает в себя исторические артефакты, места памяти, а также носители исторической информации. Таким образом, сказав об основных компонентах исторической культуры, можно выделить виды информационно-коммуникационных технологий, которые можно использовать как инструмент для формирования исторической культуры у учащихся, путем воздействия на её составляющие компоненты.

Так как речь идет о формировании исторической культуры в образовательной среде, то информационно-коммуникационные технологии, которые можно использовать для формирования исторической культуры, необходимо разделить на две категории: широко применяемые в образовательном процессе и перспективные, то есть те, которые не применяются, однако обладают высоким потенциалом. К первой категории, можно отнести следующие цифровые технологии:

Первым видом информационно-коммуникационных технологий является мультимедийная презентация. Она обладает высоким дидактическим потенциалом, так как с ее помощью можно сильно визуализировать изучаемый материал и сделать его более доступным для восприятия и запоминания современными школьниками. Презентации могут быть как частью или основой урока, так и творческой работой учащихся. В презентацию необходимо включать изображения и видео материалы по изучаемой теме, которые могут облегчить процесс изучения нового материала для учеников, это могут быть портреты исторических личностей, фотографии оригиналов исторических документов, карты которые отображают развитие государств на различных этапах их развития, а также схемы городов и изучаемых сражений, при этом их можно сделать интерактивными. Данный вид цифровых технологий способен при правильном использовании способен формировать сразу два компонента исторической культуры - когнитивный и ценностно-эмоциональный, а также может формировать практический компонент по средством организации нестандартной формы урока, такой как виртуальная экскурсия.

Как отмечает Е. Б. Дьякова учебная методическая презентация обеспечивает «вербальное и аудиовизуальное предъявление учебного материала на всех этапах процесса обучения: восприятие, осмысление, применение, закрепление», при этом, как отмечает автор, используются разнообразные средства обучения: тексты, изображения и т. п. [2, с. 260].

Следующий вид цифровых технологий – это интернет-ресурсы. Сюда можно отнести цифровые библиотеки и архивы, интерактивные карты, специализированные сайты содержащие статьи и рассматривающие в них исторические события, личностей и т. д. Их можно использовать в различных ситуациях, например для проведения анализа текста из того или иного исторического источника. При подобной организации работы рекомендуется предоставлять учащимся несколько фрагментов из различных исторических источников, имеющих различные взгляды на описываемые в них события. Это поможет более эффективно формировать навыки критического мышления и анализа информации. Что же касается интерактивных карт, то их можно использовать вместе с мультимедийной презентацией для более тщательного формирования у обучающихся представлений об изучаемых исторических событиях. Данные технологии также помогают формировать у учащихся когнитивный и ценностно-эмоциональный компоненты исторической культуры и дают возможность взаимодействия с материальным компонентом.

Интернет можно рассматривать как часть информационной и коммуникационной предметной среды, которая включает в себя богатейший информационный контент. Учитель истории может применять образовательные ресурсы Интернета для выполнения разных задач, таких как, поиск исторических источников, текстов, видеоматериалов, курсов, разнообразных методических статей, газет, рефератов и др.» [6, с. 147].

Также, следует сказать о видах информационно-коммуникационных технологий, которые не оказывают прямого влияния на формирование исторической культуры, однако помогают организовать образовательный процесс использованием видов цифровых технологий, названных выше. Во-первых, следует сказать о интерактивной доске, она используется для выведения изучаемой информации обучающимся, выделении необходимой информации и предоставлении пояснений к ней при необходимости. Ее также можно использовать при ответе учащегося, например для нанесения маршрутов военных походов или областей, где происходили исторические события. Во-вторых, можно применять платформы для интерактивного тестирования, с целью закрепления изученного материала. Данные платформы помогут снизить эмоциональную нагрузку на обучающихся. В-третьих, можно использовать

образовательные платформы и платформы для дистанционного обучения, так как на них можно загружать использованный на уроке материал, чтобы у учеников был доступ к нему в любое время и в любом месте [3].

Что же касается второй группы информационно-коммуникационных технологий, то тут необходимо сказать о следующих их видах:

Первый вид – это технологии 3D сканирования/фотограмметрии и аддитивные технологии. Благодаря данным технологиям уже появилась возможность создавать точные цифровые копии исторических памятников и артефактов, которые находятся под угрозой исчезновения или уже исчезли на данный момент. Особенную актуальность технологии 3D сканирования и фотограмметрии обретают в сочетании с аддитивными технологиями. Технологии послойной печати позволяют воссоздавать отсканированные предметы и строения в уменьшенном масштабе. Полученные модели можно использовать для знакомства учащихся с ними в рамках изучения темы, в которых данные объекты и артефакты фигурируют, что позволит формировать материальный аспект исторической культуры у учеников.

Второй вид – это технологии искусственного интеллекта. Например, на сегодняшний день уже существуют специализированные нейронные сети, которые помогают историкам в исследовании и расшифровке древних рукописей, они способны восстанавливать утраченные фрагменты надписей, а также устанавливать их происхождение. Данные технологии дают исследователям инструмент, который помогает им в достаточно короткие сроки, проводить анализ информации, на который, при самостоятельном исследовании им понадобилось бы затратить намного больше времени. Что же касается перспектив применения искусственного интеллекта в сфере образования, то тут надо сказать, что на данный момент они не приобрели столь основательного и специализированного применения. Здесь они могут помочь педагогу в анализе работ учеников, помочь учащимся составить план по изучению необходимой темы, а также позволяет учащимся персонализировать процесс изучения темы по учебному предмету под себя, то есть искусственный интеллект, может в удобном формате рассказать материал доступно для каждого ученика.

Третьим видом в данной категории можно назвать игровые технологии и технологии по геймификации учебного процесса. Так, например исторические симуляторы можно использовать как новый способ изучения истории, который дает возможность понять не только хронологию изучаемых событий, но также логику, по которым они происходили в ту или иную эпоху. Исторические симуляторы забирают у ученика роль пассивного слушателя исторической информации, и дают возможность научиться видеть связи между различными

факторами, которые влияли на события, происходящие в прошлом, такие как политика, экономика, культура и т. д. Они перестают просто заучивать факты и начинают понимать, то как и почему происходили различные события в прошлом.

Четвертый вид – это технологии виртуальной и дополненной реальности. Они основательно меняют способ предоставления исторического материала, а также взаимодействия с аудиторией. Если говорить об использовании двух данных технологий в образовании, то тут технологию дополненной реальности можно будет применять, например оснастив учебники и учебные пособия, кроме иллюстраций QR-кодами, которые смогут отсканировать ученики при помощи своих телефонов и получить доступ к объемным моделям исторических артефактов, объектов или городов, которые с помощью данной технологии они смогут подробно изучить. В свою очередь технологию виртуальной реальности в образовательном процессе, можно будет использовать для организации виртуальной экскурсии, в рамках которой учащиеся смогут познакомиться с устройством, например древних городов, их структурой, культурой и бытом.

Таким образом, проанализировав вышеперечисленные виды цифровых технологий, необходимо сказать об их преимуществах и недостатках при их использовании в образовательном процессе и при формировании исторической культуры обучающихся. Что касается преимуществ: во-первых, использование ИКТ при формировании исторической культуры повышает мотивацию учеников к изучению новой исторической информации, а также ее запоминаемость. Во-вторых, развивают у обучающихся навыки анализа, интерпретации и оценки исторической информации, а также помогают в формировании морально-ценностных суждений об изучаемых событиях. В-третьих, данные технологии повышают интерактивность при взаимодействии с информацией, что в свою очередь может являться базой для формирования личностного отношения к истории.

Применение в преподавании истории информационных методов обучения способствуют повышению интеллектуальной активности учащихся, а это может повышать и эффективность урока и, тогда как замечает А. В. Брагина «даже самые пассивные учащиеся включаются в активную деятельность с огромным желанием, у них наблюдается развитие навыков оригинального мышления, творческого подхода к решаемым проблемам» [1].

Однако, не смотря на все очевидные преимущества применения цифровых технологий для формирования исторической культуры учащихся, присутствуют и отрицательные стороны: во-первых, нехватка или устаревшее оборудование в учебных аудиториях школы, а также несовместимое или устаревшее

программное обеспечение; во-вторых, отмечается информационная перегрузка учащихся при работе с большим объемом информации в интернете, а также ее возможная неактуальность и недостоверность при самостоятельной работе учеников с информацией; в-третьих, отмечается, что некоторые педагоги делают свои учебные материалы с использованием ИКТ слишком сложными для восприятия информации и разнообразными, из-за чего ученики начинают слишком поверхностно воспринимать учебную информацию.

Как отмечает в своей статье Лю Жун: «Поскольку учащиеся средней школы пребывают в подростковом возрасте, их любопытство и подвижность особенно сильны. В случае если мультимедийные материалы будут воспроизводиться слишком долго, а демонстрация аудио и видео в классах будет занимать слишком много времени, то внимание учащихся будут концентрироваться не на содержании курса, а на его мультимедийной форме» [5, с. 156].

Таким образом, резюмируя все вышесказанное, можно сделать вывод, что современные информационно-коммуникационные технологии являются хорошим инструментом в руках педагога. Данные технологии позволяют сделать прошлое осязаемым и эмоционально окрашенным, особенно технологии из второй группы, чего сложно добиться при использовании традиционных методов преподавания. Однако, не стоит забывать и о рисках, сопряженных с их использованием, из-за которых обучающиеся могут воспринимать историю поверхностно без тщательного и вдумчивого ее изучения.

Литература

1. Брагина А. В. Использование информационно-коммуникативных технологий на уроках истории в старших классах // Вестник науки. 2018. №9 (9). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/ispolzovanie-informatsionno-kommunikativnyh-tehnologiy-na-urokah-istorii-v-starshih-klassah> (дата обращения: 05.04.2026).

2. Дьякова Е. Б. Презентация как средство методической поддержки учителя для реализации деятельностного подхода в обучении истории // Известия РГПУ им. А. И. Герцена. 2012. №133.

3. Зорина О. Л. Применение ИКТ-технологий в преподавании истории и обществознания / О. Л. Зорина [Электронный ресурс] // АПНИ: [сайт]. URL: <https://apni.ru/article/1422-primenenie-ikt-tehnologij-v-prepodavanii-ist?ysclid=m34cek0ou459000908> (дата обращения: 04.03.2026).

4. Крючек П. С., Сергеев В. Н. Историческая культура как научный концепт и социальный феномен // Труды БГТУ. Серия 6: История, философия. 2024. №1 (281). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/istoricheskaya-kultura-kak-nauchnyy->

kontsept-i-sotsialnyu-fenomen (дата обращения: 02.05.2026).

5. Лю Жун Применение мультимедийных технологий в преподавании истории // Проблемы современного образования. 2019. №1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/primenenie-multimediynyh-tehnologiy-v-prepodavanii-istorii> (дата обращения: 04.03.2026).

6. Маткин А. А., Женина Л. В. Подготовка учителей истории к использованию ИКТ в профессиональной деятельности // Вестник ПГПУ. 2015. №1. С. 143-149.

УДК 930.85:

КРЫМСКИЕ ТАТАРЫ И ТАТАРСКИЙ ЭТНОС CRIMEAN TATARS AND THE TATAR ETHNOS

Тинякова Елена Александровна

канд. филос. наук, доцент, преподаватель, АНО ПО «Сергиево-Посадский гуманитарный колледж», Московская область; доктор наук и профессор Российской академии естествознания (Международная ассоциация ученых, преподавателей и специалистов), магистр юриспруденции

Tinyakova Elena Alexandrovna

PhD in Philosophical Sciences, Associate Professor, teacher, AnSO PE «Sergiev-Possad humanitarian college», Moscow region, Doctor of Sciences, Professor, Russian Academy of Natural Sciences (International Association of scientists, teachers and specialists), Moscow, magistre of jurisprudence

Аннотация. В статье кратко анализируется вариантность татарского этноса. Крымские татары представлены как вариант татарского этноса. В статье есть базовое сравнение крымских татар с типовым, казанским татарским этносом. Отличие вариантов татарского этноса обосновывается этногенезом.

Abstract. The article presents analysis of Tatars variety, in brief and basically. The Crimean Tatars are shown as a type of the Tatar ethnos. There is a comparison of the Crimean Tatars with the basic Tatar ethnos- the Kazan Tatars. The variability of the Tatar ethnos is explained by ethnogenesis.

Ключевые слова: татарский этнос, этногенез, этническая вариантность, черты отличия, крымские татары, другие этнические типы татар.

Keywords: Tatar ethnos, ethnogenesis, ethnic variability, traits of difference, the Crimean Tatars, other types of Tatars.

Формирование крымско-татарского народа относится к периоду существования Крымского улуса Золотой Орды и Крымского ханства, то есть к

XV–XVIII векам, этому способствовало сложившееся в XIV–XV веках ядро этноса. Крымско-татарский этнос формировался в результате слияния тюркских племен (гуннов, тюрко-булгаров, печенегов, кипчаков, огузов) с оседлым населением горных и прибрежных районов Крыма (потомков тавров, скифов, греков, готов, аланов и прочих). Крымские татары в своем подавляющем большинстве – мусульмане-сунниты, испытавшие сильное влияние турецкой культуры на южном берегу Крыма. Однако степные (ногайские) татары сохраняли более выраженные кочевнические традиции, отличные от османских. Использование термина «татаро-монгольское завоевание» в исторических текстах научно устарело. Это утверждение строится от предположения, что прародина крымских татар в далекой Монголии. Этногенез крымских татар связан с синтезом тюркских, иранских, кавказских и других компонентов на территории Крыма и прилегающих степей. Монгольский компонент (собственно монголы) в этногенезе крымских татар был минимален, хотя политическое объединение в составе Золотой Орды имело монгольскую династийную верхушку. Сводить прародину татарского этноса к Монголии признано ошибкой.

До сих пор в Крыму живут два мало изученных народа – крымчаки и караимы. Вопрос о времени появления караимов и крымчаков в Крыму сложен. Для караимов существуют версии об их присутствии в Крыму с хазарского времени (VIII–X вв.), что действительно раньше формирования крымско-татарского этноса. По одной из версий, крымчаки произошли от евреев, изгнанных на Крымский полуостров римлянами при императоре Адриане. Это мнение исследователя крымчака Э. Е. Пейсаха (1936–2008), которое некоторые исследователи не включают в классическое научное пространство. В выступлении 26 мая 1993 на краткосрочном семинаре для работников культуры из Крыма Эдуард Евсеевич отметил, что «крымчаков» называли: «евреи-крымчаки, крымские евреи, равинисты, раббаниты, талмудисты, чуфут и подругом». Цитируя путешественника Э. Дейнарда по его книге «Майсе Крым» («История Крыма»), которая была опубликована в Варшаве в 1878 г. на иврите, Э. Е. Пейсах отмечает, когда татары пришли в Крым, они застали здесь старожилов, живших здесь с древнейших времён и называли их «крымчаки», т.е. крымские старожилы. Согласно мнению отдельных учёных XIX века, также по упоминанию в работах Э. Е. Пейсаха, (С. Дубнов, А. Гаркави, С. Вайсенберг, П. Лякуб и др.) живут крымчаки в Крыму свыше 2-х тысяч лет. Антрополог Самуил Абрамович Вайсенберг, представитель первого поколения еврейских антропологов, предполагает родство крымчаков к хазарам, тюркоязычному народу. Этнологи предполагают близость крымчаков к хазарам и караимам. Есть мнение, что формирование крымчаков как народа началось в XIV–XVI веках из

представителей еврейских общин Европы, Малой Азии, Кавказа и Ближнего Востока. Дискуссии об этногенезе крымчаков продолжаются. **Караимы** – немногочисленная этническая группа, происходящая от тюркоязычных последователей караимизма в Восточной Европе. Название в переводе означает «читатели» – читающие Ветхий Завет. «Крымские караимы являются потомками тюркских племен Хазарского каганата и аборигенного населения Крыма» [1]. Современные крымские караимы считают себя тюркским народом, более того – потомками хазар. **Субэтносами крымских татар считают:** степные (ногайские) татары, предгорные (таты), южнобережные (ялыбойлю). Иногда выделяется группа потомков ногаев, смешавшихся со степными татарами.

Крымские и казанские татары – общий исторический исток, но расхождение путей этногенеза. Из состава Золотой орды в середине XV века вышла целая группа татарских улусов, которые постепенно сформировались в тюркоязычные самостоятельные мусульманские государственные образования: Казанское, Крымское, Астраханское, Сибирское, Касимовское ханства, Ногайская Орда и Большая Орда. Языки крымских и казанских татар схожи, но и имеют определённые различия, т.к. крымские говорят на языке, имеющем основы кипчакско-огузских наречий, казанские – на языке кипчакско-булгарской подгруппы тюркской языковой общности.

После завоевания Казани войсками Ивана Грозного в 1552 году, казанскими татарами включились в состав России. **Этноним «татар» появился в Волжской Булгарии в XIII–XIV веках** с потерей независимости и включением Булгарии в состав Золотой Орды. В Казанском ханстве название «татары» было навязано народу края феодальной верхушкой ханства, которая стремилась навязать название, свойственное для населения Золотой Орды. Коренное население страны сопротивлялось этому чуждому для него имени и предпочитало себя называть булгарами или казанцами.

Когда Волжская Булгария потеряла независимость, и в регионе произошли этнические процессы: часть болгарского этноса подверглась этнокультурной ассимиляции со стороны пришлого мусульманизированного кипчакского населения, а другая часть (в основном болгары-язычники) переселилась на окраины Булгарии и в последующем стала основой чувашского этноса. **Сторонники болгаро-татарской концепции** считают, что этнической основой татарского народа стали болгары Волжской Булгарии, в которой сформировались базисные этнокультурные традиции и особенности современного татарского (булгаро-татарского) народа. Другие учёные развивают тюрко-татарскую теорию происхождения татарского этноса – то есть говорят о более широких этнокультурных корнях татарского народа, чем Урало-Поволжье.

Мусульманское население Крыма после присоединения к Российской империи в 1783 году, называлось «кырымлы» (крымцы), но после за ними также закрепилось название «татары», но с прилагательным крымские. Многие тюркские народы Российской империи, которым дали общее название «татары», сравнительно недавно перешли к своим собственным историческим этнонимам. Сибирские татары, астраханские татары, татары-мишари также официально именуется татарами.

Татары (самоназвание – тат. татарлар) – тюркский народ. Впервые название «татар» появляется в VIII веке на каменной стеле в честь тюркского полководца Кюль-тегина. Надпись упоминает племенные союзы «отуз-татар» (тридцать татар) и «токуз-татар» (девять татар), кочевавшие в степях современной Монголии. К XI веку географы вроде Махмуда Кашгари уже называют «Татарской степью» обширные территории между Китаем и Средней Азией. Ученый антрополог Алексей Сухарев в работе «Казанские татары», опубликованной в Санкт-Петербурге в 1902 году заметил, что этноним татары происходит от тюркского слова «тат», которое означает не что иное, как горы, и слова персидского происхождения «ар» или «ир», что означает человек, мужчина, житель. «Тат» – так в старину называли персов. Исследователи ссылаются на ученого XI века Махмута Кашгари, который писал о том, что «татами тюрки называют тех, кто говорит на фарси».

Этногенез татар многослойный. Существует несколько теорий. Согласно самой распространённой версии, татары – прямые потомки тюркских племён волжских булгар, половцев и хазар. Хазарский каганат, Хазария (650–969) – средневековое государство, созданное кочевым народом – хазарами. Выделился из Западно-Тюркского каганата. Контролировал территорию Предкавказья, Нижнего и Среднего Поволжья, современного северо-западного Казахстана, Приазовье, восточную часть Крыма, а также степи и лесостепи Восточной Европы вплоть до Днепра. Центр государства первоначально находился в приморской части современного Дагестана, позже переместился в низовья Волги. Часть правящей элиты приняла иудаизм. **Прямой этнической связи между татарами и хазарами нет.** Татары как этническая и культурная общность появились значительно позже хазар. Однако есть некоторые теории, археологические свидетельства и генетические исследования, которые касаются возможного влияния хазар на формирование татарского этноса. **Тюрко-татарская теория** выделяет этап-середина VI – середина XIII века, где отмечается важная роль Хазарского каганата в этногенезе татарского народа. Хазары занимали территорию, которая позже стала частью Золотой Орды, а затем Крымского ханства.

Есть мнение, что астраханские татары или какая-то их группа в той или иной степени – потомки хазар. Это связано с тем, что астраханские татары исторически проживают на территории Астраханской области – центра Хазарского каганата, где находилась их столица Итиль. Впоследствии термин «татары» стал ассоциироваться с различными тюркскими и монгольскими народами, вошедшими в состав Золотой Орды, в частности на территории Казанского, Крымского и Астраханского ханств.

Татары состоят из нескольких этнических групп (субэтносов, включая также другие этнические образования) [2].

- ◆ казанские татары;

- ◆ крымские татары;

- ◆ татары-мишари (Поволжье и Приуралье), отдельная этнографическая группа, но не субэтнос;

- ◆ кряшены (тат. *керәшеннәр* от рус. «крещён»; крещёные татары; **компактно проживают**: в основном в Татарстане, в небольшом количестве – в Башкортостане, Удмуртии, Челябинской области, а также Самарской и Кировской областях);

- ◆ астраханские татары;

- ◆ сибирские татары;

- ◆ касимовские татары (название группы происходит от названия столицы Касимовского ханства – города Касимова (другое название – Мещерский городок); (проживают в **Касимовском и Сасовском районах Рязанской области**, помимо этого, небольшие группы касимовских татар также присутствуют в **Башкортостане, Санкт-Петербурге, Москве, Рязани, Казани, Ташкенте** и других крупных городах постсоветского пространства) [3];

- ◆ польско-литовские татары;

- ◆ нагайбаки – исторически сословная группа (ногайбаки, тат. нагайбәкләр; малочисленный народ; **проживают** по большей части в Нагайбакском и Чебаркульском районах Челябинской области. Также нагайбаки встречаются в Свердловской, Тюменской областях, Ханты-Мансийском автономном округе, Башкортостане) [4];

- ◆ тептяри – исторически сословная группа (**основу тептярей** составляли татары, башкиры, ассимилированные чуваша, а также небольшое число бесермян и марийцев; в начале XVIII века селились на башкирских землях; подразделялись на тептярей и бобылей, под первыми обычно имелась в виду их тюркоязычная часть (татары, чуваша, башкиры), под вторыми – финноязычная (марийцы, удмурты, мордва).

Татары (согласно переписи 2020-2021 гг.) на втором месте после русских, как самый многочисленный народ РФ – 4 713 669 человек (3,61 %). Основные регионы расселения: Татарстан и Башкортостан, также проживают в Челябинской, Оренбургской и других областях.

Литература

1. Тирияки Д. Комплекс караимских кенас Евпатории. Севастополь: Библекс, 2008. – С. 4.
2. «Татарский энциклопедический словарь» (редакция Хасанов М. Х.). Казань: Институт Татарской энциклопедии АН РТ, 1999. – 706 с.
3. «Татары» / Отв. ред. Р. К. Уразманова, С. В. Чешко. Коллективная монография. – М.: Наука, 2001. – 583 с.
4. «Этноатлас Красноярского края» / Совет администрации Красноярского края. Управление общественных связей; гл. ред. Р. Г. Рафиков; редкол.: В. П. Кривоногов, Р. Д. Цокаев. – 2-е изд., перераб. и доп. – Красноярск: Платина (PLATINA), 2008. – 224 с.

УДК: 141: 316.6

ЭКЗИСТЕНЦИАЛЬНЫЙ ВАКУУМ КАК РЕЗУЛЬТАТ ПОТЕРИ КУЛЬТУРНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ EXISTENTIAL VACUUM AS A RESULT OF THE LOSS OF CULTURAL IDENTITY

Тихонов Максим Владимирович

*Рядовой полиции, курсант, Крымский филиал Краснодарского
университета МВД России*

Tikhonov Maxim Vladimirovich Private

*police officer, cadet, Crimean branch of Krasnodar University of the Ministry
of Internal Affairs of Russia*

Научный руководитель: Чудина-Шмидт Наталья Витальевна

*к.филос.н. доцент кафедры гуманитарных и социально-экономических
дисциплин Крымского филиала Краснодарского университета МВД России,
г. Симферополь, Крымский филиал Краснодарского университета МВД России*

Supervisor: Natalia Vitalievna Chudina-Schmidt

*PhD in Philosophical Sciences, Associate Professor, Department of Humanities
and Socioeconomic Disciplines, Crimean Branch of the Krasnodar University of the
Ministry of Internal Affairs of Russia, Simferopol, Crimean Branch of the Krasnodar*

Аннотация. В статье рассматривается проблема возникновения экзистенциального вакуума как реакции на потерю культурной идентичности в условиях многообразия современных социокультурных общностей. Подчеркивается, что несмотря на кажущуюся простоту различения культур, в ряде случаев данный процесс сопряжён со значительными трудностями, особенно при близости культурных контекстов.

Abstract. This article examines the emergence of an existential vacuum as a response to the loss of cultural identity in the context of the diversity of modern sociocultural communities. It emphasizes that, despite the apparent simplicity of distinguishing cultures, in some cases this process is fraught with significant difficulties, especially when cultural contexts are closely related.

Ключевые слова: культурная идентичность, экзистенциальный вакуум

Keywords: cultural identity, existential vacuum

В эпоху глобализации, цифровизации и культурной гомогенизации всё более заметным становится феномен, который Виктор Франкл назвал «экзистенциальным вакуумом» – состоянием внутренней пустоты, утраты смысла жизни и ощущения собственной ненужности. Одной из ключевых причин этого состояния, как показывают современные исследования, выступает разрушение культурной идентичности. Культурная идентичность, понимаемая как чувство принадлежности к определённой культурной традиции, языку, системе ценностей и истории, служит базовым источником понимания жизни. Её утрата ведёт к дезориентации человека в мире, к тому, что Эрих Фромм называл «бегством от свободы» в конформизм или деструкцию.

Термин «экзистенциальный вакуум» был введён австрийским психиатром и философом Виктором Франклом в рамках логотерапии. Франкл определял это состояние как «чувство внутренней пустоты», возникающее, когда человек теряет ощущение, что его жизнь имеет смысл [6]. По его наблюдениям, экзистенциальный вакуум особенно распространён в индустриально развитых странах, где традиционные ценности и религиозные ориентации перестают работать, а новые ещё не сформировались. Франкл подчёркивал, что это не просто психическое расстройство, а «духовная проблема» современного человека.

Мартин Хайдеггер, хотя и не использовал этот термин напрямую, описывал близкое явление – «заброшенность» (Geworfenheit) и «падение» (Verfallen) в безличное существование (das Man) [7]. По Хайдеггеру, человек, утративший подлинное отношение к своему бытию, растворяется в толпе, в

стандартизированных формах жизни, что ведёт к утрате экзистенциальной устойчивости. Жан-Поль Сартр, в свою очередь, связывал экзистенциальный вакуум с осознанием абсурдности мира, но в отличие от Франкла, он не считал возможным обрести смысл через культурные традиции, делая акцент на индивидуальном проекте [3]. Однако именно культурная идентичность выступает тем мостом, который соединяет индивидуальный поиск смысла с коллективным опытом поколений.

Культурная идентичность, по определению Эрика Эриксона, является частью личной идентичности и формируется через интернализацию культурных норм, языка, ритуалов и исторической памяти [14]. Она выполняет несколько экзистенциальных функций. Во-первых, она предоставляет готовую систему координат, в которой поступки и события обретают значение – например, через религиозные праздники, трудовую этику или героический эпос. Во-вторых, культурная идентичность создаёт чувство непрерывности во времени: индивид ощущает себя частью «длинной истории», что даёт защиту от страха смерти и конечности.

Сэмюэл Хантингтон в работе «Кто мы?» отмечал, что культурная идентичность отвечает на базовый человеческий вопрос «Кто я?», и без удовлетворительного ответа на него человек оказывается в состоянии острой внутренней растерянности. Российский исследователь А. Г. Асмолов подчёркивает, что культурная идентичность является «смысловым каркасом личности»: разрушение этого каркаса ведёт к росту тревожности, апатии и депрессивных состояний [1]. Таким образом, культурная идентичность выступает не просто социальным ярлыком, а глубинным ресурсом для противостояния экзистенциальному вакууму.

Потеря культурной идентичности может происходить по нескольким сценариям: насильственная ассимиляция, глобализационная унификация, миграция (как добровольная, так и вынужденная), а также быстрая технологическая и социальная трансформация внутри самого общества. Рассмотрим каждый из них:

Насильственная ассимиляция, иными словами, колониализм, ведёт к подавлению родного языка, традиций и исторической памяти. Франкл описывал подобные случаи у узников концлагерей, где уничтожение культурных связей было частью дегуманизации [5]. Человек, лишённый культурной опоры, теряет способность к осмысленному выбору и впадает в апатию – одну из форм экзистенциального вакуума [9].

Глобализационная унификация – распространение западных, прежде всего американских, культурных образцов, потребительских стандартов и английского

языка как глобального. Как отмечает Хантингтон, это приводит к размыванию локальных идентичностей [8]. Человек оказывается в мире, где все праздники одинаковы, все товары стандартизированы, а культурные нарративы заменены рекламой. В такой среде смыслы становятся поверхностными и заимствованными, что порождает хроническое чувство отсутствия аутентичности.

Миграция создаёт ситуацию «культурного разрыва»: эмигрант часто теряет связь с родной культурой, но не может в полной мере интегрироваться в новую. Это состояние промежуточности описывается как один из сильнейших факторов экзистенциального кризиса. Исследования показывают, что среди мигрантов второго поколения значительно выше уровень суицидальных наклонностей и депрессии, что напрямую связано с утратой культурной идентичности [2].

Внутренняя трансформация – когда общество само стремительно меняется под влиянием технологических революций (интернет, социальные сети, искусственный интеллект) [12]. Традиционные формы передачи культурного опыта (семья, школа, религиозные институты) ослабевают, уступая место фрагментированным, клиповым формам сознания. Как отмечает В. С. Степин, «цивилизационный разрыв» между поколениями ведёт к тому, что старшие не могут передать смыслы младшим, а младшие не видят ценности в традициях [4]. В результате молодые люди оказываются в экзистенциальном вакууме, который они пытаются заполнить ложными целями – потреблением, экстремальными хобби, виртуальными мирами или аддикциями [11].

Экзистенциальный вакуум, спровоцированный утратой культурной идентичности, имеет конкретные психологические и социальные маркеры. Среди них – распространение «синдрома праздности», описанный Франклом «воскресный невроз», когда после недели суеты человек не знает, чем заполнить пустоту, рост депрессивных расстройств, злоупотребление психоактивными веществами, а также рост популярности деструктивных культов и радикальных идеологий, которые предлагают упрощённую, агрессивную идентичность.

Особенно ярко этот феномен проявляется в постколониальных обществах и в странах, переживших резкую смену политического строя, в основном, постсоветское пространство. Распад СССР привёл к тому, что многие люди лишились прежней «советской идентичности», а новая национально-культурная идентичность либо не сформировалась, либо была навязана искусственно. Как следствие – высокая смертность и низкая рождаемость, рост алкоголизма и аномии, описанной ещё Р. Мертоном. Франкл, посещая Россию в 1990-е, отмечал, что экзистенциальный вакуум здесь достигает масштабов эпидемии именно из-за «утраты культурной традиции и духовных скреп» [6].

Преодоление экзистенциального вакуума невозможно без восстановления культурной идентичности – но не в форме архаичной изоляции, а в форме диалогичной, рефлексивной традиции. Франкл предлагал метод «логотерапии», в котором человеку помогают обнаружить смысл через три ценности: творчество, переживание, например, любовь, и отношение (стойкое перенесение страданий) [10]. Культурная идентичность может стать источником этих ценностей: через обращение к народным ремёслам, к культурным ритуалам общения и любви, к исторической памяти о страданиях предков.

Эриксон подчёркивал, что здоровая идентичность – это не застывшая догма, а динамическое равновесие между сохранением традиции и открытостью новому [6]. Поэтому преодоление вакуума требует не отрицания глобальной культуры, а её «присвоения» на собственной культурной основе. Примером может служить феномен «культурного ремикса» в странах Азии, где западные формы (рок-музыка, кинематограф) наполняются локальными смыслами.

На уровне социальной политики необходимы программы по поддержке языкового разнообразия, краеведения, этнографического туризма и межпоколенческого диалога. Как пишет Асмолов, «сегодня выживает не самый сильный, а тот, кто живёт осмысленно» – и смысл как раз коренится в культурной идентичности [6].

Таким образом, экзистенциальный вакуум возникает тогда, когда человек утрачивает культурную идентичность – систему координат, которая помогала ему отвечать на вопросы о смысле жизни, смерти, добре и зле. Потеря идентичности может быть насильственной или добровольной, но в любом случае она ведёт к состоянию внутренней пустоты, которое проявляется в апатии, депрессии, аддикциях и поиске ложных смыслов.

Восстановление культурной идентичности, однако, не должно быть реставрацией прошлого. Необходим новый синтез – укоренённость в традиции при открытости к глобальному диалогу. Только тогда экзистенциальный вакуум может быть заполнен подлинными смыслами.

Литература

1. Асмолов А. Г. Психология личности: Культурно-историческое понимание развития человека. – М.: Смысл, 2007. – 528 с. С. 112
2. Берри Дж. У. Аккультурация и психологическая адаптация: обзор // В кн.: Буви А. и др. (ред.) Путешествия в кросс-культурную психологию. – Лиссе: Swets & Zeitlinger, 1994. – С. 129–141.
3. Сартр Ж.-П. Экзистенциализм – это гуманизм // Сумерки богов. – М.: Политиздат, 1989. – С. 319–344.

4. Степин В. С. Цивилизация и культура. – СПб.: СПбГУП, 2011. – 408 с.
5. Франкл В. Человек в поисках смысла: Сборник. – М.: Прогресс, 1990. – 368с. С. 156
6. Франкл В. Человек в поисках смысла: Сборник. – М.: Прогресс, 1990. – 368с. С.124
7. Хайдеггер М. Бытие и время. – М.: Ad Marginem, 1997. – 452 с.
8. Хантингтон С. Кто мы? Вызовы американской национальной идентичности. – М.: АСТ, 2008. – 640 с. С. 112
9. Хантингтон С. Кто мы? Вызовы американской национальной идентичности. – М.: АСТ, 2008. – 640 с. С. 45
10. Чудина Н. В. Субъект консолидированного экстрима как агент развития современного общества // В сборнике: Актуальные проблемы права и правоприменительной деятельности на современном этапе. Материалы Международной научно-практической конференции; под общей редакцией В. А. Сосова. Краснодарский университет МВД России, Новороссийский филиал Краснодарского университета МВД России, ООО «Издательский Дом - Юг». 2014. С. 576-580.
11. Чудина-Шмидт Н. В. Воля к власти как условие формирования экстремального поведения // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2015. № 11-2 (61). С. 204-207.
12. Чудина-Шмидт Н. В. Роль социального диалога в формировании просоциальной экстремальности // В сборнике: Актуальные проблемы права и правоприменительной деятельности на современном этапе. Новороссийск, 2015. С. 638-642.
13. Чудина-Шмидт Н. В. Социальные условия перехода личности в состояние экстремала-дестроера // В сборнике: Обеспечение общественной безопасности и противодействие преступности: задачи, проблемы и перспективы. Материалы Всероссийской научно-практической конференции. 2020. С. 508-511.
14. Эриксон Э. Идентичность: юность и кризис. – М.: Флинта, 2006. – 352 с. С. 68

УДК 37.17.4/925

**СУЩНОСТЬ И СОДЕРЖАНИЕ ПОНЯТИЯ
«ГРАЖДАНСКО-ПАТРИОТИЧЕСКОЕ ВОСПИТАНИЕ»
В СОВРЕМЕННОЙ ПЕДАГОГИЧЕСКОЙ НАУКЕ**

**THE ESSENCE AND CONTENT OF THE CONCEPT OF
«CIVIL-PATRIOTIC EDUCATION»
IN MODERN PEDAGOGICAL SCIENCE**

Хоменко Дарья Максимовна

Студентка 4 курса, кафедра истории и философии, Гуманитарно-педагогическая академия (филиал) Крымского федерального университет имени В. И. Вернадского в г. Ялта

Khomenko Daria Maksimovna

4rd year student Department of History and Philosophy, Humanitarian and Pedagogical Academy (branch) of the Vernadsky KFU in Yalta

Научный руководитель: Есип Игорь Михайлович, кандидат исторических наук, доцент, Гуманитарно-педагогическая академия (филиал) ФГАОУ ВО «КФУ им. В.И. Вернадского» в г. Ялта, Россия

Supervisor: Esip Igor Mikhailovich PhD in Historical Sciences, Associate Professor, Humanitarian and Pedagogical Academy (branch) of the Vernadsky KFU in Yalta

Аннотация. В статье рассматривается сущность и содержание понятия «гражданско-патриотическое воспитание» в контексте современной педагогической науки. Автором проводится теоретический анализ ключевых категорий исследования – «патриотизм» и «гражданственность». На основе ретроспективного обзора (от работ Н. М. Карамзина до идей К. Д. Ушинского и В. А. Сухомлинского) и современных подходов (В. И. Лутвинов, А. Н. Выршиков, М. Б. Кусмарцев) раскрывается структура патриотического сознания, представленная в виде трехуровневой модели: эмоционально-чувственного, ценностно-смыслового и практически-деятельного.

Особое внимание уделяется диалектической взаимосвязи патриотизма (как эмоционально-исторической связи с Родиной) и гражданственности (как социально-правовой и деятельностной позиции личности). В статье обосновывается актуальность гражданско-патриотического воспитания в условиях глобализации, информационного противоборства и трансформации институтов социализации, а также анализируется его нормативно-правовое закрепление в качестве приоритета государственной политики и системообразующего элемента современных образовательных стандартов.

Abstract. The article examines the essence and content of the concept of «civic-patriotic education» in the context of modern pedagogical science. The author conducts a theoretical analysis of the key categories of the study – «patriotism» and «civic

consciousness». Based on a retrospective review (from the works of N. M. Karamzin to the ideas of K. D. Ushinsky and V. A. Sukhomlinsky) and modern approaches (V. I. Lutvinov, A. N. Vyrshchikov, M. B. Kusmartsev), the structure of patriotic consciousness is revealed, presented in the form of a three-level model: emotional-sensory, value-semantic and practical-active.

Particular attention is paid to the dialectical relationship between patriotism (as an emotional and historical connection with the Motherland) and civic consciousness (as a socio-legal and active position of the individual). The article substantiates the relevance of civic-patriotic education in the context of globalization, information warfare and the transformation of socialization institutions, and also analyzes its normative and legal consolidation as a priority of state policy and a system-forming element of modern educational standards.

Ключевые слова: патриотизм, гражданственность, гражданско-патриотическое воспитание, педагогика, структура патриотизма, историческая память, национальное самосознание, традиционные ценности, социализация личности, государственная политика в образовании.

Keywords: patriotism, citizenship, civic and patriotic education, pedagogy, structure of patriotism, historical memory, national identity, traditional values, personal socialization, and state policy in education.

Введение

Понятие «патриотизм» (от слова «патриот» – сын Отечества) начали употреблять в русском языке с 1717 года. Это слово ввел в оборот дипломат и вице-канцлер Российской империи Петр Павлович Шифиров, употребив его в сочинении «Рассуждение о причинах Свейской войны». Определение же патриотизму дал Н. М. Карамзин в статье «О любви к Отечеству и народной гордости» (1802 г.). «Патриотизм, – писал он, – есть любовь ко благу и славе Отечества и желание способствовать им во всех отношениях» [5].

В современной педагогической науке гражданско-патриотическое воспитание рассматривается как сложный и многогранный процесс, который начинается с раннего возраста и продолжается на протяжении всей жизни. Его актуальность в начале третьего десятилетия XXI века определяется сложным переплетением вызовов глобального и национального характера [10]: интенсивные процессы глобализации, информационно-историческое противоборство, трансформация традиционных институтов социализации [4; 12; 14].

Целью данной статьи является теоретический анализ сущности и содержания понятия «гражданско-патриотическое воспитание» через раскрытие ключевых категорий «патриотизм» и «гражданственность», а также обоснование

его приоритетного положения в современной государственной образовательной политике. Задачи включают: ретроспективный анализ подходов к патриотическому воспитанию (от Н. М. Карамзина до К. Д. Ушинского и В. А. Сухомлинского); выявление структуры патриотического сознания; определение диалектической взаимосвязи патриотизма и гражданственности; анализ нормативно-правового закрепления гражданско-патриотического воспитания как системообразующего элемента ФГОС.

Теоретическая значимость заключается в систематизации научных представлений о структуре патриотизма и гражданственности. Практическая значимость состоит в возможности использования полученных выводов при разработке программ воспитательной работы в образовательных учреждениях. Нерешенной проблемой остается недостаточная интеграция эмоционально-чувственного, ценностно-смыслового и практически-деятельного компонентов патриотического сознания в реальной педагогической практике.

Методы и материалы

Исследование выполнено на основе теоретического анализа научной литературы по педагогике, истории, философии и политологии. В работе использованы ретроспективный метод (анализ идей Н. М. Карамзина, К. Д. Ушинского, В. А. Сухомлинского), метод системного анализа (при построении трехуровневой модели патриотического сознания), а также метод сравнительного анализа (при различении категорий «патриотизм» и «гражданственность»).

Материалами исследования послужили научные статьи и монографии В. И. Лутвинова, А. Н. Вырщикова, М. Б. Кусмарцева, Г. Я. Гревцевой, М. Е. Дуранова, Н.С. Максимова, а также нормативно-правовые документы: Указ Президента РФ №809 от 09.11.2022 г. «Об утверждении основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей» [1] и Федеральные государственные образовательные стандарты основного общего образования (ФГОС ООО) [13].

Результаты

В результате теоретического анализа выявлена и описана трехуровневая структура понятия «патриотизм», отражающая внутреннюю динамику становления патриотического сознания личности:

1. Эмоционально-чувственный уровень (базовый): включает первичную привязанность к «малой Родине» (родной дом, улица, город, природные ландшафты), эмоциональное восприятие культурного кода (язык, сказки, песни, праздники), непосредственные чувства в ответ на государственные символы и

знаковые даты. На этом уровне доминируют эмоции гордости, восхищения, боли и сопереживания.

2. Ценностно-смысловой (идеологический) уровень (рефлексивный): включает историческое сознание (понимание себя как части исторического потока), систему патриотических ценностей (служение Отечеству, коллективизм, героизм, историческая память, ответственность), а также смысловую жизненную позицию, где благополучие Родины становится высшей личной целью.

3. Практически-деятельный (поведенческий) уровень (уровень реализации): проявляется в готовности к созидательному труду на благо страны, активном участии в социально-экономической жизни, готовности к защите Отечества (как в военном, так и в гражданском смысле). Критерием зрелости патриотизма является наличие именно этого уровня.

В. И. Лутвинов формулирует сущность патриотизма в трех ключевых положениях: «Патриотизм – это любовь, возвышенная и преданная к своему Отечеству»; «Патриотизм – это неотъемлемость от своего Отечества, неразрывность, прежде всего, духовной связи с ним»; «Патриотизм – это деятельное, вплоть до самопожертвования, служение Отечеству, высшим проявлением которого является его защита от врагов с оружием в руках» [7; 2].

В противовес патриотизму, гражданственность определена как социально-правовое и политико-активистское измерение связи личности с обществом, включающее три компонента: когнитивный (знание конституционного строя, прав и обязанностей), ценностный (уважение к закону, правопорядку, толерантность) и поведенческий (способность к социальной активности, участие в выборах, самоуправлении, правозащитная деятельность) [9].

Диалектическая взаимосвязь патриотизма и гражданственности представлена в статье следующим образом: патриотизм обращен преимущественно к сфере коллективной идентичности, исторической памяти, культурной и эмоциональной принадлежности («сердце»), тогда как гражданственность – к сфере права, политики, индивидуальной ответственности и социального действия («разум и воля»). Патриотизм отвечает на вопросы «Кто я?» и «Кто мы?», гражданственность – «Каковы мои права и обязанности?» и «Как я могу влиять на общую жизнь?».

Гражданско-патриотическое воспитание в широком смысле определено как целенаправленное и систематическое воздействие на подрастающее поколение посредством образовательной, культурной и социальной деятельности с целью привития любви к родной стране, уважения к её истории, традициям и культуре, а также готовности защищать её интересы.

Анализ нормативно-правовой базы показал, что гражданско-патриотическое воспитание закреплено в качестве приоритета государственной политики и системообразующего элемента современных образовательных стандартов. ФГОС ООО в числе ключевых личностных результатов указывает на необходимость формирования «российской гражданской идентичности: патриотизм, уважения к Отечеству, прошлому и настоящему многонационального народа России» [13]. Указ Президента РФ №809 от 09.11.2022 года впервые на государственном уровне системно закрепляет патриотизм в качестве базовой традиционной ценности, а систему образования и воспитания – как главный инструмент её передачи и укрепления [1].

Обсуждение и заключения

Полученные результаты согласуются с выводами В. А. Сухомлинского, который в книге «Воспитание гражданина» обобщил опыт советской школы по гражданскому воспитанию, подчеркивая важность формирования гражданской позиции ребенка под влиянием школы, семьи и детских общественных организаций [8]. Выводы также коррелируют с позицией Г. Я. Гревцевой и М. Е. Дуранова, которые рассматривают гражданско-патриотическое воспитание как процесс целенаправленной социализации личности, предполагающий её социокультурное становление и системное присвоение культурных и морально-нравственных ценностей [6].

Особого внимания заслуживает тезис А. Н. Вырщикова и М. Б. Кусмарцева о том, что Россия должна закрепить свое внутреннее и международное положение как Великая Держава, и основа этого – российский гражданско-государственный патриотизм, потенциал которого накоплен исторически в виде традиций культуры, защиты Отечества и коллективного решения жизненных проблем страны [3]. Как отметил Р. О. Яковлев, чувство патриотизма не образуется и не существует само по себе, оно возникает в ответ на различные исторические вызовы, которые бросают жизненные реалии существующему в конкретном времени обществу [15].

Научный вклад данного исследования состоит в систематизации и уточнении понятийно-категориального аппарата гражданско-патриотического воспитания, а также в построении наглядной трехуровневой модели патриотического сознания, которая может быть использована как теоретическая основа для диагностики уровня сформированности патриотизма у обучающихся.

Основные выводы исследования:

1. Патриотизм представляет собой трехуровневую структуру (эмоционально-чувственный, ценностно-смысловой и практически-деятельный уровни), где критерием зрелости является наличие поведенческого компонента.

2. Гражданственность – это интегративное качество личности, включающее когнитивный, ценностный и поведенческий компоненты, связанные с правовой и политической активностью.

3. Гражданско-патриотическое воспитание является диалектическим единством патриотизма (эмоционально-историческая связь с Родиной) и гражданственности (социально-правовая и деятельностная позиция личности).

4. В условиях глобализации и информационного противоборства гражданско-патриотическое воспитание приобретает статус приоритета государственной политики, что закреплено в Указе Президента РФ №809 и ФГОС.

Таким образом, подлинный патриотизм, следуя традиции К. Д. Ушинского и В. А. Сухомлинского, не может быть слепым или некритичным; он должен быть сознательным, основанным на правде истории, включающей как героические, так и трагические страницы [10; 3].

Литература

1. Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей // Указ Президента РФ №809 от 9 ноября 2022 г. // [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/405579061/> (дата обращения: 25.11.2025).

2. Белинский В. Г. О Пушкине, Лермонтове, Гоголе / В. Г. Белинский. – М.: Издательство «Юрайт», 2025. – 326 с. // Образовательная платформа Юрайт: сайт [Электронный ресурс]. – URL: <https://urait.ru/bcode/565386> (дата обращения: 16.04.2026).

3. Вырщиков А. Н., Кусмарцев М. Б. Теоретические основания инновационного развития патриотического воспитания в регионе / А. Н. Вырщиков, М. Б. Кусмарцев // Известия ВГПУ. 2015. №3(98) [Электронный ресурс]. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/teoreticheskie-osnovaniya-innovatsionnogo-razvitiya-patrioticheskogo-vozpitanija-v-regione> (дата обращения: 07.02.2026).

4. Гамидова Н. В. Глобализация и менталитет молодежи / Н. В. Гамидова // Общество и право. 2016. №2(56) [Электронный ресурс]. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/globalizatsiya-i-mentalitet-molodezhi> (дата обращения: 03.03.2026).

5. Гизоев С. Э., Киргуева Ф. Х. Роль истории в воспитании гражданственности и патриотизма молодёжи / С. Э. Гизоев, Ф. Х. Киргуева // МНКО. 2018. №5(72) //

[Электронный ресурс]. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/rol-istorii-v-vospitanii-grazhdanstvennosti-i-patriotizma-molodyozhi> (дата обращения: 03.03.2026).

6. Гревцева Г. Я., Дуранов М. Е. Интернационалистское и патриотическое воспитание личности как социокультурный процесс / Г. Я. Гревцева, М. Е. Дуранов // Современная высшая школа: инновационный аспект. – 2018 [Электронный ресурс]. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/internatsionalistskoe-i-patrioticheskoe-vospitanie-lichnosti-kak-sotsiokulturnyy-protsess> (дата обращения: 20.01.2026).

7. Лутовинов В. И. Современный российский патриотизм: сущность, особенности, основные направления / В. И. Лутовинов // [Электронный ресурс]. – URL: <https://st-hum.ru/en/node/97> (дата обращения: 03.03.2026).

8. Магомедова А. М., Каримулаева Э. М. Особенности гражданского воспитания школьников на уроках права / А. М. Магомедова, Э. М. Каримулаева // Материалы VII Международной студенческой научной конференции «Студенческий научный форум» // [Электронный ресурс]. – URL: <https://scienceforum.ru/2015/article/2015016173> (дата обращения: 03.03.2026).

9. Максимов Н. С. Понятие «гражданственность» в педагогических, социально-политических и гуманитарных науках / Н.С. Максимов // Ученые записки Забайкальского государственного университета. 2025. №2 [Электронный ресурс]. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/ponyatie-grazhdanstvennost-v-pedagogicheskikh-sotsialno-politicheskikh-i-gumanitarnykh-naukah> (дата обращения: 03.03.2026).

10. Романовский В. К. Патриотическое воспитание подрастающего поколения как актуальная задача и важнейший приоритет современной России / В.К. Романовский // Нижегородское образование. 2021. № 2 [Электронный ресурс]. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/patrioticheskoe-vospitanie-podrastayuschego-pokoleniya-kak-aktualnaya-zadacha-i-vazhneyshiy-prioritet-sovremennoy-rossii> (дата обращения: 03.03.2026).

11. Рядовой А. Г. Патриотизм как системно-комплексное качество личности: сущность и содержание / А. Г. Рядовой // ОНВ. 2008. №3(67) [Электронный ресурс]. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/patriotizm-kak-sistemno-kompleksnoe-kachestvo-lichnosti-suschnost-i-soderzhanie> (дата обращения: 03.03.2026).

12. Сикорская Л. Е. Кризис институтов социализации современной молодежи / Л. Е. Сикорская // Вестник Костромского государственного университета. Серия: Педагогика. Психология. Социокинетика. 2009. №4 // [Электронный ресурс]. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/krizis-institutov-sotsializatsii-sovremennoy-molodezhi> (дата обращения: 03.03.2026).

13. ФГОС «Основное общее образование» // [Электронный ресурс]. – URL: <https://fgos.ru/fgos/fgos-ooo/> (дата обращения: 05.03.2026).

14. Шевелева К. В., Честнов Н. Е. О противодействии фальсификации истории Великой Отечественной войны: правовой аспект / К. В. Шевелева, Н. Е. Честнов // Правопорядок: история, теория, практика. 2022. № 3(34) [Электронный ресурс]. –URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/o-protivodeystvii-falsifikatsii-istorii-velikoy-otechestvennoy-voyny-pravovoy-aspekt> (дата обращения: 03.03.2026).

15. Яковлев Р. О. Исторические этапы развития патриотического воспитания в России / Р. О. Яковлев // Наука и школа. 2017. №2 // [Электронный ресурс]. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/istoricheskie-etapy-razvitiya-patrioticheskogo-vozpitaniya-v-rossii> (дата обращения: 07.02.2026).

УДК 371.48

ПЕДАГОГИЧЕСКИЕ ИДЕИ К.Д. УШИНСКОГО: ТРУДОВОЕ ОБУЧЕНИЕ ОТ XIX ВЕКА В БУДУЩЕЕ, САМОВЫРАЖЕНИЕ В ТРУДЕ

PEDAGOGICAL IDEAS OF K.D. USHINSKY: LABOR TRAINING FROM THE 19TH CENTURY TO THE FUTURE, SELF-EXPRESSION IN LABOR

Чаганов Николай Николаевич

Студент 4 курса, кафедра истории и философии, Гуманитарно-педагогическая академия (филиал) Крымского федерального университет имени В. И.

Вернадского в г. Ялта

Chaganov Nikolai Nikolaevich

4rd year student Department of History and Philosophy, Humanitarian and Pedagogical Academy (branch) of the Vernadsky KFU in Yalta

Научный руководитель: Есип Игорь Михайлович, кандидат исторических наук, доцент, Гуманитарно-педагогическая академия (филиал) ФГАОУ ВО «КФУ им. В.И. Вернадского» в г. Ялта

Supervisor: Esip Igor Mikhailovich, PhD in Historical Sciences, Associate Professor, Humanitarian and Pedagogical Academy (branch) of the Vernadsky KFU in Yalta

Аннотация. В статье анализируется эволюция идей трудового воспитания от XIX века до наших дней, центральное место в которой занимает наследие К. Д. Ушинского, рассматривавшего труд как основу счастья, нравственности и подготовки к жизни. Автор прослеживает преемственность этих идей у последующих педагогов и выявляет современные проблемы трудового обучения, включая цифровизацию и дефицит кадров. В заключение

обосновывается необходимость возвращения к пониманию труда как свободного самовыражения личности, в том числе через внеурочные практики и восприятие труда в качестве хобби.

Abstract. The article analyzes the evolution of labor education ideas from the 19th century to the present, with the legacy of K. D. Ushinsky occupying a central place as he viewed labor as the basis of happiness, morality, and preparation for life. The author traces the continuity of these ideas in subsequent educators and identifies current problems of labor education, including digitalization and staff shortages. In conclusion, the article substantiates the need to return to the understanding of labor as free self-expression of the individual, including through extracurricular practices and the perception of labor as a hobby.

Ключевые слова: К. Д. Ушинский, педагогика Ушинского, трудовое обучение, трудовое воспитание, труд, история трудового обучения, развитие личности

Keywords: K. D. Ushinsky, Ushinsky's pedagogy, labor training, labor education, labor, history of labor training, personal development

Введение

Идея о том, что труд имеет проектирующее влияние на личность человека, давно и прочно связана с педагогической наукой [1]. В данной статье речь пойдет об эволюции идей о роли труда в воспитании личности, в «формировании» человека путем в истории педагогической науки от XIX века до наших дней. Ключевой связывающей персоналией в статье служит великий отечественный педагог К. Д. Ушинский, который ещё в XIX веке заложил сегодняшние представления о роли педагога в формировании и развитии личности учащегося посредством трудового воспитания. Помимо этого, нами будут в обзорной форме рассмотрены взгляды теоретиков образования и педагогов на труд. Коротко будет описан современный образовательный процесс, его проблемы и особенности. В результате статьи нами будут приведены некоторые размышления о возможном будущем труда в образовании и об идее труда как пути самовыражения личности. Идеи К. Д. Ушинского и его идейных последователей стали фундаментом в современном образовании. Получая новые вызовы, педагоги могут черпать вдохновение и мотивацию, опираясь на идеи ведущих педагогов прошлого, находя новые варианты для решения новых задач. Я убежден, что тема трудового образования далеко не исчерпана и открывает новые перспективы и горизонты для исследования.

История трудового обучения. С XIX века идея о труде прочно закрепилась как одна из ключевых идей о становлении, формировании личности

человека, а вслед за ней – и об изменении мира в целом. Основой трудовой теории Маркса и Энгельса является понятие о труде как первом условии человеческой жизни. Согласно этой теории, «труд создал самого человека» [9, с. 50]. По мнению Энгельса, трудясь, человек получает навыки преобразования природы; изменяя мир, человек изменил самого себя. Согласно трудовой теории антропогенеза, развитие речи, мышления, мозга, руки, а также социальное взаимодействие людей является следствием совместной трудовой деятельности. Занимаясь изготовлением орудий труда, люди накапливали знания и опыт, передавали его потомкам. Теория труда Маркса и Энгельса неспроста открывает данную статью, ведь знаменитый отечественный педагог К. Д. Ушинский был их современником и концептуализировал труд как фундаментальную ценность в области образовательной науки.

К. Д. Ушинский подчеркивал огромную роль труда как особого механизма для воспитания человека. Ушинский писал: «... человек рожден для труда; труд составляет его земное счастье, труд – лучший хранитель человеческой нравственности, и труд же должен быть воспитателем человека» [6, с. 311]. Согласно Ушинскому, трудовое воспитание учащихся должно стать путем к самовыражению и самовоспитанию. Заметно, что категории труда и счастья взаимосвязаны в теории Ушинского: достижение личностью своей цели, своего воплощения в жизни доступно через труд, в связи с чем в своём фундаментальном труде о педагогической антропологии Константин Дмитриевич утверждает: «Труд есть единственно доступное человеку на земле и единственно достойное его счастье» [7, с. 102].

Развивая эту мысль, Ушинский указывает на внутреннюю, духовную, животворную силу труда как на источник человеческого достоинства, нравственности и счастья, уточняя при этом, что материальные плоды труда составляют человеческое достояние, но именно сама сила труда формирует нравственность и счастье [7, с. 162]. Наконец, на основании этих положений мыслитель формулирует цель педагогики: если воспитание желает человеку счастья, оно должно «воспитывать его не для счастья, а приготавливать к труду жизни», то есть развить в человеке привычку и любовь к труду, а также дать ему возможность отыскать для себя труд в жизни [7, с. 170].

Систему этих идей К. Д. Ушинский развил, вернувшись из педагогической поездки по странам Европы. Идейными вдохновителями для этого выступили И. Г. Песталоцци, Г. Кершенштейнер и Ж. Ферри. Песталоцци представлял народную школу как школу труда, дающую воспитанникам надлежащую подготовку к жизни. Кершенштейнер, реформатор образования, предлагал развивать практические умения у учащихся, чтобы школы могли выпускать их в

реальную жизнь. Ж. Ферри реформировал французское образование, установив бесплатное светское начальное образование, внедрив в него обязательный физический труд для детей.

Мотив трудового обучения рецепируется выдающимися педагогами 20 века. Среди них, например, - С. Т. Шацкий, А. С. Макаренко, В. А. Сухомлинский. Станислав Теофилович Шацкий считал, что ребёнка необходимо воспитывать в культуре труда и давать представление о труде окружающих людей. Антон Семёнович Макаренко считал труд одним из ключевых средств воспитания, выделяя способность труда воспитать в личности коллективизм, дисциплинированность, инициативу [1]. Василий Александрович Сухомлинский видел в труде средство раскрытия нравственных и интеллектуальных сил личности, а также ввел понятие радости от труда [4, с. 109-113].

Эти педагоги подчёркивали, что труд – это не просто средство подготовки к жизни, но и элемент духовной жизни, который может стать источником радости, способствовать гармоничному развитию личности и самореализации личности в мире.

Наше время. Проблемы конца XX – начала XXI в.

В Европе 1960–1980-х годов можно выделить тенденцию к активизации учебного процесса, развитию самостоятельности учащихся и связи образования с реальной жизнью. Это включало внедрение элементов трудового воспитания и проектного обучения. Ключевым теоретиком этого направления являлась Мария Монтессори, разработавшая педагогическую систему, основанную на идее свободного трудового обучения. Она настаивала на создании определенной среды, в которой ребенок бы смог развивать свою ответственность через взаимодействие с этой средой, через посильный для ребенка труд. Это пересекается с идеями К. Д. Ушинского о разнообразии физического труда для воспитанников [6, с. 20-21].

Несмотря на бесспорный прогресс в мире, как в области технологий, так и передачи информации, проблемы 21-го века в обучении существенно сужают возможности включать труд в активную воспитательную деятельность, соответственно, на наш взгляд – сегодня формируются и проблемы во всестороннем развитии учащихся. Несомненно, по мере возможностей методики трудового обучения включаются в образовательные процессы в России, Европе, Китае. Немалую роль играет среда, в которой происходит педагогический процесс. В контексте внедрения труда в современное образование имеют значение кадровые и финансовые проблемы, то есть неравномерное финансирование по регионам и дефицит педагогических кадров, особенно в регионах [3, 5]. Вышеупомянутая проблема особенно влиятельна в контексте

разрыва между учителем, учащимся и его семьей. В современном образовании происходит потеря авторитета учителя, снижается взаимодействие семьи (как авторитета для ребенка) и школы, педагога. Из-за влияния цифровых технологий и негативного образа педагога в СМИ, большого количества авторитетов в интернете педагог больше не имеет большого значения в жизни и мироощущении ученика [2].

Решение этих проблем требует комплексного подхода, включающего модернизацию методик обучения, улучшение финансирования образования, поддержку педагогов, учёт психологических и социальных потребностей учащихся, а также активное взаимодействие школы, семьи и общества.

Заключение. Самовыражение личности в труде, труд как хобби

Новые вызовы и условия быстро развивающегося мира подталкивают нас к поиску новых методов. Но это не отменяет уже рабочие методики воспитания. Вовлечение учащихся в посильный и, главное, интересный труд будет полезен и как воспитательный процесс, и как подготовка ребенка к взрослой жизни. Современные подростки зачастую не понимают ценности труда, так как почти не сталкиваются с ним в реальной жизни. Эту проблему возможно решить с помощью небольших изменений в современном образовательном процессе, перенаправления государственного внимания на финансирование школ и на совершенствование образовательных процессов.

4 августа 2023 года внесены поправки в закон № 479-ФЗ, где для реализации трудового воспитания установили обязанность учеников принимать участие в общественно-полезном труде, направленном на формирование у них «трудолюбия и базовых трудовых навыков, чувства причастности и уважения к результатам труда» [8]. Это серьезный шаг в воспитательном процессе, но, на мой взгляд, также нужно внедрять погружение в труд, трудовое воспитание на бытовом уровне. Школьники таким образом получают базовые навыки, которые, конечно, пригодятся в жизни. Следующим шагом должны стать экскурсии на производство, чтобы учащиеся лучше осознали, как выглядит ежедневный труд во взрослой жизни, как труд обеспечивает их жизнь. Подобные практики могут быть приемом, формирующим мировоззрение, а также опытом, возможно влияющим на выбор будущей профессии. Для этого, в первую очередь, необходимо основываться на идее престижа труда, труда как фактора преобразования и роста личности. Идеи К. Д. Ушинского и других теоретиков о свободном и радостном труде, который позволяет личности самовыражаться, могут стать основой для продуктивного мировоззрения молодых людей.

Отдельно хотелось бы остановиться на труде как хобби, как дела для души и раскрытия внутреннего потенциала личности. О важности и даже

популярности этого подхода к труду говорят многочисленные блоги, посвященные различного рода хобби. Подростки (и не только), просматривая подобный контент, увлекаются трудом-как-радостью – деятельностью, в которой можно пробовать свои силы, исследовать новые занятия и умения. Очень важной составляющей процесса труда является его оценка окружающими. В этом контексте играют роль социальные сети и медиа, которые одобряют труд, показывают ребенку и подростку, что трудиться – радостно и интересно.

Литература

1. Дрижерук Ю. С. Проблема трудового воспитания детей в истории развития педагогической мысли / Ю. С. Дрижерук, Е. А. Панасюк // Коммуникации. Общество. Духовность – 2022: Материалы XXII международной научно-практической конференции. К 350-летию со Дня рождения Петра I (г. Ухта, 19–21 мая 2022 года). – Ухта: Ухтинский государственный технический университет, 2022. – С. 137-140.

2. Масленникова О. Н., Самотовинский Д. В. Побочные эффекты цифровизации образования: «Тоска по наставнику» // Юрист ВУЗа. 2021. № 1. [Электронный ресурс]. URL: <https://panor.ru/articles/pobochnye-effekty-tsifrovizatsii-obrazovaniya-toska-po-nastavniku/54522.html#> (дата обращения: 18.04.2026).

3. Набиева Н. А. Актуальные проблемы современной педагогики / Н. А. Набиева // Вопросы науки и образования. 2024. №10 (182). [Электронный ресурс]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/aktualnye-problemy-sovremennoy-pedagogiki> (дата обращения: 19.04.2026).

4. Сухомлинский В. А. Сердце отдаю детям / В. А. Сухомлинский. – Минск: Изд-во полит. литературы, 1981. – 288 с.

5. «Учитель как дефицитный ресурс: регионы вступили в борьбу за кадры» // Сайт «Региональные комментарии» [Электронный ресурс]. URL: <https://regcomment.ru/reviews/uchitel-kak-defitsitnyj-resurs-regiony-vstupayut-v-borbu-za-kadry/> (дата обращения: 30.03.2026).

6. Ушинский К. Д. Труд в его психическом и воспитательном значении. Избранные сочинения / К. Д. Ушинский. – М.: Изд-во «Юрайт», 2017. – 359 с.

7. Ушинский К. Д. Проблемы педагогики: [сборник] / К. Д. Ушинский // Сост. и авт. вступ. ст. Э. Д. Днепров. – М.: Изд-во УРАО, 2002. – 592 с.

8. Федеральный закон от 04.08.2023 г. № 479-ФЗ [Электронный ресурс]. URL: Федеральный закон от 04.08.2023 г. № 479-ФЗ Президент России (дата обращения: 04.01.2026).

9. Энгельс Ф. Роль труда в процессе очеловечения обезьяны // Энгельс Ф. Глава 2: Диалектика природы. Пер. под ред. Д. Б. Рязанова. – М.: Партиздат, 1935. – 16 с. [Электронный ресурс]. URL: [https://ru.wikisource.org/wiki/Диалектика_природы_\(Энгельс\)/Глава_2](https://ru.wikisource.org/wiki/Диалектика_природы_(Энгельс)/Глава_2) (дата обращения: 18.04.2026).

УДК 141:316.6

**ВЛИЯНИЕ РАСПАДА СССР НА ПРОБЛЕМЫ ИДЕНТИЧНОСТИ
СОВРЕМЕННОЙ МОЛОДЕЖИ
THE IMPACT OF THE COLLAPSE OF THE USSR ON THE IDENTITY
PROBLEMS OF MODERN YOUTH**

Чудина-Шмидт Наталья Витальевна

к.филос.н., доцент кафедры гуманитарных и социально-экономических дисциплин Крымского филиала Краснодарского университета МВД России, г.Симферополь, Крымский филиал Краснодарского университета МВД России

Natalia Vitalievna Chudina-Schmidt

PhD in Philosophical Sciences, Associate Professor, Department of Humanities and Socioeconomic Disciplines, Crimean Branch of the Krasnodar University of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Simferopol, Crimean Branch of the Krasnodar University of the Ministry of Internal Affairs of Russia

Аннотация. В статье рассматривается проблема потери культурной идентичности в период распада СССР, когда те ценности, традиции и нормы, которые были приняты подверглись разрушению, а новые еще даже не заявили о себе. Особо остро заявленная проблема проявляет себя сегодня, когда подрастающее поколение не идентифицирует себя с нашей, русской культурой и ментальностью, поскольку в период распада СССР произошел «сбой» в системе передачи традиционных ценностей и традиций. Так как молодёжь времен «распада», которая должна была получить знание культурных особенностей русского мира и самоидентификацию от своих родителей (семьи) их не получила. Сегодня же, когда эти молодые люди, в свою очередь, должны передать традиции и ценности своим детям им просто нечего передавать. В результате молодое поколение остается в культурном и идентификационном вакууме и как следствие формируется исходя из тех традиций, ценностей и норм, которые пропагандируются в сети Интернет и социальных сетях.

Abstract. This article examines the loss of cultural identity during the collapse of the USSR, when the values, traditions, and norms that had been accepted were eroded, while new ones had not yet even emerged. This problem is particularly acute

today, as the younger generation fails to identify with our Russian culture and mentality, as the collapse of the USSR disrupted the transmission of traditional values and traditions. Young people during the collapse, who were supposed to have received knowledge of the cultural characteristics of the Russian world and a sense of self-identity from their parents (family), did not receive these. Today, when they should, in turn, pass these on to their children, they simply have nothing to pass on. As a result, the younger generation is left in a cultural and identity vacuum and, as a result, is shaped by the traditions, values, and norms promoted on the internet and social media.

Ключевые слова: культурная идентичность, социализация, ценности.

Keywords: cultural identity, socialization, values.

Сегодня особо остро встает вопрос с самоидентификацией себя со своим культурным наследием, которое, к сожалению, претерпело серьезную потерю во времена «перестройки» и последующего за ней «распада» Советского союза. Стоит отметить, что под культурной идентичностью принято понимать принадлежность индивида к определенной культуре или культурной группе, формируя при этом ценностное отношение к себе и другому, конкретному обществу и миру в целом. Таким образом, стоит отметить, что необходимость в наличии четко сформированной культурной идентичности вызвана тем, что все в нашем мире нуждаются в упорядоченности своей жизни. Для этого каждому человеку необходимо освоить принятые в данном обществе нормы, ценности и традиции. Поэтому в основе культурной идентичности заключается необходимость осознанного принятия человеком соответствующих его культурной среде норм и традиций, образцов поведения и ценностных ориентиров, языка и способа мышления. Приобщаясь к определенной культуре человек начинает понимать свое «Я» исходя из позиций тех культурных характеристик, которые приняты в данном обществе [2]. Соответственно, культурная идентичность носит ценностно-ориентационный характер, поэтому ее можно рассматривать в качестве одной из форм включенности человека в социокультурное пространство. Выступая интегрирующим началом, идентичность обеспечивает его тождественность самому себе и тому образу, идеалу, на который он должен опираться в своих поступках и форме деятельности [5].

Таким образом культурная идентичность является не просто показателем индивидуального развития, но и является определяющим фактором бытия человека. Следовательно, чем точнее человек идентифицирует себя со своей культурой, тем более у него развита индивидуальность, тем гармоничнее он строит взаимоотношение с «Другим» и окружающим его миром.

Однако, отечественное социокультурное пространство претерпело в конце XX века серьезную опасность для нашего мира, которая, даже если и не была замечена в прошлом, то сегодня заявляет о себе с новой, угрожающей силой, становясь проблемой для дальнейшего развития нашего, российского общества.

Данная проблема, появляется в конце 80-х годов XX века с момента начала развала Советского Союза. Она заключается в том, что дети, которые росли и должны были получать через институт семьи традиционные ценности и приобщаться к нормам и традициям русского мира, в большинстве своем, были предоставлены сами себе не получая должного внимания от родителей.

Вместо получения образования и выстраивания планов на будущее, молодежь все больше была предоставлена «сама себе» и подвержена влиянию улицы или лиц из неблагополучных семей, бывших заключенных, что привело к разрушению традиционных форм передачи ценностей, норм и правил поведения от поколения к поколению. По мнению Чудиной-Шмидт Н. В. и Дайнега Ж. А., такое распространение радикальных идей среди молодежи напрямую зависит от социальных и психологических реакций: «стремление к объединениям» и «желание отделиться от подчинения со стороны старших» - классические маркеры, которые при утрате культурной идентичности направляют молодежь в деструктивные группы [4]. Причиной этой проблемы стал резкий рост бандитизма, упадок экономики и развал государства в целом, жившее на тот момент поколение должно было самостоятельно выбрать свой путь, чтобы прокормить себя и своих близких. Кто-то смог найти работу и выбраться из нищеты, другие же ушли в криминальную среду, общество разделилось на два лагеря и в каждом лагере были свои лидеры. Как подчеркивает Чудина Н.В., «субъект экстрима – это индивид, который обладает сильной волей..., что включает механизм отсутствия боязни негативной оценки его поведения со стороны окружающих». Кроме того, автор считает, что данное лицо не боится ставить под сомнение границы своего существования, предпринимая шаги, которые идут вразрез с общепринятым порядком.

Сегодня в рамках проблемного поля, заявленного в названии статьи можно выделить несколько основных аспектов влияния распада СССР на потерю культурной идентичности. Среди них стоит выделить наиболее существенные:

Во-первых, *разрыв исторической преемственности*. Поколение, которое было рождено после 1991 года не имеет личного опыта жизни в Советском Союзе. Для этого поколения советское прошлое выступает как некая абстрактность, как один из исторических периодов нашего государства. Чаще всего про основные идеи, цели, нормы и образцы поведения, принятые в Советском союзе, они узнают из рассказов старшего поколения, что приводит к

ощущению разрыва между историей нашего государства и собственным опытом, приводя к отсутствию идентификации себя со своими корнями [1].

Во-вторых, *формирование множественности идентичностей*. В государствах, которые образовались после распада Советского Союза происходит переосмысление национальной, культурной и гражданской идентичностей, что приводит к балансировке молодого поколения между локальной, региональной и глобальной идентичностями. Такое разнообразие идентичностей и их расплытие, приводит к тому, что современная молодежь находится в ситуации неопределенности собственной идентификации со своей культурной идентичностью.

В-третьих, *идеологическое и политическое реформатирование*, которое приводит к формированию плюрализма в мировоззренческих, ценностных и других дискурсах [3]. Что, в свою очередь, не дает молодому человеку точных и четких ориентиров, расплывая его между разными точками зрения, мнениями, настроениями и как результат отсутствие четкой культурной идентификации себя в современном социокультурном пространстве.

В-четвертых, *поколенческий разрыв*, современный молодой человек, не получив передачу культурных ценностей, традиций, образцов поведения от старшего поколения, имеет меньшую эмоциональную связь с теми нормами, которые были образцами в Советском Союзе, что приводит к нарушению преемственности поколений и дает базу для внедрения в сознание молодого человека идей, ценностей и образцов, которые ему не свойственны, что приводит к искажению его восприятия окружающей действительности и строит фундамент для подмены его мировоззренческих принципов на радикальные, националистические и экстремистские.

В-пятых, *глобализация и цифровизация*. Процессы, которые проходят сейчас в социокультурном пространстве свидетельствуют о том, что современная молодежь проходит процесс формирования культурной идентичности, исходя из реалий мира цифровых технологий, доступа к глобальной информации, общения с представителями разных стран, течений и т. д., что приводит к формированию сложной «гибридной» идентичности, которая может включать в себя те идеи, традиции, ценностные ориентиры, которые не свойственны для нашей традиционной идентичности. Таким образом гибридная идентичность может вступать в конфронтацию с традиционной и приводит к формированию радикального сознания и экстремистских форм поведения.

Таким образом, можно сделать вывод, что распад СССР создал сложную социокультурную обстановку для формирования идентичности. В данных условиях происходит пересечение исторического наследия, национальных

проектов и глобально-цифровых тенденций. В результате современная молодежь вынуждена конструировать свою идентичность в многомерном и многоаспектном пространстве, что приводит к сочетанию элементов разных культур, ценностей и идентичностей, находясь в состоянии «между», что, в свою очередь приводит к «распылению» и частичной утрате идентичности.

Литература

1. Коноплева А. А. Сохранение исторической памяти в реалиях развития современного мира: возможности применения методов мягкой силы / В сборнике: Философско-мировоззренческие основания деятельности по защите законности и правопорядка (к 80-летию Великой Победы). Сборник статей межведомственной научно-практической конференции. Нижний Новгород, 2026. С. 165-172

2. Литвинова О. С. Формирование четких смыложизненных ориентиров как условие предотвращения экстремистского поведения//в сборнике: Молодая наука. сборник трудов научно-практической конференции для студентов и молодых ученых. Научн. ред. Н. Г. Гончарова; редкол.: Г. А. Штофер, О. В. Красникова, Д. В. Шадуро. 2019. С. 310-312.

3. Миронова О. А. Конфессиональное согласие как основа предотвращения угроз национальной безопасности//Евразийский юридический журнал. 2016. № 9 (100). - С. 268-270.

4. Чудина-Шмидт Н. В., Дейнега Ж. А. Экстремальное поведение современной молодежи как реакция на ментальное воздействие извне // электронный научный журнал «Архонт», № 1 (28), 2022. – С. 90-95

5. Чудина-Шмидт Н. В., Литвинова О. С. Роль социально-гуманитарного знания в определении ценностных приоритетов развития социума // В книге: Актуальные проблемы права и правоприменительной деятельности. Материалы Всероссийской научно-практической конференции. Краснодар, 2020. С. 222-225.

УДК 81’27:1

Социально-философские аспекты идентичности языкового пространства современной России

Socio-philosophical facets of the evolving linguistic space identity in today’s Russia

Шабалин Дмитрий Геннадьевич

кандидат философских наук,

*доцент кафедры философии Поволжского государственного
технологического университета (ПГТУ), г. Йошкар-Ола, Республика Марий Эл,
Россия*

Dmitrii Gennadievich Shabalin

PhD in Philosophical Sciences,

*Associate Professor at the Department of Philosophy of the Volga State Technological
University (VSTU),*

Yoshkar-Ola, Republic of Mari El, Russia

Аннотация. В статье исследуются социально-философские аспекты трансформации языкового пространства современной России на фоне кризиса идентичности и социальных изменений конца XX века. Анализируется состояние русского языка и его основные тенденции: демократизация, рост числа заимствований, изменение речевых норм. Оценивается влияние СМИ на речевое поведение. Автор приходит к выводу, что языковые изменения демонстрируют не кризис, а адаптивность языковой системы. Подчёркивается важность сохранения русского языка для культурного развития и национальной безопасности России. Работа будет интересна лингвистам, социологам и специалистам в области языковой политики.

Abstract. The article examines the socio-philosophical aspects of the transformation of the linguistic space in contemporary Russia against the backdrop of an identity crisis and social changes in the late 20th century. It analyses the state of the Russian language and its key trends: democratisation, the growing number of borrowings, and changes in speech norms. The influence of the mass media on speech behaviour is also assessed.

The author concludes that linguistic changes demonstrate not a crisis, but the adaptability of the language system. The importance of preserving the Russian language for the cultural development and national security of Russia is emphasised.

Ключевые слова: языковое пространство, кризис идентичности, демократизация языка, языковые заимствования; речевые нормы, средства массовой информации, речевое поведение; русский язык; культура речи, национальная безопасность.

Keywords: linguistic space, identity crisis, democratization of language, language borrowings, language norms, mass media, verbal behaviour, Russian language, culture of speech, national security.

Социокультурная динамика общества демонстрирует признаки размывания смысловых границ социума, видимое многообразие тем

искусственно вводится в коллективное сознание, дезориентируя социально-коммуникативную систему, нарушая естественный принцип взаимодействия общества и внешней среды и ведя к обострению кризиса идентичности человека. Кризис идентичности, по нашему убеждению, проявляется в размывании образа жизни индивида, нарушении стабильности языкового, коммуникативного пространства, которое в значительной мере определяет внутренний мир человека. Социальные потрясения и общественные изменения в России в конце XX века, бесспорно отразившиеся на культурно-нравственных характеристиках общества, во многом определяют и сегодняшний процесс языкового развития, который является предметом внимания не только исследователей-лингвистов, но и логиков, социологов, психологов, политиков и философов, о чем свидетельствуют масштабы мероприятий, публикаций и обсуждений. Актуальность исследования проблем языкового пространства обусловлена серьезной озабоченностью общества сегодняшним состоянием русской языковой культуры и ее перспективами, а также тем, что социально-философское осмысление данной проблемы может получить и теоретический смысл, связанный с разработкой стратегий языковой политики страны, направленной на конструктивное решение вопроса о судьбе языка и нации.

Понятие «языковое пространство» в широком смысле подразумевает прочный, устойчивый ареал распространения того или иного языка, в первую очередь как родного и официально закрепленного на определенной территории. Кроме того, в отношении языков, за которыми закрепился статус мировых и международных, таких, как, например, английский или испанский, под языковым пространством понимают не только ядро с носителями, но и регионы, где они традиционно используются в качестве второго официального или государственного языка. Однако своим своеобразным языковым пространством может располагать и наука, социальная группа и даже отдельная личность.

Так, русское языковое пространство – это устойчивое социокультурное явление, скрепляющее территории и население Российской Империи и Советского Союза поверх границ и этнографических различий. Сущность русского языкового пространства как основы политической и экономической интеграции изложена в книге академика Трубачёва «В поисках единства» [1].

Прежде всего, русское языковое пространство представлено государственным языком Российской Федерации, являющимся родным для большинства населения России и основным средством общения между народами России, странами СНГ и Балтии. Русское языковое пространство объединяет 250 миллионов человек, свободно владеющих русским языком, 200 миллионов из которых славяне. Кроме того, оно располагает огромным по объему накопленной

информации научно-техническим пространством, имеющим научные школы во всех отраслях знания.

Современное русское языковое пространство во многом детерминировано депрессивным состоянием современного российского общества, которое, пережив стремительные социальные и политические изменения, до настоящего времени так и не демонстрирует устойчивость и прогнозируемость, несмотря на предпринимаемые руководством страны меры по обеспечению стабильности и целостности общества. Не случайно то, что так часто звучат утверждения о невозможности возвращения к истокам, к традициям, к той России, «которую мы потеряли», по причине того, что русская нация «уже далеко не та» и «того дома, куда возвращаться, давно не существует». Изучение литературы показало, что можно обнаружить самые различные и часто противоположные точки зрения также и по поводу состояния современного русского языка, его престижа, положения в странах ближнего и дальнего зарубежья, перспектив и проч.

Нельзя однозначно утверждать, что эволюция языка находится в непосредственной зависимости от вектора развития общества, тем не менее, русское языковое пространство подтверждает такую зависимость. Социокультурный контекст языковых процессов находится в динамике. Замечено, что процессы языковых изменений происходят медленно и поступательно в периоды стабильности общества, а языковые преобразования наблюдаются лишь на отдельных уровнях языковой системы. Напротив, в периоды социальных и исторических потрясений процессы языкового развития значительно ускоряются, а языковые изменения, не успевая адаптироваться и прижиться в среде носителей, накапливаются и осознаются оппозиционными образованиями в условиях существования прежних норм. Создается впечатление нестабильности, которое и дает основания рассуждать о кризисе, «засорении», «языковой интервенции», распаде, упадке современного русского языка и призывать к его спасению и сохранению.

Однако оценка состояния языковой системы не может быть однозначной. О повышении интенсивности хода эволюции русского языка может свидетельствовать массовое проникновение заимствований на всех уровнях языковой системы, что объясняется появлением большого количества новых реалий и понятий, открытостью современной России для международных контактов, стремлением приблизить практику делового общения к мировым стандартам, «снять» якобы существовавший смысловой барьер между русскими и остальным миром, а также новыми тенденциями в мировом социокультурном пространстве. Как следствие, в русский язык стремительно проникают многочисленные экономические и политические термины, меняется наиболее

устойчивый к изменениям официально-деловой стиль, синтаксические конструкции и даже интонационные модели речи представителей эфирных средств массовой информации. Эти изменения касаются «официального» языка, т. е. языка формального общения, и представляют собой образования, довольно быстро адаптирующиеся в языковой системе, поэтому прежняя острота их восприятия постепенно исчезает. Впечатление неустойчивости русского языкового пространства создается также и по причине интенсивной демократизации языка. Под демократизацией языка следует понимать тенденцию, наблюдаемую в современных языках, выражающуюся в интерференции стилеобразующих черт функциональных стилей, стирании четких границ между стилями языка, тяготении к неформальным языковым средствам и способам оформления мысли в устной форме существования языка, вытеснении строгих норм и допущении вариативов. В связи с отменой цензуры и провозглашением принципов свободы слова, сменой социальных приоритетов, появлением новых социокультурных реальностей, снижением уровня образования и общей культуры населения, вызванными экономической и культурной депрессией, потоки сниженной, просторечной, грубой и непечатной лексики вышли за пределы устной бытовой речи и проникли практически во все сферы русского языкового пространства: телевидение, радио, публицистику, художественную литературу, драматургию. Прежде подобные языковые явления находились вне литературного употребления и крайне осторожно включались в словари нормативной лексики. В настоящее время их социальное распространение вышло далеко за пределы уголовного арго и молодежного сленга и охватывает практически все слои населения.

Речевое поведение людей характеризуется все большей раскрепощенностью, пропагандируемой телевизионными развлекательными программами, рекламой и средствами массовой информации, поэтому можно говорить об изменении меры допустимости в языке и растущей языковой вульгаризации. Тот факт, что жаргонизмы теперь уже, как правило, не поясняются в текстах, не требуют «перевода» на стандартный и общепринятый язык, свидетельствует о том, что они «если еще и не вошли, то уже ворвались в речевой обиход образованного общества», демонстрируя «свободу самовыражения» и право на выбор любых выразительных средств [2, с. 63].

Средствам массовой информации в современном мире принадлежит особая роль в формировании культуры и мировоззрения. Радио, телевидение, Интернет, печатные издания в качестве инструментов информационного общества во многом определяют модели речевого поведения людей. Незначительная доля образовательных и культурных программ на телевидении,

их вытеснение из программы трансляций на большинстве каналов, перенос на «специально отведенные» пространства, например, телеканал «Культура», свидетельствуют о настоящей культурной депрессии общества. Поэтому роль средств массовой информации в языковых трансформациях можно оценивать как с положительной, так и с отрицательной стороны.

Предпринятый анализ языковых явлений позволяет выделить внутриязыковую диглоссию, т.е. одновременное владение разными подсистемами одного языка и использовании их в зависимости от ситуации и сферы общения³, но, с другой стороны, переключение с одного языкового кода на другой становится настолько непосредственным, что скорее данные характеристики языка населения представляют собой своеобразную внутриязыковую интеграцию подсистем. Так, сосуществуют две разновидности языка и два языковых кода: язык, воспринимаемый эталонным или хотя бы приближенным к нормированному, и язык простой, разнузданный и вольный, на котором говорит уже значительная часть социума. Определенно, эта заметная вольность и раскованность языкового пространства современной России представляют собой феномен русской современной культуры, изучение и социально-философский анализ которого позволяют обрисовать довольно объективную ситуацию функционирования современного русского языка и выявить актуальные на сегодня характеристики идентичности русского народа.

Но все же когда заходит речь о «порче языка», его «культурной деградации» и обеднении, возникает необходимость в уточнении содержания понятий «язык» и «речь». Выделенные языковые изменения характеризуют процесс практической реализации языка как устойчивой системы в виде речи, а именно языковой культуры. Негативная реакция многих членов общества, в том числе непосредственно работающих со словом - учителей, переводчиков, лингвистов – на массовые заимствования, демократизацию языка, однако, представляется вполне объяснимой. Но эти языковые явления, обусловленные экстралингвистическими причинами – открытостью современного российского общества для международных связей и контактов, - не угрожают русскому языку ни «засорением», ни «интервенцией». Следует согласиться с мнением лингвистов о том, что «современный русский язык, как, впрочем, и русский язык прошлого, – устойчивая система, которая хорошо адаптирует чуждые элементы, приспособляя их к своим лингвистическим системам и заставляя служить своим целям» [4, с. 54-55]. «О порче языка можно говорить тогда, когда язык утрачивает свою функциональную состоятельность – когда нарушаются его функции (коммуникативная, информационная, номинативная, когнитивная, эстетическая и другие, менее важные) или когда останавливаются или

деформируются обычные языковые процессы (семантический, номинативный, словообразовательный), чего нельзя сказать о современном русском языке, который, как бы ни был «засорен», сохраняет свою функциональную активность, и даже обнаруживает повышенную интенсивность всех нормальных языковых процессов» [5].

На наш взгляд, процессы, происходящие в русском языке в настоящее время, лишь при поверхностном рассмотрении производят впечатление языковых катаклизмов. В действительности «они реализуют гибкость и жизнеспособность современной языковой системы, в них больше закономерного, чем случайного и больше вселяющего надежду, чем катастрофического» [6].

Характеризуя состояние языкового пространства современной России, нельзя не коснуться проблемы престижности русского литературного языка, непосредственно отражающую функционирование языковой политики в нашей стране. Падающий интерес к чтению художественной литературы, как и к чтению традиционной книги вообще, определенно сужает словарный запас носителей языка. Культуре русской речи потенциально угрожают отсутствие моральной ответственности за качество печатных изданий и телевизионных программ, засилье просторечия и ненормативной лексики, неоправданное и бессмысленное использование «модных» иностранных слов, псевдокультурное пространство письменного общения в Интернет. В основном не осознаваемые манипуляции со стороны средств массовой информации, язык чатов крайне опасны для молодого поколения, для тех, кто еще не сформировался как языковая личность. В таком свете русский литературный язык с его признанной в мире художественной литературой и языковой культурой предстает языком подавляемым и намеренно обедняемым, теряющим свой престиж у собственного народа и приближающимся к уровню просторечно-разговорного варианта языка.

Действительно, в ходе своей исторической эволюции идентичность народа качественно трансформируется, переживая периоды «наложения» новых культурных феноменов на устоявшиеся и традиционные. Причем это «наложение» может приводить как к появлению совершенно нового вида общественной культуры, так и представлять собой своего рода интегрированное образование в виде сосуществования культурных явлений прошлого и современности. И если даже признать, что «на месте сегментов традиционного общества происходит формирование общества современной массовой культуры, глубоко оторванного от своих традиционных исторических корней» [7, с. 3], согласившись с мнением о том, что попытки охарактеризовать идентичность русской нации на основе критериев ментальности являются фикцией, то язык как

национально-самобытный феномен мира всё же остается основным критерием идентичности этноса.

В отличие от языка как системы, культура русской речи «переживает» нелегкие времена. И таких сложных периодов в истории развития русской речи как национально-культурной ценности было немало: это и петровская эпоха, век русского Просвещения, эпоха Пушкина, советское время. В эти времена многое менялось, вызывало противоречия и раздражение общества, но всегда язык мыслился в культурном измерении, как ценность сама по себе, как бесконечное и универсальное средство освоения мира, которое необходимо беречь и преумножать.

В целом, анализ проблем современного языкового пространства укрепляет в мысли о том, что сохранение и усиление позиций русского языка – это необходимое и неперемное условие духовного, культурного, научного развития России, одна из основ национальной безопасности, единства государства, средство влияния на мировые процессы. Как отметил Святейший Патриарх Кирилл в своем выступлении на III Ассамблее Русского мира, «опорой Русского мира является русская культура и язык» как «самобытные способы и форма выражения ценностей, исторического опыта народа Руси, которые определяют личное и общественное бытие миллионов людей» [8].

Литература

1. Трубачев О. Н. В поисках единства. Взгляд филолога на проблему истоков Руси. М.: Наука, 2005.
2. Костомаров В. Г. Языковой вкус эпохи. Из наблюдений над речевой практикой М.: Масс-медиа, 1994. С. 63.
3. Беликов В. И., Крысин Л. П. Социоллингвистика: Учебник для вузов. М., 2001. С. 56.
4. Складьяревская Г. Н. Состояние современного русского языка: взгляд лексикографа. // Русский язык и современность. Проблемы и перспективы развития русистики. Т. 1. М., 1991. С. 54-55.
5. Там же.
6. См.: Складьяревская Г. Н. Слово в меняющемся мире: русский язык начала 21 столетия: состояние, проблемы, перспективы. Исследования по славянским языкам. № 6. Сеул, 2001. С. 177-202.
7. Бызов Л. Переосмыслить себя // Литературная газета. – 2009. - № 49. С.3.
8. Выступление Святейшего Патриарха Кирилла на торжественном открытии III Ассамблеи Русского мира. [Электронный ресурс]. Режим доступа:

<https://russkiymir.ru/fund/assembly/the-third-assembly-of-the-russian-world/pat.php>
(дата обращения 20.04.2026).

УДК 37.015.31:004.89

**ОТ НЕЙРОСЕТИ-ШПАРГАЛКИ К ИНСТРУМЕНТУ АНАЛИЗА:
РАЗВИТИЕ КРИТИЧЕСКОГО МЫШЛЕНИЯ НА УРОКАХ ИСТОРИИ В
ЭПОХУ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА**

**FROM AI CHEAT SHEETS TO ANALYTICAL TOOLS: DEVELOPING
CRITICAL THINKING IN HISTORY LESSONS IN THE AGE OF ARTIFICI
AL INTELLIGENCE**

Яковенко Марина Георгиевна

Студентка 3 курса, кафедра истории и философии, Гуманитарно-педагогическая академия (филиал) Крымского федерального университет имени В. И. Вернадского в г. Ялта

Marina Georgievna Yakovenko

3rd year student Department of History and Philosophy, Humanitarian and Pedagogical Academy (branch) of the Vernadsky KFU in Yalta

Научный руководитель: Акишева Мария Сергеевна, кандидат педагогических наук, доцент, доцент кафедры истории и философии Гуманитарно-педагогической академии (филиал) Крымского федерального университет имени В. И. Вернадского в г. Ялта

Supervisor: Maria Sergeevna Akisheva, PhD in Pedagogical Sciences, Associate Professor, Institute of Pedagogy, Humanitarian and Pedagogical Academy (branch) of the Vernadsky KFU in Yalta

Аннотация. Статья посвящена проблеме трансформации роли искусственного интеллекта в школьном историческом образовании: от неизбежного, но скрытого использования нейросетей как «шпаргалки» до полноценного инструмента анализа и развития критического мышления. На основе статистических данных и экспертных оценок фиксируется кризис традиционной дидактической модели, ориентированной на воспроизведение информации. Автор обосновывает необходимость перехода от запретительной логики к пересмотру педагогической парадигмы, предлагая конкретные методические приёмы для уроков истории. Показывается, что грамотная интеграция генеративных нейросетей позволяет не только преодолеть феномен

«обучающей иллюзии», но и сформировать у школьников «когнитивный иммунитет» – способность критически верифицировать информацию, выявлять манипуляции и делать осознанный ценностный выбор. В заключении делается вывод, что будущее образования зависит не от борьбы с ИИ, а от целенаправленной методической подготовки учителей и переориентации учебных заданий с компиляции на анализ, рефлекссию и смыслопорождение.

Abstract. This article addresses the evolving role of artificial intelligence in school-level history education - shifting from the inevitable yet covert use of neural networks as a "cheat sheet" to their full-fledged application as a tool for analysis and the development of critical thinking. Drawing upon statistical data and expert assessments, the author identifies a crisis within the traditional didactic model, which is currently oriented toward the mere reproduction of information. The author argues for the necessity of moving away from a prohibitive mindset toward a fundamental revision of the pedagogical paradigm, proposing specific instructional strategies for history lessons. It is demonstrated that the judicious integration of generative neural networks not only helps overcome the phenomenon of the "illusion of learning" but also fosters "cognitive immunity" in students – the capacity to critically verify information, detect manipulation, and make informed value-based choices. In conclusion, the article posits that the future of education depends not on combating AI, but rather on the targeted methodological training of teachers and a reorientation of learning tasks away from compilation and toward analysis, reflection, and meaning-making.

Ключевые слова: нейросеть-шпаргалка, инструмент анализа, критическое мышление, историческое образование, когнитивный иммунитет

Keywords: AI cheat sheet, analytical tool, critical thinking, history education, cognitive immunity

К 2026 году искусственный интеллект перестал восприниматься в российской школе как нечто относящееся к далёкому будущему. Сегодня это уже повседневный инструмент. Согласно имеющимся данным, 62 % школьников применяют нейросетевые технологии в учебном процессе, а среди студентов вузов данный показатель достигает 87 %. В этой связи примечательно наблюдение, которое приводит заместитель руководителя администрации президента РФ Максим Орешкин [2]. Он обращает внимание на парадоксальную закономерность: в летний период, после завершения школьных занятий, частота обращений к ИИ-сервисам сокращается примерно вдвое. Основной группой пользователей «умных» помощников остаются именно школьники, и используют они их преимущественно при подготовке домашних заданий.

Тем не менее, те же самые статистические данные выявляют и другую, более тревожную закономерность. Согласно сведениям системы «Антиплагиат», в 2025 году лишь 24 % студенческих работ содержали признаки использования искусственного интеллекта. Однако анонимные опросы показывают совершенно иную картину: к помощи нейросетей обращались до 85 % учащихся. Из этого расхождения следует, что огромное большинство студентов применяют ИИ скрыто, воспринимая его не как средство для познания, а как своеобразную «шпаргалку» наготове, которая позволяет не напрягать собственное мышление. Как отметил Максим Орешкин: «Когда ты постоянно имеешь доступ к готовому результату, у тебя растет уверенность в ответе, но резко падает способность критически мыслить» [2].

Перед современной системой образования сегодня возникает вопрос, который можно назвать принципиальным: следует ли и дальше пытаться запретить ученикам использование нейросетей (что, как показывает практика, практически невыполнимо и к тому же лишено педагогического смысла) или же необходимо пересмотреть сами основы сложившейся дидактической модели.

В предлагаемой статье автором отстаивается следующая позиция: инструменты искусственного интеллекта при определённых условиях способны стать не угрозой, а полноценным помощником учителя, но при одном условии – если удастся перенаправить их применение из режима «автоматического списывания» в режим развития критической мыслительной деятельности.

Основная цель, которую мы ставим перед собой в этой работе, – представить как теоретическое обоснование, так и конкретные приёмы методического характера, касающиеся включения генеративных нейросетей в процесс школьного исторического образования. Речь идёт о том, чтобы с помощью таких приёмов формировать у учащихся умение анализировать информацию, проверять её достоверность и – что не менее важно – подвергать сомнению при необходимости. В число задач входят: оценка рисков, связанных с возникновением так называемой «обучающей иллюзии», и поиск путей их нейтрализации; экспериментальная проверка ряда методик использования ИИ; а также демонстрация того, каким образом грамотное применение нейросетей может способствовать выработке у школьников «когнитивного иммунитета» и осознанному принятию традиционных духовно-нравственных ценностей – например, через создание на уроках истории проблемно-ценностных ситуаций.

Попробуем оценить вызовы и риски использования искусственного интеллекта в школе.

Среди специалистов, занимающихся вопросами цифровой трансформации образования, можно наблюдать заметное единство мнений относительно того,

какие именно риски несёт с собой широкое внедрение генеративных нейросетей. Чаще всего в этом перечне называют следующие позиции:

- ослабление способности к критическому анализу информации,
- формирование психологической зависимости от автоматизированных помощников,
- обострение проблемы академического плагиата,
- а также целый ряд этических дилемм, для которых пока нет однозначных решений.

Однако, пожалуй, самым тревожным явлением можно считать так называемую «обучающую иллюзию». Суть её в следующем: когда ученик перекладывает написание работы на нейросеть, он оказывается лишён возможности проходить собственный путь проб и ошибок. В результате возникает знание, которое лишь кажется прочным, но на самом деле быстро рассеивается, как только человек сталкивается с реальными интеллектуальными трудностями, где нет готового алгоритма или подсказки.

Преподаватели Казанского федерального университета, обращают внимание на принципиально важную проблему: в современных условиях всё отчётливее проявляется тенденция к эрозии фундаментальных учебных навыков. Как показывает практика, школьники всё реже прибегают к самостоятельному поиску информации, испытывают трудности с выдвижением гипотез и построением причинно-следственных связей [4].

В свою очередь, данные опроса, проведённого ВЦИОМ, свидетельствуют о растущей обеспокоенности российского общества. Так, 46 % граждан полагают, что широкое применение нейросетей в образовательном процессе окажет скорее негативное влияние на качество получаемых знаний. Ещё 25 % респондентов в этой связи прямо высказывают опасения по поводу возможной деградации критического мышления у подрастающего поколения [1].

Специалисты, однако, констатируют, что попытки введения полного запрета на использование нейросетей в образовательной практике не дают желаемого результата. В сложившихся условиях более оправданным представляется иной путь – пересмотр сложившихся подходов к организации обучения. И в этом отношении курс истории, как показывают наблюдения, обладает особым, ещё не в полной мере задействованным потенциалом.

Какие же методические приемы можно использовать, чтобы ИИ стал не просто «шпаргалкой», а настоящим инструментом исследования? Рассмотрим некоторые из них (названия методик условные):

Методика 1: «Анализ альтернативных сценариев».

Суть его заключается в следующем. Учащемуся предлагается обратиться к нейросети с заданием, которое предполагает моделирование исторической ситуации: например, «Опиши, какой могла бы стать Россия в случае полной реализации столыпинских реформ». Полученный ответ не используется как готовый вывод. Напротив, школьнику предстоит самостоятельно разобрать логику, которую выстроил алгоритм, сопоставить предложенную версию с реальным ходом событий, а также определить, в чём сильные и слабые стороны такой альтернативной реконструкции.

Методика 2: «Диалог с историческим персонажем».

В данном случае нейросеть получает задание сгенерировать текст от лица реальной исторической фигуры: например, написать монолог от имени Екатерины II либо построить диалог между Александром Радищевым и императрицей. Полученный материал служит для учащихся не готовым знанием, а поводом для критического разбора – насколько предложенная реконструкция соответствует известным историческим источникам, стилю эпохи и логике поступков персонажей [5]. Задача ученика – оценить, насколько достоверно нейросеть передала дух эпохи, какие детали упущены, а где допущена модернизация. Так формируется навык критической верификации.

Методика 3: «Визуализация vs аутентичность».

Генеративные нейросети воссоздают быт и одежду людей прошлого. Однако, как справедливо предупреждают методисты, «изображение от нейросети – это реконструкция, а не документ эпохи». Сравнивая сгенерированную картинку с реальной гравюрой или фотографией, ученик развивает наблюдательность и понимание границ возможностей ИИ.

Методика 4: «Аргументация для дебатов».

ИИ готовит сбалансированные аргументы «за» и «против» по спорным историческим вопросам. Класс делится на группы, каждая из которых получает свою порцию аргументов, и задача – не просто их озвучить, а проверить фактологическую основу, выявить скрытые допущения и предложить контраргументы.

Следует обратить внимание и еще на один вопрос: возможно ли рассматривать ИИ как условие формирования «когнитивного иммунитета»?

Развитие критического мышления невозможно без обучения распознаванию манипуляций. Ученики могут анализировать, как одна и та же нейросеть на разные промпты генерирует различные по тональности ответы, и делать выводы о зависимости результата от исходного запроса. Такой опыт формирует «когнитивный гигиенический навык» – установку не доверять любому «умному» ответу, а проверять, переспрашивать и искать подтверждения.

Важно, что ИИ можно воспринимать не как замену, а как инструмент для связи с традиционными ценностями.

Наибольшую эффективность применение генеративных нейросетей демонстрирует в рамках так называемых проблемно-ценностных ситуаций – то есть таких учебных задач, которые не предполагают единственного, заранее известного правильного ответа. В качестве иллюстрации можно привести конкретный пример, уже апробированный в методической практике. При изучении темы «Начало правления Петра I» учитель вполне может дать нейросети задание сформулировать две прямо противоположные позиции по поводу реформ первого российского императора: одну – от лица «западника», сторонника европейских преобразований, другую – от лица «традиционалиста», защитника самобытного пути [3; 5]. Перед школьником в таком случае возникает ценностный выбор, который невозможно переложить на искусственный интеллект. Алгоритм в этой схеме выступает лишь как поставщик аргументов, как инструмент, генерирующий разные точки зрения. А вот окончательное решение – какая из ценностей (ориентация на прогресс или сохранение национальной самобытности) оказывается ближе самому ученику, – остаётся за человеком.

Сказанное позволяет заключить: когда нейросетевыми инструментами распоряжается компетентный педагог, они перестают выполнять роль «шпаргалки» и начинают работать как полноценный тренажёр, развивающий мыслительные способности. Чтобы реализовать этот потенциал на практике, нужно не вводить технические запреты, а пересмотреть саму логику учебных заданий и обеспечить целенаправленную методическую подготовку учителей.

Искусственный интеллект к настоящему моменту прочно вошёл в образовательную среду, стал её неотъемлемой составляющей, и закрывать на это глаза или пытаться игнорировать сложившуюся реальность уже не приходится. Однако главный вывод, который следует из анализа современных исследований и педагогической практики, заключается в следующем: нейросеть сама по себе не является ни благом, ни угрозой. Всё зависит от педагогической стратегии.

Если учитель продолжает использовать задания, сводящиеся к простой компиляции информации (рефераты, стандартные эссе, пересказы), ИИ неизбежно становится идеальной «шпаргалкой», провоцируя списывание и эрозию мышления. Если же в центре внимания оказываются аналитические, дискуссионные и творческие задачи, нейросеть превращается в уникального виртуального ассистента – генератора аргументов, визуализатора идей и провокатора сомнений.

Формирование «когнитивного иммунитета» в эпоху искусственного интеллекта становится не просто методической задачей, а условием сохранения суверенитета российской системы образования. Научить школьника не запрещать себе пользоваться ИИ, а грамотно его использовать, подвергая сомнению, проверяя и перепроверяя каждый результат, – вот подлинная цель. Как справедливо отмечают в рабочей группе при Минпросвещения, ключевая задача сегодня – «убедиться, что ИИ-технологии повышают эффективность обучения, а не снижают способность детей думать и анализировать» [6]. Предложенные в статье методические приёмы открывают путь к достижению этой цели на уроках истории.

Литература

1. Искусственный интеллект в школе: добро или зло? // ВЦИОМ. Новости: сайт. – 2025. – 21 апреля. – URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/iskusstvennyi-intellekt-v-shkole-dobro-ili-zlo> (дата обращения: 30.04.2026).
2. Орешкин заявил об утрате смысла домашнего задания для школьников из-за ИИ // Известия: сайт. – 2026. – 30 января. – URL: <https://iz.ru/2034152/2026-01-30/oreshkin-zaiavil-ob-utrate-smysla-domashnego-zadaniia-dlia-shkolnikov-iz-za-ii> (дата обращения: 30.04.2026).
3. Ружников, М. С. Использование генеративного искусственного интеллекта для развития критического мышления школьников на уроках истории (на примере темы «Начало правления Петра I») / М. С. Ружников, О. В. Мещерякова // Преподавание истории в школе. – 2024. – № 3. – С. 56–66.
4. Учёные Елабужского института представили исследования по искусственному интеллекту // Казанский (Приволжский) федеральный университет: сайт. – 2025. – 25 апреля. – URL: <https://kpfu.ru/elabuga/struktura-instituta/osnovnye-podrazdeleniya/fakultety/fakultet-matematiki-i-estestvennyh-nauk/uchenye-elabuzhskogo-instituta-predstavili-465879.html> (дата обращения: 30.04.2026).
5. Цифровая трансформация исторического образования: от ИИ-помощников до виртуальных архивов // Инфоурок: сайт. – URL: <https://infourok.ru/cifrovaya-transformaciya-istoricheskogo-obrazovaniya-ot-ii-pomoshnikov-do-virtualnyh-arhivov-8146119.html> (дата обращения: 30.04.2026).
6. Школьников поймают в нейросети: создана рабочая группа по внедрению ИИ в образование // МК.ru: сайт. – 2026. – 17 марта. – URL: <https://www.mk.ru/social/2026/03/17/shkolnikov-poymayut-v-neyroseti-sozdana-rabochaya-gruppa-po-vnedreniyu-ii-v-obrazovanie.html> (дата обращения: 30.04.2026).

Электронное издание

XI Всероссийской научно-практической конференции

**«ЯЛТИНСКИЕ НАУЧНЫЕ ЧТЕНИЯ. КУЛЬТУРА И ОБЩЕСТВО В
УСЛОВИЯХ ГЛОБАЛЬНЫХ ВЫЗОВОВ: ИСТОРИЧЕСКИЙ И
СОВРЕМЕННЫЙ КОНТЕКСТЫ»**

Сборник материалов Всероссийской научно-практической конференции

Составители и редакторы: Атик А. А., Гришин Ю. В.

Гуманитарно-педагогической академии (филиала) КФУ
им. В. И. Вернадского в Ялте

Адрес: Республика Крым, г. Ялта, ул. Севастопольская, д. 2-А
298600, г. Ялта, ул. Севастопольская, 2А.
Телефон/факс: +7 (3654) 23-63-13